

Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан

Е.В. Миронова

**Лаишевский уезд
в середине XIX – начале XX века**

Монография

Казань – 2022

УДК 94(470.41)"18/19"
ББК 63.3(2Рос-Лаишево)
М 64

Серия «История населенных пунктов Республики Татарстан»

*Утверждено к печати Ученым советом
Института истории им. Ш. Марджани АН РТ*

Научный редактор

кандидат исторических наук *А.И. Ногманов*

Рецензенты:

кандидат исторических наук *Е.Б. Долгов*
кандидат исторических наук *Л.А. Бушуева*

Миронова Е.В.

М 64 Лаишевский уезд в середине XIX – начале XX века: монография. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2022. – 228 с.; 12 с. ил.

ISBN 978-5-94981-374-4

Монография посвящена истории Лаишевского уезда Казанской губернии в середине XIX – начале XX в. На основе широкого круга источников рассматривается общественно-политическая, социально-экономическая и духовная жизнь уезда. Книга адресована историкам, преподавателям, аспирантам, студентам, а также всем, кто интересуется историей России и Татарстана.

На обложке: пристань г. Лаишев; аллея П.В. Щетинкина (1845–1918); беседка на озере в имении П.В. Щетинкина (*из фондов Музея Лаишевского края им. Г.Р. Державина*).

ISBN 978-5-94981-374-4

УДК 94(470.41)"18/19"
ББК 63.3(2Рос-Лаишево)

© Миронова Е.В., 2022

© Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 5

Глава 1. Система управления

§ 1. Земское самоуправление11

§ 2. Крестьянское самоуправление20

§ 3. Городское самоуправление27

§ 4. Трансформация власти в Лаишевском уезде в 1917 году30

Глава 2. Общественно-политическая жизнь

§ 1. Лаишев на периферии «казанского заговора»43

§ 2. Движение по возвращению в ислам48

§ 3. Взаимоотношения помещиков
и крестьян в конце XIX – начале XX века58

§ 4. Борьба за трезвость62

Глава 3. Экономическое развитие

§ 1. Земледелие и скотоводство69

§ 2. Новации в сельском хозяйстве77

§ 3. Промышленность89

§ 4. Торговля93

§ 5. Домашние промыслы98

Глава 4. Становление здравоохранения

§ 1. Медицинский персонал 105

§ 2. Профилактика и лечение
инфекционных заболеваний 123

Глава 5. Мероприятия городского и земского самоуправления по предотвращению пожаров

§ 1. Пожары в Лаишеве в 1840-х – 1850-х гг. 134

§ 2. Борьба Лаишевского земства с пожарами 138

Глава 6. Культурно-образовательное пространство

§ 1. Земская учительская интеллигенция	149
§ 2. Провинциальные учащиеся	162
§ 3. Призрение в провинции:	
на примере Алексеевского волостного приюта	171
§ 4. Досуг и развлечения	179

Глава 7. Лаишевский уезд в годы Первой мировой войны

§ 1. Повседневность в тылу	191
§ 2. Солдат из Лаишевского уезда	200
Заключение	207
Источники и литература	210
Список сокращений	227

ВВЕДЕНИЕ

Лаишевский уезд представляет интерес для историка не как выделяющийся на фоне остальных, а скорее как типичное для сельской местности явление. По нему можно проследить работу земств, традиционные занятия крестьянства и представителей других сословий. Из отличительных черт можно указать на наличие довольно многочисленного кряшенского населения. Из столицы эта местность виделась «медвежьим углом», но местные крестьяне проводили здесь всю жизнь, здесь имелись свои школы, больницы, развлечения. Поэтому изучение Лаишевского уезда является не только краеведческим направлением, но и делает вклад в академическую науку, показывая традиционную жизнь в провинции.

Историографию рассматриваемой темы условно можно разделить на 3 этапа: дореволюционный, советский и современный. Базовым исследованием по истории земского самоуправления в Лаишевском уезде служит магистерская диссертация будущего профессора Императорского Казанского университета Виктора Викторовича Ивановского «Опыт исследования деятельности органов земского самоуправления в России»¹. В его работе дан сравнительный анализ процесса организации земских учреждений в Лаишевском уезде Казанской губернии и Слободском уезде соседней Вятской губернии. Автор сопоставил попечительскую деятельность двух земств в области здравоохранения, народного просвещения, продовольственного обеспечения за полтора десятилетия с момента появления земства. Из работ по местному самоуправлению следует выделить многотомник Бориса Борисовича Веселовского «История земства за сорок лет»², в котором представлена информация по составу гласных земского собрания в

¹ Ивановский В.В. Опыт исследования деятельности органов земского самоуправления в России: уезды – Слободской Вятской губернии и Лаишевской Казанской губернии. – Казань: Унив. тип., 1881. – 344 с.

² Веселовский Б.Б. История земства за сорок лет. – Т. 1. – СПб.: Изд-во О.Н. Поповой, 1909. – 724 с.

Лаишевском уезде. Следующий пласт исследований дореволюционных авторов составляют географические и этнографические работы, посвящённые природным условиям, населению, его занятиям, быту, культуре³. Некоторые сведения о повседневности в провинции можно почерпнуть из художественных произведений. Уроженец Казани Евгений Николаевич Чириков часто посещал мелкие поволжские города и не понаслышке знал о быте простых обывателей. В повести «Чужестранцы»⁴ он посвятил Лаишеву целую главу, где описывает жизнь главных героев в уездном центре.

По некоторым аспектам жизни в Лаишевском уезде в дореволюционное время были подготовлены исследования по медицине, опубликованные в виде докладов о состоянии системы здравоохранения в Казанской губернии в XIX в. и представляемых обществу врачей. Проводимая до революции научная работа была продолжена в первые советские годы. Исследователь инфекционных заболеваний Иван Константинович Лукьянов после окончания Императорского Казанского университета в 1914 г. был мобилизован в действующую армию, назначен начальником прививочного отдела Юго-Западного фронта. Во время Гражданской войны служил главным врачом ряда госпиталей в Среднем Поволжье. После демобилизации Лукьянов возвращается в науку, выходит ряд трудов, среди которых особо следует выделить очерки по теме «Трахома в Волжско-Камском крае»⁵, в которых был представлен материал, в том числе по заболеваемости в Лаишевском уезде.

Интерес к истории малых городов и деревни возрастает в позднесоветское время. В 80-х гг. XX в. историческая наука начинает отходить от экономического детерминизма, и города как многофакторные явления начинают привлекать исследователей. Но главные работы выходят в российский период. Среди авторов стоит выде-

³ Среднее и Нижнее Поволжье и Заволжье. Репр. изд-е / Под ред. В.П. Семенова. – Ульяновск: Дом печати, 1998. – 599 с.; Сбоев В.А. Исследования об инородцах Казанской губернии. – Казань: изд-е книгопродавца И.В. Дубровина, 1856. – 188 с.; Его же. О быте крестьян в Казанской губернии. – Казань: Тип. Ун-та, 1856. – 36 с.

⁴ Чириков Е.Н. Очерки и рассказы. – СПб.: Знание, 1900. – 397 с.

⁵ Лукьянов И.К. Трахома в Волжско-Камском крае (очерки и материалы). – Чебоксары: Тип. Чув. изд-ва, 1925. – 136 с.

лить Александра Николаевича Зорина, собравшего и проанализировавшего богатый фактический материал по городам Поволжья, в числе которых был и Лаишев⁶.

На современном этапе появляются специальные издания по Лаишевскому уезду. В 1999 г. коллективом авторов были подготовлены очерки по истории Лаишевского края, в которых нашли отражение ранняя история г. Лаишева и окрестных селений, биографии известных уроженцев уезда, эпиграфические памятники⁷. В двухтысячных годах выходят серьезные исследования по экономике, образованию и здравоохранению в Лаишевском уезде⁸. Особо отметим изданные в 2014 и 2018 годах историко-культурные атласы районов Республики Татарстан, в которых содержатся сведения об истории и культуре населенных пунктов, входивших в состав Лаишевского уезда⁹.

В настоящее время большую роль в изучении духовного наследия г. Лаишева и окрестных селений играет Музей истории Лаишевского края им. Г.Р. Державина. В рамках конференций, проводимых им, исследователи рассматривают различные аспекты социальной и культурной жизни¹⁰. Довольно обширна краеведче-

⁶ Зорин А.Н. Города и посады дореволюционного Поволжья. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001. – 704 с.

⁷ История Лаишевского края / Сост. К.М. Низаметдинов, И.Х. Халиуллин; науч. ред. И.Х. Халиуллин. – [Б. м., б. и.], 1997. – 260 с.

⁸ Ермаков В.В. Торгово-промышленное предпринимательство в Прикамье в XVIII – начале XX вв. – Казань: Казан. ун-т, 2011. – 410 с.; Саматова Ч.Х. Из истории организации и функционирования сельских учебных заведений на территории Лаишевского района Республики Татарстан во второй половине XIX – начале XX в. // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2016. – №05. – С. 42–46; Саматова Ч.Х., Ибрагимов Р.Р. Становление и развитие земской медицины в Лаишевском уезде Казанской губернии во второй половине XIX – начале XX в. // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 2016. – №3/4. – С. 260–269.

⁹ Историко-культурный атлас Лаишевского района Республики Татарстан. – Казань: Фолиант, 2014. – 100 с.; Историко-культурный атлас Алексеевского района Республики Татарстан. – Казань: Оранжевый Ключ, 2018. – 160 с.

¹⁰ Страницы истории дворянства Лаишевского уезда / Сост. Ф.Г. Муртазина, С.В. Багрянова. [Музей Лаишевского края им. Г.Р. Державина]. – [Б. м., б. г.]. – 11 с.; Карташева Е.И. Старообрядцы в Лаишевском уезде в пер-

ская литература, представленная очерками по отдельным населенным пунктам, в дореволюционную эпоху входившим в состав Лаишевского уезда¹¹.

Таким образом, историография Лаишевского уезда не слишком обширна, но все же имеется ряд работ, рассматривающих регион с различных точек зрения. Кроме того, информацию можно почерпнуть из исторических исследований по Казанской губернии и Камско-Волжскому региону.

Научная новизна настоящей работы заключается в комплексном изучении истории селений Лаишевского уезда в середине XIX – начале XX в. Впервые даны характеристики различных сфер жизни уезда: социально-экономическая, культурная, духовная, они рассмотрены в едином ключе.

Комплексное изучение темы потребовало привлечения разнохарактерных источников, представленных в фондах Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского (Приволжского) Федерального университета (НБЛ К(П)ФУ), Государственного архива Республики Татарстан (ГА РТ), Российского государственного исторического архива (РГИА) и Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА).

Корпус законодательных источников, раскрывающих нормативно-правовые и организационные основы деятельности органов земского, городского и сословного самоуправления во второй половине XIX – начале XX в., был опубликован в Полном собрании законов Российской империи. Основополагающими стали следующие документы – «Положение о крестьянах» 1861 г.¹², «Земское

вой половине XIX века // Г.Р. Державин и диалектика культур: мат-лы Междунар. науч. конф. (Казань – Лаишево, 13–15 июля 2012 г.). – Казань, 2012. – С. 264–269; Шакиров З.Г. К вопросу о городском населении Лаишева во второй половине XVI – XVII вв. // Там же. – С. 261–264.

¹¹ Трофимова М.И. Рыбная слобода. Живые голоса (Популярные очерки об истории и людях Рыбной слободы). – Казань: Идель-Пресс, 2006. – 376 с.; Петров-Текин Н.И. Кряш-Серда (история деревни, жизнь народа, архивные документы). 1490–1900 гг. – Казань: Ин-т истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2018. – 363 с.; Долгов А. Көлкәмәр. Колкомерка. – Питрэч: Питрэч район газетасы типографиясендә басылды, 2014. – 73 б.

¹² Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2 (далее – ПСЗ–2). – Т. 36. – Ч. 1. – № 36657 (19 февр.).

положение» 1864 г. и «Земское положение» 1890 г.¹³, «Городовое положение» 1870 г. и заменившее его «Положение» 1892 г.¹⁴, отражающие государственную политику в отношении институтов местного самоуправления.

Основную группу источников формируют делопроизводственные документы органов губернского управления, местного самоуправления. Материалы, представленные в фондах Канцелярии казанского губернатора (Ф. 1), Казанского губернского по земским и городским делам присутствия (Ф. 419), а также опубликованные отчеты и постановления Лаишевского уездного земского собрания и Лаишевской уездной земской управы позволили изучить состав органов местного самоуправления, определить круг их обязанностей и основные направления деятельности, показать взаимодействие с центральной властью и населением. Эта информация была дополнена сведениями из фондов Канцелярии казанского губернского комиссара Временного правительства (Ф. 1246) и Казанского губернского Совета крестьянских депутатов (Ф. Р-983). В частности, было рассмотрено, как проходила реструктуризация органов власти в результате революционных потрясений 1917 г.

Также были изучены отдельные фонды Российского государственного исторического архива. Особо следует выделить фонды Вольного экономического общества (Ф. 91), Отдела сельской экономики и сельскохозяйственной статистики (Ф. 395), в которых представлены сведения об организации начальных школ, волостных приютов, их кадровом составе, условиях труда и быта учителей и учеников, программах обучения.

Особую группу составляют источники личного происхождения, авторами которых выступают дворяне, врачи, крестьяне. Мемуары и дневники представителей высшего сословия рисуют картину быта в дворянских усадьбах Лаишевского уезда в крепостническую эпоху и пореформенный период. Особого внимания заслуживают письма земского врача Понсе-де-Сандон, адресованные

¹³ ПСЗ-2. – Т. 39. – № 40457 (1 янв).

¹⁴ ПСЗ-2. – Т. 45. – Ч. 1. – №48498 (16 июня); ПСЗ-3. – Т. 12. – №8708 (11 июня).

его племяннику¹⁵. Они представляют собой рассуждения о мотивах занятия врачебной практикой, бытовых трудностях, с которыми приходится сталкиваться провинциальному доктору. Но нередко записки давали богатый фактический о жизни других сословий. Так, «Путевые заметки» профессора Императорского Казанского университета Н.А. Толмачева содержат сведения о жизни и быте крестьян¹⁶.

Для воссоздания повседневной жизни в Лаишевском уезде привлечены статьи региональной периодической печати. Наиболее информативной для нас в раскрытии темы является газета «Камско-Волжская речь», содержащая ценные сведения о рядовых буднях, об отношении жителей к выборам, страхованию, налогообложению, антиалкогольной кампании, мобилизации в годы Первой мировой войны. Особо следует отметить официальное издание «Казанские губернские ведомости», в котором нашли отражение подготовка и процедура голосования в местные органы самоуправления, основные показатели торгово-промышленного развития, а также вопросы нравственности в сельской среде.

К отдельной группе отнесены справочные и статистические издания, в которых представлена уточняющая информация по экономике уезда: количество промышленных предприятий, суммы торговых оборотов и т.д.¹⁷

¹⁵ Понсе-де-Сандон. Изучать ли мне медицину? (Письма к племяннику). – Казань: Унив. тип., 1883. – 60 с.

¹⁶ Путевые заметки Н.А. Толмачева о жизни и быте крестьян Казанской губернии в середине XIX в.: сб-к док-тов и мат-лов/ сост., автор предисл., примеч. научно-справочного аппарата Х.З. Багаутдинова. – Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. – 132 с.

¹⁷ Указатель фабрик и заводов Европейской России и царства Польского. – Изд-е второе / Сост. П.А. Орлов. – СПб.: Тип. Р. Голини, 1887. – 827 с.; Фабрично-заводские предприятия Российской империи (исключая Финляндию). – Изд-е второе. – Петроград: Электро-тип. Н.Я. Стойковой, 1914. – № 4286 (д), № 4300 (д), № 4301 (д). 969 с.; Экономическое состояние городских поселений Европейской России в 1861–1862 гг. – Ч. 1. – СПб.: Тип. К. Вульфа, 1863. – 923 с.

Глава 1. Система управления

§ 1. Земское самоуправление

В 60–70-х гг. XIX в. в губерниях, уездах и городах создаются всеобщие органы местного самоуправления, занимавшиеся хозяйственными вопросами в регионах. В качестве органов сельского самоуправления были созданы земства. Их структура, порядок формирования и функции регламентировались «Положением о губернских и уездных земских учреждениях» от 1864 г. Распорядительные функции выполняли собрания, которые созывались один раз в год на очередные заседания, а при необходимости рассмотрения срочных вопросов проводились чрезвычайные сессии. Земские гласные выносили постановления, которые подлежали реализации через исполнительные органы – управы. Последние действовали непрерывно и состояли из председателя и нескольких членов.

Земства подразделялись на губернские и уездные. В состав уездных собраний входили гласные от трех курий – землевладельцев, горожан и общинников. Из числа уездных депутатов формировалось губернское собрание.

Лаишевское уездное земство приступило к работе в 1865 г. Выборы были обставлены имущественным цензом, что предопределило преобладание помещиков. В частности, в 1868 г. половину членов земского собрания составили дворяне, остальные 23 гласных представляли городскую и сельскую курии – от них прошли 2 мещанина и 21 крестьянин¹. Причем для последних выборы не были прямыми: гласных определяли предварительно избранные выборщики².

¹ Отчет Лаишевской уездной земской управы о состоянии уездного земского хозяйства в 1867/1868 г. – Казань: Губ. тип., 1868. – С. 2.

² Казанские губернские ведомости. – 1877. – №15 (19 февр.). – С. 2.

Также предусматривалось участие в уездных избирательных съездах уполномоченных от групп землевладельцев. Например, на выборах 1877 г. согласно списку уездной управы правом непосредственного голоса на избирательном съезде землевладельцев обладали 147 человек, а через уполномоченных – 110 (55 дворян и 55 представителей других сословий). На городском избирательном съезде право голоса имели 27 человек (из них 12 имели купеческие свидетельства и годовой оборот не менее 6000 рублей, 10 – только купеческие свидетельства, 1 дворянин, 1 чиновник и 3 мещан владели недвижимостью стоимостью не менее 1000 рублей)³.

Отметим, что по третьей курии предоставлялось право баллотироваться членам избирательного съезда землевладельцев, поэтому в числе гласных, прошедших в уездное земское собрание от сельских обществ, оказывались и помещики (см. Табл. 1). Среди таковых, например, был Л.И. Донауров, сын ярославского вице-губернатора, которому принадлежало имение в с. Урай⁴ Лаишевского уезда. Морской офицер и участник похода военной эскадры Тихоокеанского флота к побережью Северной Америки, Лев Иванович недолго довольствуется жизнью в сельской местности и вскоре возвращается на флот⁵.

Таблица 1. Список гласных Лаишевского уездного земского собрания (1871–1874)

п/п	Лица, избранные гласными
	<i>От землевладельцев</i>
1.	Александр Михайлович Мельников
2.	Сергей Павлович Толстой
3.	Петр Дмитриевич Мертваго
4.	Петр Павлович Толстой
5.	Николай Сергеевич Есипов
6.	Петр Николаевич Арцыбашев
7.	Павел Петрович Филипович

³ Там же. – С. 1.

⁴ Совр. с. Дон-Урай Рыбно-Слободского района РТ.

⁵ Кульбака Н.Э. История дворянского рода Донауровых. – М.: Старая Басманная, 2013. – С. 79.

8.	Павел Андреевич Николаи
9.	Павел Александрович Евсевьев
10.	Петр Гаврилович Осокин
11.	Виктор Иванович Рубанов
12.	Николай Абрамович Ашихмин
13.	Александр Никитич Булич
14.	Михаил Владиславович Клушин
15.	Петр Александрович Костливцев
16.	Василий Львович Карташев
17.	Петр Александрович Ильин
18.	Василий Иванович Бармалеев
19.	Михаил Иванович Мельников
20.	Михаил Михайлович Римский-Корсаков
21.	Михаил Александрович Протопопов
22.	Борис Николаевич Моисеев
23.	Владимир Иванович Пенинский
	<i>От г. Лаишев</i>
1.	Лев Алексеевич Яшин
2.	Яков Филиппович Максимов
	<i>От сельских обществ</i>
1.	Григорий Филипович Бенедиктов
2.	Петр Флегонтович Флегонтов
3.	Яков Лукьянов
4.	Николай Иванов
5.	Леонтий Гордеев
6.	Евдоким Осипов
7.	Афанасий Иванов
8.	Фадей Иванов
9.	Степан Иванов
10.	Ион Никитин
11.	Петр Григорьев
12.	Козьма Герасимов
13.	Егор Григорьевич Кунгуров
14.	Иван Васильевич Горбунов
15.	Александр Алексеевич Купцов
16.	Андрей Петрович Рычагов
17.	Мирон Иванович Денисов
18.	Иван Тимофеевич Мартынов

19.	Лев Иванович Донауров
20.	Иван Михайлович Орлов
21.	Емельян Герасимов

Источник: ГА РТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2676. Л. 8–9.

Однако таким численный состав собрания был не всегда. В 1890 г. сельские избирательные съезды были упразднены, и депутаты от крестьян стали назначаться губернатором из числа кандидатов, избранных волостными сходами; а общее количество крестьянских гласных сократилось вдвое. К примеру, 1898 г. в земское собрание прошли 19 депутатов от дворян, 2 – от города и 10 – от сельских обществ. В 1906 г. право крестьян самостоятельно избирать гласных из своей среды было восстановлено, однако на численном составе это не сказалось. По выборам 1913 г. насчитывалось 20 дворян, 4 – представителя городской общественности и 10 крестьян.

Выборные должности не предполагали денежного вознаграждения и каких-либо служебных преимуществ, что не делало земскую службу привлекательной для беднейших слоев населения. И даже уполномоченные, избранные на крестьянских съездах, не в полном составе являлись на выборы гласных. К примеру, в 1898 г. из 18 уполномоченных от третьей курии присутствовали 16. Неслучайно, в гласные от горожан и сельских обществ попадали лица, которые уже находились на местной службе либо представители торгово-промышленной буржуазии. Одним из известных представителей от города был доктор И.С. Кривонос – основатель глазной клиники в Лаишевском уезде. Несколько трехлетий подряд гласными от крестьян становились волостные старшины П.К. Тукмаков и В.А. Федотов, мулла из д. Татарский Кабан А.В. Сайдашев, практически несменный член управы Ф.Н. Ефремов, торговцы из с. Масловка С.А. Чирков и из д. Надеждино Н.Н. Сорокин, зажиточный крестьянин с. Корноухово Т. Тимофеев. Состав уполномоченных от сельских обществ обновлялся незначительно. Так, в 1913 г. только 3 человека были «новичками»: волостной старшина Трофимов, и 2 крестьянина из Лаишева – «богачи по меркам города». Причем один из них, П.М. Макарьяшев, в одно время занимал должность председателя

правления Лаишевского кредитного товарищества⁶. Среди гласных уездного земского собрания был также зажиточный мещанин г. Лаишева Моисеев (Мысев) Степан Филиппович, от отца ему досталась по наследству недвижимая собственность стоимостью не менее 1000 рублей. В 1930 г. в возрасте 68 лет он был приговорен к ссылке на север сроком на 5 лет⁷.

Избирательные съезды назначались на разные даты. Так, в 1868 г. городской съезд состоялся 15 марта, через два дня собрались мелкопоместные и 26 мая – крупные землевладельцы. Выборы были организованы в г. Лаишеве. Сельские избирательные съезды были проведены сразу в нескольких пунктах: в Аркатове, Казылях и Анатыше – 5 мая, в Ключищах, Урахче, Державине, Алексеевском – 12 мая⁸.

В разные годы в уездное земское собрание входили видные общественные деятели: Ф.Н. и Н.Н. Казины, М.И. и Н.А. Мельниковы, В.Н. и Н.Н. Бельковичи, Н.А. и Л.А. Казем-Беки, М.И. Догель. Михаил Иванович Мельников был математиком, преподавал в Императорском Казанском университете, его внук, Николай Александрович, состоял в партии «Союз 17 октября», являлся депутатом III Государственной думы, а в 1916 г. был назначен членом Совета министра внутренних дел. Фёдор Нилович Казин был депутатом Думы четвертого созыва. Николай Александрович Казем-Бек зарекомендовал себя как новатор в агрономической области, стараясь внедрить в сельское хозяйство технику. В 1901 г. он купил паровые прессы для брикетирования сена, поставляемых в нуждающиеся уезды Казанской и других губерний⁹. А основанный им приют в селе Алексеевском снабдил шерстобиткой. Правда, его деятельность на земском поприще не всегда складывалась успеш-

⁶ Турист. Письма из Лаишева // Камско-Волжская речь. – 1912. – №174.

⁷ Моисеев (Мысев) Степан Филиппович // Книга памяти Республики Татарстан [Электронный ресурс] URL: <https://base.memo.ru/person/show/520284> (дата обращения: 26.10.2022).

⁸ Отчет Лаишевской уездной земской управы о состоянии уездного земского хозяйства в 1867/1868 г. – Казань: Губ. тип., 1868. – С. 2.

⁹ Эллер Н. Из прошлого в будущее // Казань [Электронный ресурс] URL: <http://kazan-journal.ru/news/kazan-i-kazantsyi/iz-proshlogo-v-budushchee> (дата обращения: 26.10.2022).

но. В начале XX в. он стал фигурантом громкого дела, возникшего в ходе продовольственной кампании 1906–1907 гг. Тогда Казем-Бек заключил с губернской управой контракт на заготовку зерна, но «разорился и недопоставил хлеба»¹⁰.

Как показывают данные по Лаишевскому уезду, в председатели земской управы избирались исключительно дворяне. В течение десяти лет в данной должности находился Петр Матвеевич Остановков – с 1874 по 1876 и с 1881 по 1887 гг., а в 1888 г. он становится председателем Казанской губернской земской управы. Долгое время этот пост занимал А.П. Горталов – с 27 сентября 1877 по 10 февраля 1880 г., с 25 января 1887 по октябрь 1901 г.¹¹ и с 11 мая 1908 по октябрь 1913 г.¹² Причем последние 6 лет он совмещал этот пост с должностью председателя уездного собрания, в которой находился с 1905 по 1913 г. Надо сказать, что аналогичную картину мы встречаем в другом уезде Казанской губернии – Цивильском, где главой и управы, и собрания был один и тот же человек в лице А.М. Арцыбашева. Пребывание Горталова на руководящих постах в земстве свидетельствовало о доверии местного дворянства, избиравшего его в течение 20 лет, и когда в 1901 г. тот покидал пост по собственному желанию, сослуживцы высказались за необходимость повесить в здании собрания портрет в знак уважения и признания заслуг на земском поприще.

А начинал Горталов служебную карьеру неперменным членом Казанского уездного по крестьянским делам присутствия. С 1877 г. Горталов неоднократно избирался Казанским и Лаишевским уездными земскими собраниями в почетные мировые судьи. 26 октября 1880 г. он был избран участковым мировым судьей. Возглавлял Лаишевскую землеустроительную комиссию, был присяжным за-

¹⁰ Подробнее см.: Миронова Е.В. Должностные преступления казанских дворян (середина XIX – начало XX в.) // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 2015. – №1/2. – С. 40–45.

¹¹ Отчет Лаишевской уездной земской управы о состоянии уездного земского хозяйства и о действиях уездной управы за 1900/1901 г. – Казань: Тип. Кидалинского, 1901. – С. 3.

¹² Отчет Лаишевской уездной земской управы о состоянии уездного земского собрания и действиях уездной управы за 1912/1913 г. – Казань: Тип. М.Н. Кошкина, 1913. – С. 11.

седателем по Лаишевскому уезду, а также выборщиком от землевладельцев того же уезда (к созыву III Государственной думы). С 1893 г. участвовал в работе органов дворянского самоуправления¹³.

Вспоминая Горталова как «почтеннейшего и бескорыстнейшего человека», его коллега по земству Н.А. Мельников в своих воспоминаниях приводит любопытный эпизод с одного из заседаний: «Однажды, подготавливаясь к уездному земскому собранию, А[лександр] П[етрович] не удосужился написать одного довольно сложного и важного доклада. Подходит момент, когда надо его оглашать. А[лександр] П[етрович] встает, берет лежащий перед ним лист бумаги и, как всегда, спокойным, ровным и внятным тоном читает довольно длинный, с некоторыми цифровыми данными, доклад. Кончил, сел, началось “обсуждение”. Председатель собрания берет лист, чтобы подготовить формулу для голосования, а на листе-то ничего не написано: чистая бумага. А[лександр] П[етрович] без запинки прочел свой доклад по чистому листу...»¹⁴. И хотя в данном сюжете мемуарист делает акцент на лени Горталова, не подготовившего отчет в письменной форме, обращает на себя внимание хорошая память и ориентированность докладчика в излагаемой теме.

Дворянин Владимир Николаевич не имел высшего образования, но окончив полный курс Казанского реального училища, стал активно заниматься развитием профессионального образования в сельской местности. Пропагандируя ремесла среди крестьян, он и сам был совладельцем фабрики гнутой и столярной мебели на железнодорожной станции Урмары. Владимир Белькович придерживался простого образа жизни, жил с крестьянкой, но его коллега по

¹³ Он являлся депутатом дворянского депутатского собрания (1893–1904), кандидатом к уездному предводителю дворянства (с 18 января 1905 г.), исполнял обязанности уездного предводителя (с 15 июня 1905 г.), служил предводителем дворянства Лаишевского уезда (с сентября 1905 г. до 1913 г.), был членом художественно-исторического хранилища (с 1914 г.)

¹⁴ Мельников Н.А. 19 лет на земской службе: (Автобиографический очерк и воспоминания) // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII – XX вв.: Альманах. – М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2008. – С. 210.

земству Н.А. Мельников отмечал, что тот предпочитал «иногда больше на словах, чем на деле, деревенскую обстановку»¹⁵. Возможно, благодаря близости к крестьянскому миру, он смог избежать репрессий в советское время и дожил до 1942 г.

Совместно со своим братом Николаем Владимир представлял партию левых земцев, и оба пользовались авторитетом у крестьян. Так, например, в 1907 г. Владимир Белькович был забаллотирован партией правых гласных и не избран в председатели уездной управы на новый срок. Следующие выборы, назначенные на 10 марта 1908 г., проходили в напряжённой обстановке, так как на должность председателя претендовал Николай Белькович, и циркулировал слух о том, что в случае неизбрания его «мужики будут бить бар»¹⁶.

Несмотря на то, что в сельской местности проживало довольно много татар – по переписи 1897 г. на их долю приходилось свыше 40% уездного населения, – своего представительства в земстве они практически не имели. В 1898 г. татар в собрании не было, и только двое прошли в кандидаты к гласным. Это объяснялось не только довольно индифферентным отношением к земским делам со стороны мусульманского общества, но и отсутствием в их среде купцов или состоятельных крестьян, соответствовавших цензу. И лишь в начале XX в. в списке гласных встречается одна нерусская фамилия.

Единственный несменный гласный от татар Абдрахман Вафич Сайдашев происходил из богатого рода. Сам он был муллой, а в 1909 г. становится совладельцем мукомольной мельницы с нефтяным двигателем возле его родной деревни Татарский Кабан. По некоторым сведениям, ему принадлежал в Казани кондитерский магазин, также он занимался сапожным производством¹⁷.

¹⁵ Мельников Н.А. 19 лет на земской службе: (Автобиографический очерк и воспоминания) // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII – XX вв.: Альманах. – М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2008. – С. 227.

¹⁶ ГА РТ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 3536. Л. 1 – 1 об.

¹⁷ Мухамадеева Л.А. Страницы истории татарского предпринимательства: купеческая династия Сайдашевых (вторая половина XIX – начало XX веков). – Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2020. – С. 42.

Финансирование земства происходило за счет налогообложения населения. Однако поступление земских сборов шло безуспешно. Неисправность плательщиков, как отмечалось в ежегодных земских отчетах Лаишевской уездной управы, зависела от неудовлетворительности урожаев хлебов в предшествовавшие годы. Причем ввиду незначительности размера пени – только 1% с каждого рубля, – лидерами среди должников оказывались крупные земельные собственники. Так, в 1885 г. с землевладельцев вместо 59969 рублей 59 копеек губернского и уездного земских сборов поступило 21039 рублей 49 копеек, а с сельских обществ – 56277 рублей 56 копеек вместо 68292 рублей 15 копеек¹⁸. В связи с нехваткой средств в земской казне управа отказывала служащим в выдаче прогонных, а жалованье служащим выплачивала только по мере возможности, и даже была вынуждена обращаться к займам в банках Казани и Санкт-Петербурга. По этой причине земство шло по пути увеличения налоговых сборов (с 7,7% в 1883 г. до 9,16% в 1885 г.)¹⁹.

Согласно действовавшему законодательству, расходы земства делились на обязательные и необязательные. К первым относились затраты на содержание почтовых лошадей, выдачу прогонных полицейским чинам, устройство важнейших путей сообщения и пр. Они являлись обязательными, потому что правительство переложило их выполнение с государственных органов управления на земство, и они непременно включались в годовую смету. К необязательным были отнесены траты на непосредственные земские потребности: медицину, ветеринарию, страхование и т.д.²⁰

¹⁸ Обзор Казанской губернии за 1885 г. – Казань: тип. Губ. правл., 1886. – С. 7.

¹⁹ Там же. – С. 8.

²⁰ См.: Низамова М.С. Казанское земство в конце XIX – начале XX вв.: Местное самоуправление и земское общественное движение. – Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2003. – С. 27-29.

§ 2. Крестьянское самоуправление

Крестьянство имело собственное самоуправление: на низовом уровне оно было представлено сельскими сходами и сельскими старостами. На последних лежали многочисленные обязанности по сбору податей, созыву сельского схода, приведению в исполнение решения вышестоящих инстанций и сельского схода и т.д.

Другим, уже коллективным источником власти в деревне, являлся сельский сход. В нем принимали участие только домохозяева, без женщин и неотделившихся мужчин. В компетенцию схода входило избрание сельского старосты, дела по пользованию общинной землей, раскладка повинностей, увольнение и прием в сельское общество и пр.

Но ряд обязанностей, спускаемых земством, сельская администрация исполняла без особого желания, видя в них лишнюю нагрузку и не находя выгоды для крестьянского населения. Одним из дополнительных обязательств стал надзор за пожарной безопасностью. Сельским старостам вменялось помогать земским пожарным старостам заниматься организацией караульной службы, следить за исправностью огнегасительных инструментов, устранять недостатки в содержании дымовых труб и печей в избах.

Однако сельские старосты не только не следили за соблюдением крестьянами мер предосторожности, но и сами допускали небрежность в обращении с огнем. Получая отчеты от страховых агентов, в земской управе приходили к неутешительным выводам: «Что же касается наблюдения за этим местного сельского начальства, то равнодушие его по этой части далее идти не может»²¹. Так, в Карадулях на доме местного сельского старосты Василия Захарова труба не была выбелена, а одна сторона, обращенная к крыше, вывалилась и была зачинена лубком. Об этом был составлен акт и отослан в волостной суд²².

При таком небрежном отношении представителей власти к пожарным инструкциям, население не слушалось ни назначенных по-

²¹ Отчет Лаишевской уездной земской управы о состоянии уездного земского хозяйства и действиях уездной управы в 1897/1898 г. – Казань: Лито-тип. И.Н. Харитонова, 1898. – С. 21.

²² Там же. – С. 21.

жарных старост, ни избранных из своей среды сельских старост. В связи с этим управа стала действовать через полицейское управление, прося его поручить полицейским стражникам и урядникам вести тщательный надзор за соблюдением в уезде противопожарных мер²³.

Но ликвидировать незаконные постройки было не так-то просто. Каждый домохозяин старался возвести постройку вместо сгоревшего здания в пределах своей усадьбы, а не на новом месте, указанном волостным старшиной, в связи с чем возникало много претензий о правах, подавались жалобы на неправильность распоряжений по отводу мест и много производилось самовольных построек. Агенты-техники управы или местный старшина составляли акт и передавали их на рассмотрение судебных мировых учреждений²⁴. Само общество снисходительно относилось к постройкам односельчан и нарушения обнаруживались не всегда, и хозяин по истечении шестимесячного срока наказанию уже не подвергался²⁵.

Это показывает старост более приверженными крестьянскому миру, чем власти. Будучи избранными своими односельчанами, старосты просто закрывали глаза на самоуправство жителей, становясь соучастниками нарушений. Так, в селениях Лаишевского уезда из года в год повторялись случаи самовольной раздачи хлеба из запасных магазинов, организованных для оказания продовольственной помощи в неурожайные годы. Например, в 1877 г. крестьяне в селениях Казаклар и Штырь приказали старосте и смотрителю отпереть магазин и выдать хлеб на каждый дом²⁶. Крестьяне не были наказаны, а вот староста и смотритель как должностные лица, обязанные следить за сохранностью запасов, подверглись денежному взысканию, но размер штрафа был незначитель-

²³ Отчет Лаишевской уездной земской управы о состоянии уездного земского хозяйства и действиях уездной управы в 1889/1890 г. – Казань: Тип. Ковалевой, 1890. – С. 19–20.

²⁴ Отчет Лаишевской уездной земской управы о состоянии уездного земского хозяйства в 1884/1885 г. – Казань: Тип. Каз. ун-та, 1885. – С. 20.

²⁵ Там же – С. 21.

²⁶ Постановления Лаишевского уездного земского собрания, состоявшегося в тринадцатом очередном заседании его с 22 по 29 сентября 1877 г. – Казань: Губ. тип., 1878. – С. 58.

ным – от 1 до 5 рублей²⁷, что открывало пути для последующих злоупотреблений.

Следующей инстанцией был волостной сход из сельских и волостных должностных лиц, а также представителей деревень. К его полномочиям относились хозяйственные дела волости, избрание должностных лиц, надзор за исполнением натуральных повинностей, сбор податей и недоимок, утверждение постановлений сельских сходов и некоторые другие. Исполнительным органом являлось волостное правление. Оно состояло из волостного старшины и старост от всех сельских обществ и производило расходы по решениям волостных сходов, а также нанимало на службу волостных служебных лиц.

Таблица 2. Список волостных старшин Лаишевского уезда к 1883 г.

Лицо, занимающее должность	С какого времени состоит в должности	Занимал ли ранее должность по выборам крестьян	Уровень грамотности
Астраханская – Степан Захарович Тумаев	с 27 декабря 1881 г.	нет	грамотный
Анатышская – Степан Васильевич Мусаев	с 1870 г.	служил сборщиком	грамотный
Алексеевская – Константин Иванович Антонов	с 18 марта 1881 г.	нет	грамотный
Аркатовская – кандидат на должность Михаил Федорович Мошков	с 15 ноября 1881 г.	нет	неграмотный
Бетьковская – Алексей Дмитриевич Баранов	с 22 декабря 1875 г.	нет	неграмотный
Больше-Кибяк-Козинская – Алексей Владимиров	с 15 марта 1881 г.	нет	грамотный

²⁷ Там же. – С. 59.

Державинская – Осип Егорович Медведев	с 15 августа 1880 г.	служил кандидатом на должность волостного старшины	неграмотный
Зюзинская – Сергей Петров	с 4 июня 1881 г.	не занимал	неграмотный
Ключищенская – Андрей Иванович Александров	с 17 февраля 1867 г.	служил уездным земским гласным одно трехлетие	грамотный
Казыльская – Василий Автономов	с 20 ноября 1882 г.	служил кандидатом старшины	грамотный
Карабаянская – Григорий Абрамов	с 21 марта 1882 г.	не занимал	неграмотный
Масловская – кандидат на должность Иванов	с 1 июля 1882 г.	не занимал	неграмотный
Селенгушская – Самуил Антонов	с 18 сентября 1880 г.	не занимал	грамотный
Сараловская – Иван Дмитриевич Кормилицын	с 15 декабря 1882 г.	не занимал	грамотный
Пановская – кандидат на должность Миронов	с 20 декабря 1882 г.	не занимал	неграмотный
Урахчинская – Василий Яковлев	с 9 сентября 1880 г.	не занимал	неграмотный
Чемерецкая – Михаил Павлович Тимочкин	с 1 июня 1882 г.	не занимал	неграмотный
Черемышевская – Василий Гурин	с 2 октября 1881 г.	не занимал	неграмотный
Чирповская – Петр Андреевич Синяев	с 25 февраля 1882 г.	не занимал	неграмотный
Шумбутская – Ипполит Константинов	со 2 июля 1882 г.	не занимал	неграмотный

Источник: ГА РТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 5752. Л. 8 об. – 9 об., 52 – 53.

Зная отношение сельских обществ к выполнению натуральных повинностей, волостные правления старались заменить их денежными. В частности, нанимать рабочих для ремонта мостов, перевозов и других дорожных сооружений, потому что «крестьяне относятся к натуральной дорожной повинности, как к неприятной формальности» и выполняют работы некачественно²⁸. Например, крестьяне-татары Мокрые Курнали предоставили 150 подвод для вывоза гальки на Бутлеровскую дамбу. Но бросили работу, найдя цену по 40 копеек в день недостаточной для покрытия расходов на ремонт поломанной сбруи и замороженных лошадей²⁹.

Решая хозяйственные задачи, земство стремилось привлекать волостные правления в качестве агентов на местах, доводя через них до населения сведения о запланированных мероприятиях – о выставках породистых домашних животных, сельскохозяйственных курсах и пр. Но волостное начальство ограничивало свое участие в этих проектах лишь информированием крестьян, часто просто вывешивая объявления в здании правления. Между тем земские служащие рассчитывали на более широкое содействие. Так, в конце XIX в. в Лаишевском уезде были организованы склады земледельческих орудий, но волостные правления уклонялись от продажи инвентаря, под предлогом «обременения массой дел и боязни сложной и мелочной отчетности»³⁰. Тем не менее работа складов была налажена, крестьяне охотно использовали арендованные инструменты, но не все из них вовремя вносили плату за взятый инвентарь. Волостные правления отказывались помогать земству взыскивать долги, ограничиваясь объявлением недоимщикам содержания отношения управы, без принятия каких-либо побудительных мер³¹.

²⁸ Отчет Лаишевской уездной земской управы о состоянии уездного земского хозяйства и действиях уездной управы в 1899/1900 гг. – Казань: Тип. П.И. Кидалинского, 1900. – С. 22.

²⁹ Мокрые Курени (Лаишевского уезда). Тяжелая работа // Камско-Волжская речь. – 1912. – №24 (29 янв.).

³⁰ Отчет Лаишевской уездной земской управы о состоянии уездного земского хозяйства и действиях уездной управы в 1898/18 99 г. – Казань: Тип. П.И. Кидалинского, 1899. – С. 43.

³¹ Отчет Лаишевской уездной земской управы о состоянии уездного земского хозяйства и действиях уездной управы в 1905/1906 г. – Казань: типо-лит. Имп. ун-та, 1906. – С. 183.

Но в числе волостных служащих встречались лица, готовые откликнуться на призывы земства в решении важных хозяйственных задач. Одним из направлений совместной деятельности стала продовольственная кампания в неурожайные годы. Как это было, например, в 1906 г., когда волостные старшины на общественных началах вошли в состав попечительств для оказания «пищевой благотворительной помощи населению». Хотя каждое из местных волостных правлений уже было занято по правительственным ссудно-продовольственным и семенным операциям.

Руководителями волостных попечительств были приглашены «по возможности интеллигентные лица, постоянно проживающие в пределах вверенных им волостей», никто из них не должен был нуждаться в благотворительной помощи. Так, Анатъшское попечительство возглавил крестьянин с. Русский Ошняк Михаил Васильевич Батуров. Он родился в 1857 г., получил начальное образование, после военной службы занимал различные общественные должности в сельском самоуправлении, а в возрасте 49 лет был избран в Государственную думу второго созыва. После разгона Думы в результате третьеиюнского переворота в 1907 г. он подвергся аресту как зачинщик аграрных беспорядков³².

Правительство контролировало сельское сословие через уездные и губернские по крестьянским делам присутствия (после 1889 г. – уездный съезд и губернское присутствие), а также земских начальников. Судебные функции осуществляли волостной и уездные суды, а также губернские присутствия. В последние входили губернатор, губернский предводитель дворянства, управляющий палатой государственных имуществ, прокурор окружного суда или его товарищ, председатель казенной палаты, председатель губернской земской управы. Они контролировали крестьянское самоуправление, а также, вместе с уездными съездами, выступали как верховные органы для земских начальников. Последняя должность была учреждена в 1889 г., и лица, ее исполнявшие, обладали большой властью над крестьянами. От земского начальника зависели должностные лица крестьянского самоуправления,

³² Члены Государственной думы: (портреты и биографии). Второй созыв, 1907–1912 г. / Сост. М.М. Боиович. – М.: Тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1907. – С. 109.

он проверял приговоры сходов на соблюдение законности, проводил ревизию органов самоуправления, разбираал земельные споры и выносил свои вопросы на повестку волостного схода.

Волостной суд состоял из четырёх судей, которых из кандидатов, представленных сельскими сходами, выбирал земский начальник на трехлетний срок. Волостными судьями могли быть домохозяева, не моложе 35 лет, не подвергавшиеся телесному наказанию и не состоявшие под судом и следствием, не владевшие заведениями по продаже спиртного в розлив и не занимавшие другие должности в волости, при этом владение грамотностью не требовалось. Волостной суд собирался не менее двух раз в месяц. Известно, что крестьяне Лаишевского уезда «охотно» предоставляли решению волостного суда свои тяжбы³³.

Среди рассматриваемых дел – претензии на раздел наследственного имущества, жалобы на жестокое обращение супруга и пр. Для выяснения этих вопросов достаточно было мирского приговора, основанного на местных обычаях. Когда же договориться в рамках общины не удавалось, недовольные стороны обращались в волостной суд, который руководствовался не только местными обычаями, но и существующими законами. Например, в 1863 г. в Зюзинский волостной суд поступил иск жителя сц. Средние Девлизери Ивана Александрова, заявившего свои права на часть недвижимости покойного брата. Ранее местный сельский сход «по вкоренившемуся издавна порядку» признал все имущество в распоряжении вдовы. Опираясь на мирской сход и учитывая тот факт, что все имущество было нажито умершим в браке совместно с женой, то истцу было отказано³⁴.

В то же время волостные суды не всегда знали некоторые тонкости закона и могли выносить решения, противоречащие законодательству, но практикуемые в повседневной жизни. Так, в 1873 г. в Бетьковский волостной суд жительница д. Носовки³⁵ Кристина Фе-

³³ Литвин А.А., Митрофанов Т.С. Состояние волостного самоуправления в Казанской губернии в первый год реализации крестьянской реформы // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2020. – Т. 162, кн. 1. – С. 35–43.

³⁴ РГИА. Ф. 950. Оп. 1. Д. 256. Л. 1–2.

³⁵ Исчезнувшая деревня Лаишевского уезда Казанской губернии.

дорова обратилась с жалобой на буйное поведение своего супруга и просила жить отдельно. И суд, вопреки действовавшему законодательству, разрешил жить им раздельно в случае повторного насилия со стороны мужа³⁶. По аналогичному делу в 1876 г. этот же суд вынес противоположное решение. Крестьянка из с. Урая Аксинья Маерова пожаловалась на жестокое обращение и невозможность жить совместно с мужем. Однако суд поверил показаниям свекра, согласно которым, его сын однажды ударил свою супругу за отлучку к родителям, и повелел жить вместе, а женщину за самовольный отъезд приговорил к трехдневному аресту в волостном правлении, ее мужа, применившего силу, подверг наказанию розгами³⁷.

Также развод мог быть в случае ссылки. Губернатор утвердил определение Анатышского волостного суда о нежелании крестьянки с. Шумкова Аксиньи Егоровой следовать в Сибирь за мужем.

Если же община была мусульманской, то семейно-брачные, земельные и наследственные вопросы волостные суды решали по нормам шариата³⁸.

§ 3. Городское самоуправление

В Лаишеве «Городовое положение» было введено 5 июля 1872 г.³⁹, открыв новую эпоху в жизни простых обывателей, получивших доступ к управлению делами города через своих избранников. Городское самоуправление состояло из думы – распорядительного органа и управы, исполнявшей принятые думой постановления и решавшей текущие хозяйственные вопросы. Председателем управы выступал городской голова, одновременно занимавший пост председателя думы, также при нем состояло несколько членов управы и секретарь, выполнявшие основную часть работы.

По свидетельству современников, новые структуры сразу же принялись за преобразования, связанные с благоустройством и

³⁶ Там же. Л. 2.

³⁷ Там же. Л. 8, 9.

³⁸ Там же. Л. 7.

³⁹ ПСЗ-2. – Т. 45 (1870). – Ч. 1. – №48498 (16 июня).

безопасностью города, «разрушая старую безурядицу, которая быстро обнаружила все свои недостатки»⁴⁰. Обновленный состав органов городского общественного управления упорядочил дело-производство, скорректировал налогообложение путем введения пошлин на недвижимость с целью получения средств на благоустройство города, усиление его безопасности и пр.⁴¹

Дума Лаишева формировалась избирательным собранием города, в которое входили жители всех сословий, но удовлетворявшие необходимому цензу. До реформы 1892 г. избирательное собрание делилось на 3 курии, разделённые по размеру уплачиваемого налога. После 1892 г. куриальное деление было отменено, и избирательное собрание стало единым⁴². После этого в лаишевскую думу избиралось 20 гласных.

Традиционно органы городского самоуправления комплектовали представители торгового капитала. По итогам голосования 1907 г., в состав гласных прошли 5 купцов, 6 мещан, 8 крестьян и 1 почётный гражданин. Солидное представительство сельского сословия объяснялось аграрным характером развития уездного центра. Тем не менее сословная принадлежность не всегда свидетельствовала о роде деятельности, и многие из избранных, приписанных к мещанам и крестьянам, тоже вели торговлю.

Происходившие революционные потрясения 1905–1907 гг., сопровождавшиеся выходом на политическую арену партий, не сказались на сословном составе городского самоуправления (Табл. 3). К январю 1912 г. в думу входили 3 купцов, 9 мещан, 8 крестьян, 1 почетный потомственный гражданин, 1 фельдшер и 1 надворный советник⁴³. 30 января 1912 г. лаишевский городской голова А.Я. Федоров сообщал казанскому губернатору: «Минувшие события общественно-политической жизни нашего отечества особенного влияния как на направление деятельности городского общественного управления, так и на выборы гласных Лаишевской

⁴⁰ Лаишев // Камско-Волжская речь. – 1873. – №52 (9 мая). – С. 206.

⁴¹ Там же.

⁴² ПСЗ-3. – Т. 12. – №8708 (11 июня).

⁴³ ГА РТ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 717. Л. 63.

городской думы на текущее четырехлетие, не имели. Вся деятельность городского управления носила чисто деловой характер и была направлена, главным образом, на разрешение дел и вопросов по преимуществу хозяйственного свойства. Такому положению дела способствовало отсутствие в городе всяких партий, кружков и организаций, преследующих ту или иную цель и полная беспартийность гласных городской думы⁴⁴. Благодаря этому и городские выборы гласных на текущее четырехлетие протекли спокойно, без сторонней агитации и вообще без какой-либо борьбы. Число избирателей, явившихся на избирательное собрание, было почти одно и то же, что и в предшествующие выборы, без резких уклонений в ту или другую сторону, что так же свидетельствует о спокойном отношении населения к городским выборам; причем были избраны по преимуществу прежний состав гласных»⁴⁵.

Финансовую основу городского самоуправления составляли налоги. Однако не каждый год поступления в городскую казну превышали расходы. К 1 января 1884 г. сумма недоимок составляла 869 рублей 23 копейки⁴⁶. Из нижеприведенной таблицы следует, что бюджет города был дефицитным в 1879 и 1882 гг.

Таблица 3. Доходы и расходы городского самоуправления

Годы	Приход	Расход
	Рублей	
1878	8690,85	7594,66
1879	8804,89	9289,58
1880	9259,30	8830,81
1881	10340,40	8561,30
1882	11003,79	12427,86
1883	11926,97	11597,29

Источник: Опись городских поселений Казанской губернии/ Сост. А.П. Орловым. – Вып. 1. – Казань: тип. Губ. правл., 1885. – С. 13.

⁴⁴ Там же. Л. 63.

⁴⁵ Там же. Л. 63 об.

⁴⁶ Опись городских поселений Казанской губернии/ Сост. А.П. Орловым. – Вып. 1. – Казань: тип. Губ. правл., 1885. – С. 13.

Органы городского самоуправления решали широкий спектр хозяйственных задач. Среди них, например, были мероприятия по благоустройству города, содержанию полиции и пожарной охраны, санитарно-бытовому обслуживанию, по обеспечению пожарной безопасности и т.д.

§ 4. Трансформация власти в Лаишевском уезде в 1917 году

К началу Февральской революции казанским губернатором был Петр Михайлович Боярский (1870–1944). 2 марта он рассылает циркуляры во все города и земства губернии с просьбой сохранять спокойствие и усиленно работать. После чего органы власти в Казанской губернии меняют курс с противодействия революции на её поддержку. 3 марта Казанская городская дума и командующий А.Г. Сандецкий признали Временный комитет Государственной думы, затем последовала череда телеграмм с поздравлениями новой власти от других правительственных и общественных организаций.

Временное правительство, в свою очередь, не желало сохранять прежнюю власть. 6 марта телеграммами было сообщено об упразднении должности губернатора⁴⁷. Его заменил комиссар, сохранивший все полномочия своих предшественников. В Казанской губернии им стал В.В. Молоствов, затем его сменил А.Н. Плотников, а после него В.А. Чернышев.

Также были организованы уездные комитеты общественной безопасности во главе с уездными комиссарами. В Лаишевском уезде на этом посту находились В.Н. Белькович (до 6 августа 1917 г.), И.И. Терентьев (исп. обязанности с августа), А.П. Бандин (с 19 октября). Помощником комиссара 22 августа 1917 г. стал Мирзагадулла Латыпов⁴⁸.

На долю уездных комиссаров возлагалась довольно скромная обязанность – реализовывать на местах распоряжения из центра. По этой причине первыми комиссарами назначили председателей

⁴⁷ ГА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 27. Л. 35.

⁴⁸ Человек в революции: Казанская губерния. Т. 2. 1917 г.: коллект. моногр. – Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. – С. 335–336.

уездных земских управ, которые в большинстве своем придерживались либеральных взглядов, как и министры Временного правительства. В волостях и отдельных селениях комиссары заменили волостных старшин. Контроль над ними со стороны верховной власти практически отсутствовал.

Параллельно шла организация Советов. 2 марта был создан Совет рабочих депутатов, 7 марта – Совет солдатских депутатов, которые слились 14 марта. В Казанской губернии Советы, как и в России в целом, не всегда ладили с представителями Временного правительства. Совет крестьянских депутатов, образованный в мае, уже 13-го числа выпускает постановление, согласно которому частновладельческие земли, скот и инвентарь могли конфисковать, не дожидаясь созыва Учредительного собрания. Такое решение противоречило самым основам нового строя и вызвало бурную реакцию со стороны губернского комиссара. В уездах постановление стало реализовываться в июне.

Комиссар Чернышев просил уездных комиссаров принять меры, чтобы данная резолюция не приводилась в исполнение, и разъяснить населению, что окончательное решение земельного вопроса зависит от Учредительного собрания, до того данным вопросом занимаются земельные комитеты. Совет рабочих и солдатских депутатов также, в целом негативно, отнесся к этому постановлению.

Майская резолюция лишь оправдывала действия крестьян, уже активно захватывавших имущество и земли частных владельцев весной 1917 г. Весной стихийные выступления охватили деревню. Особенно напряженная обстановка сложилась в так называемых помещичьих уездах – Лаишевском, Чистопольском, Свияжском, Спасском, – откуда стали поступать тревожные телеграммы от землевладельцев, требовавших защитить их родных и усадьбы. Так, в марте крестьяне д. Салтаны⁴⁹ Лаишевского уезда устроили погромы окрестных имений и хуторов, уводили лошадей, забирали хлеб, сено и другое имущество. В апреле крестьяне д. Красногорка⁵⁰ захватили у помещика М.Р. Степанова часть земли с запретом

⁴⁹ Совр. д. Новый Салтан Рыбно-Слободского района РТ.

⁵⁰ Совр. д. Красная Горка Арского района РТ.

сеять на ней, из имения Л. Лихачева были удалены управляющий и лесничий, разгрому подверглась усадьба Цепелева в с. Пановка⁵¹.

Уездный комиссар опасался использовать против взбунтовавшихся крестьян полицию, полагая, что это «может вызвать лишь дальнейшее осложнение и перекинуть беспорядки (в) соседние селения»⁵². Поэтому он просил губернского комиссара прислать солдат. Прежняя полиция являлась дискредитированным учреждением и от нее старались избавиться. Часть из них была отправлена под арест, других отправили в действующую армию. Так, в марте 1917 г. на запрос лаишевского комиссара о решении судьбы двух жандармских унтер-офицеров был получен ответ от губернского комиссара В.В. Молостова, что по распоряжению Временного правительства их следует выслать на фронт⁵³.

Одновременно в спешном порядке шло формирование уездной милиции, для службы в которой в Лаишевский уезд были отправлены 100 человек⁵⁴. Это были демобилизованные солдаты, некоторые из которых со временем переходили на сторону крестьян. В сентябре уездный комиссар сообщал в Казань о бездействии правоохранителей: «Местная милиция не оказывает никакого содействия к розыску похищенного, а напротив потакает порубщикам»⁵⁵.

Там же, где отряды милиции сохраняли верность уездным властям, доходило до вооруженного столкновения с крестьянами. Например, 22 сентября 1917 г. уездный комиссар телеграфировал

⁵¹ Крестьянское движение в Казанской губернии накануне Великой Октябрьской социалистической революции. – Т. 1: Сб. док. – Казань: Татаргосиздат, 1950. – С. 29.

⁵² Там же. – С. 165.

⁵³ Алексеев И. «Кадровый вопрос» в Казанском жандармском управлении накануне февральской революции 1917 г. // Русская народная линия [Электронный ресурс] URL: https://ruskline.ru/analitika/2010/12/08/kadrovyy_vopros_v_kazanskom_gubernskom_zhandarmskom_upravlenii_nakanune_fevralskoj_revolyucii_1917_g (дата обращения: 26.10.2022).

⁵⁴ Крестьянское движение в Казанской губернии накануне Великой Октябрьской социалистической революции. – Т. 1: Сб. док. – Казань: Татаргосиздат, 1950. – С. 164.

⁵⁵ Там же. – С. 232.

губернскому о пострадавшем милиционере и тяжело раненом крестьянине в ходе беспорядков на базаре в с. Тюлячи⁵⁶.

Солдаты, возвращавшиеся с фронта, стали запалом для взрыва крестьянского недовольства. Они активно вмешивались в работу волостных комитетов, а также заставляли сельских жителей разрывать договоры об аренде земли, «вызывая враждебные отношения между крестьянами»⁵⁷, подстрекали к выступлениям против местных властей и сами участвовали в беспорядках. В г. Лаишеве 25 марта толпа жителей во главе с солдатами арестовала воинского начальника Гейнц, уездного исправника Годяева и его помощника Вольнова, городского голову Федорова, городского пристава Ефимова. Благодаря вмешательству уездного комиссара, все задержанные были арестованы на другой же день⁵⁸.

За неделю до этого в д. Каинсар-Бутырки⁵⁹ Лаишевского уезда толпа крестьян, руководимая людьми в военной форме, ворвалась к земскому начальнику С.П. Берстелю, вынудив его дать подписку об оставлении должности, которую он занимал в течение 25 лет непрерывно, также был обезоружен урядник и избит письмоводитель. Полицейские стражники не смогли оказать сопротивление, и пришлось вызывать воинскую команду⁶⁰. Нужно добавить, что дальнейшая судьба Сергея Берстеля и его семьи сложилась трагично. В июне 1917 г. у него отобраны все луга, по сути оставив помещика без возможности содержать 30 голов рогатого скота и 10 лошадей, осенью того же года шла самовольная опустошительная вырубка леса. Во время Гражданской войны он был арестован и осужден. Родной брат Константин, отдавший земской службе 16 лет жизни, после взятия Казани большевиками скончался – не выдержало больное сердце.

В мае 1917 г. разбойному нападению подвергся депутат Государственной думы И.А. Рындовский и его семья. Толпа, настроенная солдатами, жестоко избила его и жену, а также угрожала револьвером детям. В усадьбе был учинен разгром и обыск. Дворян-

⁵⁶ Там же. – С. 236.

⁵⁷ Там же. – С. 171.

⁵⁸ Там же. – С. 166.

⁵⁹ Совр. с. Большие Бутырки Пестречинского района РТ.

⁶⁰ Там же. – С. 165.

нин подвергся аресту, но по требованию губернского и уездного комиссаров был освобожден⁶¹. Рындовский просил председателя Думы М.В. Родзянко отнестись с пониманием к его длительному отсутствию на заседаниях, поскольку пришлось остаться в поместье для защиты от последующих незаконных вторжений.

Волостные комитеты, опираясь на майское постановление, повсеместно конфисковывали частновладельческие земли, скот, инвентарь, лес, хлеб и прочее имущество. Например, в июле 1917 г. Урахчинский комитет раздал крестьянам земли княгини Багратион, Ключищинский комитет произвел конфискацию у помещика Ф.П. Авксентьева и т.д.⁶² Даже отдельные селения и общества стали составлять приговоры о разделе земли.

Показателен пример решения земельного вопроса в д. Верхняя Серда⁶³, жители которой не желали сотрудничать со следователем после погромов имений, совершенных ими в соседней волости. Только в присутствии солдат, присланных из Лаишева, уполномоченному губернского комиссара В.А. Чернышеву удалось убедить крестьян вернуть имущество помещикам⁶⁴. По его мнению, можно было избежать конфликта «при известной уступчивости господ землевладельцев»⁶⁵. Как это было в селениях, где помещики сами передавали волостным комитетам в аренду ту часть земли, которую не могли обработать своими силами.

Иногда крестьянам удавалось припугнуть помещиков и заставить последних отдать неиспользуемые участки в аренду. Например, в середине марта 1917 г. жители д. Каинсар-Бутырки⁶⁶ Черемышевской волости Лаишевского уезда приступили к вырубке леса местного землевладельца и проникли на территорию сада. Объятая страхом помещица Н.А. Пундани телеграфировала в Казань о погроме усадьбы с просьбой прислать воинскую команду, поскольку ее муж на фронте и некому организовать охрану име-

⁶¹ Там же. – С. 30, 182.

⁶² Там же. – С. 209, 216.

⁶³ Совр. с. Кряш-Серда Пестречинского района РТ.

⁶⁴ Там же. – С. 169.

⁶⁵ Там же. – С. 170.

⁶⁶ Совр. с. Большие Бутырки Пестречинского района РТ.

ния⁶⁷. Не дождавшись помощи, дворянка согласилась отдать бунтарям часть земли в аренду⁶⁸. Прибывший через месяц уполномоченный губернского комиссара констатировал, что «слухи оказались в высокой степени вздорными и нелепыми; были лишь единичные случаи порубки деревьев в лесу и озорства в саду»⁶⁹.

Сдерживать инициативу волостных и сельских комитетов, захватывавших частновладельческие земли, скот и сельскохозяйственную продукцию, по замыслу Временного правительства, должны были уездные комиссары. Однако в сложившейся обстановке одной лишь силой оружия устранить проблему было нельзя. О чем писал лаишевский уездный комиссар В.Н. Белькович, обращаясь к губернскому руководству, настаивая на мирном решении, – поддержать передачу частновладельческих земель в распоряжение продовольственных комитетов, отказаться от насилия в отношении самовольных захватчиков, пойти на переговоры. По его словам, спокойная планомерная жизнь возможна только при разрешении аграрного вопроса в пользу крестьян, что послужит залогом восстановления «на местах повседневной, будничной работы»⁷⁰. Другого способа нормализовать обстановку в уезде Белькович не видел, и ставил под вопрос дальнейшее пребывание на посту, не имея возможности действовать «по складу своих душевных убеждений»⁷¹. В августе 1917 г. он был освобожден от должности уездного комиссара.

Данная позиция Бельковича объясняется его мировоззрением. Дворянин по происхождению, он получил образование в Казанском реальном училище. Был совладельцем мебельного предприятия, успешно конкурировавшего с европейскими фабриками. С 1905 г. председатель Лаишевской земской управы, активно занимался развитием профессионального и кустарного образования. Его брат, Николай, был женат на крестьянке и вел довольно простой образ жизни, поселившись в избе. «Оба они, – вспоминал известный земский деятель Н.А. Мельников, – были заметно про-

⁶⁷ Там же. – С. 164.

⁶⁸ Там же. – С. 168.

⁶⁹ Там же. – С. 168.

⁷⁰ Человек в революции: Казанская губерния. – Т. 2. – 1917 г.: коллект. моногр. – Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. – С. 337.

⁷¹ Там же. – С. 338.

никнуты «народническими» идеями. Деревня, крестьянство – вот место и среда, где больше правды и где все главное и основное»⁷².

На посту уездного комиссара Бельковича сменил другой работник местной земской управы – агроном Иван Иванович Терентьев. Специалист в области сельского хозяйства, знавший особенности выращивания зерна, овощей, разбиравшийся в технике, мог стать хорошим руководителем в мирное время. Однако в условиях стихийных беспорядков в деревне, новый назначенец, не имевший управленческих навыков, не военный и даже не полицейский, также не мог стабилизировать обстановку на подконтрольной территории. Более того, он не в состоянии был защитить от воров имущество своей семьи. Его отец, крестьянин Чистопольского уезда, проживал в с. Куюки Лаишевского уезда. Здесь он занимался садоводством, разводил пчел, использовал наемный труд и по меркам того времени вел довольно крепкое хозяйство, но подобно другим обеспеченным крестьянам, подвергнулся ограблению со стороны более бедных односельчан. Сохранились сведения о том, что 25 июля толпа крестьян вынесла из его сада все яблоки, поломала деревья. О чем Терентьев-старший сообщал в милицию. Таким же нападениям он подверглся, когда его сын уже исполнял обязанности комиссара. Однако потерпевший не обращался непосредственно к нему, считая это неудобным. И только в конце сентября он решил написать поверх головы своего сына – напрямую к губернскому комиссару В.А. Чернышеву, который дал указания начальнику милиции Лаишевского уезда об охране усадьбы Терентьева и привлечении виновных к ответственности⁷³.

Заявления на имя губернского комиссара стали тенденцией. Пострадавшие, видя беспомощность уездных властей, направляли жалобы губернскому начальству. Сам Терентьев неоднократно телеграфировал своему руководству о неспособности справиться с ситуа-

⁷² Мельников Н.А. 19 лет на земской службе: (Автобиографический очерк и воспоминания) // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII – XX вв.: Альманах. – М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2008. – С. 227.

⁷³ Крестьянское движение в Казанской губернии накануне Великой Октябрьской социалистической революции. – Т. 1: Сб. док. – Казань: Татаргосиздат, 1950. – С. 237.

цией в уезде: «За последнее время поступает масса заявлений о хищении леса в частновладельческих и казенных лесах. Лесная стража и милиция бессильны. Прошу дать мне руководящие указания»⁷⁴.

Настроения, царившие в Лаишевском уезде и в целом в губернии, хорошо отражены в датированном апрелем 1917 г. письме землевладельца Шевашкова председателю Государственной думы с прошением принять меры по охране имений: «Не время отнимать от вас дорогие минуты для чтения частной переписки. Но мой вопль – это не есть времяпрепровождение. Свободу, добытую вами, наш темный, деревенский люд понял совершенно превратно и своеобразно. Свобода понимается в погромах имений, уничтожении частновладельческих лесов, в грабежах и убийствах. Освобождение уголовных преступников создало целый кадр злонамеренных лиц, действующих на темную среду крестьян разлагающим образом, вразумляя им, что республика дает полную свободу действий против чужой собственности. Что будет дальше – неизвестно, но пока мы, все землевладельцы, находимся под дамокловым мечом. Полиция убрана, стражники уничтожены, временные комиссары – люди неопытные и плохие организаторы. Ввиду этого просим вас принять меры самые энергичные для защиты частного землевладения. При таком положении, какое сейчас создано, угрожает России голод. Помещики и землевладельцы боятся приступить к посевам на том основании, что кр.(естьяне) угрожают все родившееся на земле помещиков забрать себе, как свою собственность. Нужны самые крутые и неотложные меры, а не печатное слово. Будет ли правительство платить за уничтожение леса, постройки и скот? В Казанской губ. в Лаишевском, Спасском, Чебоксарском и Чистопольском уездах много разоренных имений, и таковые продолжают по настоящее время. Примите меры к нашему ограждению, иначе все может погибнуть, а в особенности теперь, когда враг на спине»⁷⁵.

После Октябрьской революции и победы Советов в Казанской губернии представители Временного правительства утратили власть. В первые дни на местах чувствовалась неразбериха, люди не понимали, к кому перешло управление губернией и страной. Поскольку институт комиссаров был ликвидирован, а Советы не

⁷⁴ Там же. – С. 232.

⁷⁵ Там же. – С. 21.

сразу взяли всю полноту власти, некоторое время в уездах продолжали действовать земства, порой выступавшие в оппозиции к Советам. 11 ноября на заседании Лаишевского уездного земского собрания председатель управы В.Н. Белькович кратко обрисовал свой взгляд на положение страны, губернии и уезда. По его словам, большевики, захватившие власть, находятся в растерянности, а Совет, взявший управление губернией на себя, никаких распоряжений в управу не присылал⁷⁶.

В Лаишеве власть захватила организация, именующая себя Советом рабочих и крестьянских депутатов во главе с В.М. Турсковым. Уездный комиссар и начальник милиции скрылись, а первыми действиями Турскова были аресты некоторых лиц, в том числе Бельковича, и разоружение старой милиции и конвойной команды. Затем Турсков потребовал от управы денег на содержание сформированной им милиции. Для этого он выпустил Бельковича, но тот отказал, и его снова отправили в тюрьму. Белькович взывает к собранию, что в таких условиях работать нельзя, и лучшим выходом было бы сложить полномочия всему составу управы. Был арестован земский агроном, выехал неизвестно куда бухгалтер управы. Всё это задерживало составление отчета и созыв очередного уездного земского собрания. В заключение он говорит, что пока не будет каких-либо указаний от центрального правительства, давать деньги самочинным местным властям не следует⁷⁷.

По документам оказалось, что Турсков официально занимает только пост инструктора по выборам в волостные, уездные земские собрания и учредительное собрание. В ответном слове Турсков, также присутствующий на заседании, заявил, что хотя у него нет доказательств контрреволюционной деятельности Бельковича и других арестованных, но он их подозревает, потому и задержал. А собрать данные должна юридическо-следственная комиссия губернского совета крестьянских и рабочих депутатов. В итоге земское собрание постановило признать власть только тех организаций, которые созданы и признаны общей государственной властью, протестовать против действий групп, захвативших власть в уезде, о чем довести до сведения Казанского Совета кре-

⁷⁶ ГА РТ. Ф. Р-983. Оп. 1. Д. 18. Л. 22.

⁷⁷ ГА РТ. Ф. Р-983. Оп. 1. Д. 18. Л. 22 об.

стьянских, солдатских и рабочих депутатов. Также решено правильно организовать Лаишевский крестьянский Совет, обратившись с призывом ко всем волостным земствам⁷⁸.

Процесс становления органов управления в Лаишевском уезде в 1917 г. шел с большими трудностями и противоречиями. Разделение власти между Советами и Временным правительством проявлялось и здесь, когда было издано постановление Совета крестьянских депутатов 13 мая. Кроме того, сам уездный комиссар, исполнявший свои обязанности по ограждению частновладельческих земель от посягательств крестьян, понимал, что без немедленного решения земельного вопроса органы власти будут парализованы. Это и сыграло решающую роль в уходе В.Н. Бельковича со своего поста. Октябрьская революция устранила Временное правительство, но на время образовался вакуум власти, сделав возможным захват ее случайными лицами типа В.М. Турскова. Лаишевский уезд был одним из многих по всей России, где складывалась похожая обстановка.

Таблица 4. Список состава гласных Лаишевской городской думы, избранных на четырехлетие с 1910 г. с последовавшими в нем к 1 января 1912 г. изменениями

Гласные и кандидаты к ним	Отношение к партии⁷⁹
Федоров Алексей Яковлевич. Крестьянин г. Лаишев.	Относится к правой политической партии
Беляев Алексей Петрович. Мещанин г. Лаишев.	к умеренной
Смирнов Николай Андреевич. Мещанин г. Лаишев.	к умеренной
Титов Александр Сергеевич. Купец г. Лаишев.	к умеренной
Захаров Михаил Львович. Купец г. Лаишев.	к умеренной
Поздняков Николай Федорович. Мещанин г. Лаишев. Выбыл из гласных по своему заявлению.	отношение к партии не указано

⁷⁸ ГА РТ. Ф. Р-983. Оп. 1. Д. 18. Л. 24 об.

⁷⁹ В этой графе отмечалось отношение к правой, умеренной или левой политическим партиям, но не к партиям Государственной думы, а по взглядам.

Белоглазов Михаил Андреевич. Крестьянин г. Лаишев. Вступил в состав гласных из кандидатов вместо Позднякова	правой
Носков Яков Алексеевич. Купец (ныне мещанин) г. Лаишев.	правой
Марусейцев Петр Павлович. Мещанин г. Лаишев.	умеренной
Гурьянов Василий Яковлевич. Мещанин г. Лаишев.	умеренной
Спиридонов Андрей Дмитриевич. Крестьянин г. Лаишев.	умеренной
Шишкин Афанасий Денисович. Крестьянин г. Лаишев.	умеренной
Завьянцев Иван Феофанович. Потомственный почетный гражданин г. Лаишев.	умеренной
Андреев Фома Андреевич. Фельдшер г. Лаишев.	умеренной
Новоспаский Михаил Алексеевич. Крестьянин г. Лаишев.	правой
Расковалкин Яков Иванович. Крестьянин г. Лаишев.	умеренной
Каратьев Нестор Яковлевич. Надворный советник г. Лаишев.	правой
Моисеев Степан Филиппович. Мещанин, усадьба при д. Стрюково Чирповской волости Лаишевского уезда.	умеренной
Малов Михаил Александрович. Крестьянин г. Лаишев.	умеренной
Камнев Иван Тимофеевич. Крестьянин г. Лаишев.	умеренной
Кандидаты к гласным	
Корчагин Дмитрий Иванович. Мещанин г. Лаишев.	умеренной
Носков Алексей Дмитриевич. Мещанин г. Лаишев.	умеренной
Новоспаский Федор Данилович. Мещанин г. Лаишев.	умеренной

Примечание: в Лаишеве для доизбрания гласных и кандидатов к ним назначалось дополнительное избирательное собрание. Но и на дополнительных выборах был недоизбран 1 гласный (и, видимо, данная дума была в неполном составе).

Источник: ГА РТ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 717. Л. 3, 79 – 81 об.

Из своего состава члены думы выбирали городского голову. В 1878 г. в этой должности находился молодой дворянин Виктор Васильевич Станиславский, владевший недвижимостью стоимостью более 1000 рублей. Но, как правило, избирался купец. Начиная с 80-х гг. XIX в., один за другим пост головы занимали представители торгового класса с купеческими свидетельствами на руках. Избранный на новое трехлетие В.В. Станиславский отказался от должности и в 1881 г. вместо него был утвержден купец Яков Филиппович Максимов, у которого годовой оборот от торговли составлял не менее 1000 рублей. Сменивший его в 1886 г. Сергей Спиридонович Титов имел купеческое свидетельство о годовом обороте торговли свыше 1000 рублей, кроме того у него имелось недвижимое имущество – кирпичный сарай в Лаишеве.

Таблица 5. Список городских голов и кандидатов к ним (1878–1891)

Городской голова	Заступающий место
Дворянин Виктор Васильевич Станиславский (1878) ⁸⁰ . Он же избран на 3-е четырехлетие в 1880, но отказался от должности	купец Павел Яковлевич Макаров
Купец 2 гильдии Яков Филиппович Максимов (1881)	купеческий сын Василий Львович Захаров
Купец 2 гильдии Сергей Спиридонович Титов (1886). Он принадлежит к 1 разряду избирателей, пользовался избирательным правом по оценочному сбору с торговых документов в сумме 13 рублей 75 копеек.	состоит в должности (видимо прежний Захаров). Принадлежит к 2 разряду, правом по оценочному сбору 2,5 рублей.
Состоит в должности (видимо, прежний Титов) (1890)	купец 2 гильдии Алексей Илларионович Новоспаский (1890) Купец 2 гильдии Иван Данилович Новоспаский (1891)

Источник: ГА РТ. Ф. 1287. Оп. 38. Д. 1399. Л. 69.

⁸⁰ В скобках указан год утверждения на должность.

Отметим, что следующие поколения вышеназванных городских голов негативно восприняли пришедшую в 1917 г. новую власть и оказывали ей сопротивление, за что в последующем подверглись репрессиям. Так, сын С.С. Титова Александр Сергеевич был расстрелян в 1930 г. с формулировкой «бывший купец» и за «постоянную агитацию против мероприятий советской власти»⁸¹. Брат заместителя городского головы Ивана Даниловича Новоспаского Фёдор, из крестьянского сословия, подвергся аресту в 1930 г. за антиколхозную агитацию, но по недостаточности улик дело было прекращено⁸². А вот другие родственники – Алексей и Василий Яковлевичи Новоспаские – не избежали наказания. Алексей, торговец-пекарь, был осужден на три года⁸³; Василий впервые был арестован за «агитацию против мероприятий советской власти» и приговорен к трем годам лагерей в городе Архангельске в 1930 г., спустя 7 лет он вновь подвергся аресту за «дискредитацию политики партии» и расстрелян в конце 1937 г.⁸⁴

⁸¹ Титов Александр Сергеевич // Книга памяти Республики Татарстан [Электронный ресурс] URL: <https://lists.memo.ru/d32/f301.htm> (дата обращения: 01.02.2022).

⁸² Новоспаский Федор Данилович // Книга памяти Республики Татарстан [Электронный ресурс] URL: [https://ru.openlist.wiki/Новоспаский_Федор_Данилович_\(1860\)](https://ru.openlist.wiki/Новоспаский_Федор_Данилович_(1860)) (дата обращения: 01.02.2022).

⁸³ Новоспаский Алексей Яковлевич // Книга памяти Республики Татарстан [Электронный ресурс] URL: [https://ru.openlist.wiki/Новоспаский_Алексей_Яковлевич_\(1868\)](https://ru.openlist.wiki/Новоспаский_Алексей_Яковлевич_(1868)) (дата обращения: 01.02.2022).

⁸⁴ Новоспаский Василий Яковлевич // Книга памяти Республики Татарстан [Электронный ресурс] URL: [https://ru.openlist.wiki/Новоспаский_Василий_Яковлевич_\(1885\)](https://ru.openlist.wiki/Новоспаский_Василий_Яковлевич_(1885)) (дата обращения: 01.02.2022).

Глава 2.

Общественно-политическая жизнь

§ 1. Лаишев на периферии «казанского заговора»

«Казанский заговор» представлял собой попытку поднять крестьянский бунт в Поволжье весной 1863 г. с целью отвлечь силы правительства от событий в Польше. Первоначальный план предполагал вооруженный захват Казани, и местные революционеры сосредоточились на повсеместном распространении среди жителей воззваний о неповиновении властям и прочими требованиями.

Так, в городе Лаишеве в апреле 1863 г. несколько молодых людей стали раздавать крестьянам прокламацию, начинавшуюся со слов: «Долго давили вас, братцы...»¹. Всей работой руководил один из авторов данного сочинения Михаил Константинович Элпидин, к этому времени уже успевший приобрести опыт революционной деятельности. Родился он в семье дьякона с. Никольское Лаишевского уезда, образование получил в Чистопольском духовном училище, затем служил в Казанском уездном суде, а выйдя в отставку, в возрасте 25 лет поступил вольнослушателем в Императорский Казанский университет. Уже через год, в апреле 1861 г., он впервые был арестован как участник крестьянского восстания в с. Бездна в Спасском уезде, но отпущен за недостатком улик. А спустя полгода замеченный в казанских студенческих беспорядках был исключен из учебного заведения и выслан в Лаишев. Весной 1863 г. Элпидин уже жил в Казани, но специально вернулся в родной уезд, где развернул антиправительственную агитацию². Под-

¹ Корбут М.К. Казанский государственный университет им. В.И. Ленина за 125 лет 1804/5 – 1929/30. В 2 т. – Казань: Изд-во Каз. гос. ун-та им. В.И. Ленина, 1930. – С. 191.

² Крестьянское движение в 1827–1869 [годов] / Подг. к печ. [и авт. предисл.] Е.А. Мороховец; [Центрархив]. – М.-Л.: Соцэкгиз, 1931. – Вып. 2. – С. 50.

держав «казанский заговор», он стал призывать крестьян к выступлению против царя и всего существовавшего режима: «Полноте, братце, утешать себя пустяками, полно надеяться на такого государя... добывайте себе волю сами... потребуйте, чтобы землей владели вы, а не царь да помещики»³ – говорилось в прокламации. Соратниками Элпидина стали лаишевские мещане Степан и Василий Васильевичи Булгаковы⁴, а также уроженец г. Мамадыш, почетный гражданин Иван Дмитриевич Пеньковский с родным братом Евграфом⁵.

В распространяемом воззвании упоминались трагические события 1861 г., которые, как надеялись начинающие революционеры, были живы в памяти народа. Напомним, что сразу после отмены крепостного права в разных уголках Казанской губернии вспыхнули аграрные восстания. Непокойно стало и в Лаишевском уезде. Тогда, например, в татарской деревне Арпаяз-Янасалы⁶ бывшие крепостные наследника штабс-ротмистра В.Н. Чемезова не соглашались на условия освобождения, поскольку увидели в уставных грамотах⁷ новую попытку порабощения. Эти же настроения перекинулись на соседние имения, и в отношении всех непокорных крестьян командированный полковник корпуса жандармов Г.С. Ларионов применил карательные меры⁸. По всей видимости, заговорщики рассчитывали на то, что даже без влияния извне

³ Деятели революционного движения в России. От декабристов до падения царизма. – Т. 1. – Ч. 2. – М.: изд-е Всесоюзного об-ва полит. каторжан и ссыльно-поселенцев, 1928. – Стб. 265.

⁴ Воззвание к крестьянам «Долго давили вас, братцы!» (ноябрь, 1862 г.) // Конец крепостничества в России (документы, письма, мемуары, статьи). – М.: Изд-во МГУ, 1994. – С. 421.

⁵ Деятели революционного движения в России. От декабристов до падения царизма. – Т. 1. – Ч. 2. – М.: изд-е Всесоюзного об-ва полит. каторжан и ссыльно-поселенцев, 1928. – Стб. 50–51.

⁶ Исчезнувшая деревня Арского района РТ.

⁷ Уставная грамота 1861 г. – это документ, закреплявший размер крестьянского надела и повинностей за пользование им.

⁸ Крестьянское движение в 1827–1869 [годов] / Подг. к печ. [и авт. предисл.] Е.А. Мороховец: [Центрархив]. – М.-Л.: Соцэкгиз, 1931. – Вып. 2. – С. 164.

крестьянское общество пребывало во взрывоопасном состоянии, поэтому не составит труда поднять деревню.

К тому же, возвращаясь на родину, Элпидин не привлекал к себе внимание полиции и мог тем самым выиграть время и незаметно приступить к работе. Такое же амплуа было у его напарников братьев Булгаковых. Вероятно, при выборе места агитации имела значение и географическая близость уездного города к Казани – центру запланированного восстания, – и теоретически бунт в окрестностях столицы мог дезорганизовать губернскую власть.

Однако пропагандистская работа не продлилась и месяц. Действовавший лаишевский голова Гребеньщиков организовал поимку злоумышленников, и уже в конце апреля под стражу взят В.В. Булгаков, а за ним были задержаны и остальные члены «лаишевской группы», успевшие к этому времени скрыться в Казани. На столичной квартире, занимаемой заговорщиками, произвели обыск, в ходе которого был обнаружен ряд запрещенных книг и составленное И.Д. Пенковским воззвание «Бю челом народу православному...», содержащее призыв к мятежу и цареубийству⁹.

Все подозреваемые были доставлены в Лаишевскую уездную тюрьму, после чего назначена следственная комиссия в составе судебного следователя Поступальского, уездного исправника Жигалова, в то время исправлявшего также должность главного тюремщика, и гласного городской ратуши, чью фамилию установить не удалось¹⁰.

Пребывая в Лаишевском тюремном замке, подозреваемые столкнулись с рядом проблем – от условий содержания до произвола администрации. Объяснялось это тем, что до конца 1870-х г. общих правил содержания в исправительных учреждениях России не существовало, и порой служащие руководствовались собственными возможностями или даже личными интересами. Самой главной проблемой являлось состояние самих зданий: они нуждались в ремонте, вентиляция отсутствовала, ретирадные места были устроены дурно, отчего стоял тяжелый и зловонный воздух. Не везде имелись бани, прачечные, колодцы. А поскольку большинство тю-

⁹ Там же.

¹⁰ Материалы для истории революционного движения в России в 60-х гг. – Paris: Societe nouvelle de librairie et d'édition, 1905. – С. 185.

рем помещались в тесных зданиях, то никакой возможности к распределению арестантов по категориям и роду преступлений не было¹¹. Например, в Лаишевской уездной тюрьме преступники разделялись только по национальностям¹². Сам замок был достаточно новым, его построили между 1839 и 1841 гг.¹³, каменный, двухэтажный, с шестью камерами, для пересыльных имелась отдельная постройка. Тем не менее он совершенно не мог вместить всех преступников. Изначально предполагалось держать в нем не более 40 человек, но с 1860 г. прибыль арестантов с каждым годом увеличивалась, так что число заключенных доходило до сотни. Был нанят дополнительный дом и под камеры переделаны бывшие караульня и баня, однако всех этих помещений не хватало¹⁴. Так, М.К. Элпидин был помещен в подвал, который не предназначался для содержания человека, а всего лишь служил цейхгаузом, отчего помещение стало сырым до такой степени, что «ползали там красные червяки»¹⁵.

Всем арестантам выдавали одежду, обувь. По состоянию на 1863 г., узникам Лаишевского замка полагались шаровары, летняя шапка – мужчинам, суконная или холщевая юбка и платок – женщинам, а также рубаша, порты, коты. В холодное время года – кафтан, полушубок, кожаные или суконные рукавицы, варежки, мешок, портянки, лапти, суконные онучи¹⁶. Кроме того, каждому полагались постельные принадлежности, но, по свидетельству Элпидина, ему достался мешок, набитый пшеничными колосьями, без одеяла.

Если все эти тяготы тюремной жизни революционер принял с достоинством, то со скудным питанием он мириться не пожелал: «Серые щи без мяса два раза в день и только, хотя двое из аресто-

¹¹ Материалы по вопросу о преобразовании тюремной части в России. – СПб.: Тип. МВД, 1865. – С. 128.

¹² Филиппов М.А История и современное состояние карательных учреждений за границей и в России. – СПб.: Типо-лит. А. Траншеля, 1873 г. – С. 6.

¹³ Материалы по вопросу о преобразовании тюремной части в России. – СПб.: Тип. МВД, 1865. – С. 128.

¹⁴ Там же. – С. 131.

¹⁵ Материалы для истории революционного движения в России в 60-х гг. – Paris: Societe nouvelle de librairie et d'édition, 1905. – С. 185.

¹⁶ ГА РТ. Ф. 893. Оп. 1. Д. 6. Л. 25 об.

ванных по рангам принадлежали к чиновному люду»¹⁷. Элпидин объявил смотрителю, что желает получать арестантские деньги в размере 14 рублей наличными либо ежедневно суп с мясом и двумя кружками молока, что по его подсчетам выходило даже дешевле положенной суммы. При этом он ссылался на разговор с попечителями тюремного комитета в лице окружного начальника Нагибина и уездного судьи, от которых он и узнал и об этом праве. На другой день Элпидин ожидал в обеденное время суп и молоко, но, к его удивлению, помощник смотрителя принес только кружку воды и 1/8 фунта ржаного хлеба, объявив, что исправник Жигалов посадил его на хлеб и воду на трое суток «за капризы»¹⁸. Известно, что с подобным беспределом ему пришлось столкнуться и в столичной тюрьме, куда его перевели по завершении следственных мероприятий.

В ноябре 1864 г. Казанским уездным судом молодые люди были приговорены к каторге на различные сроки от двух и более лет, но по амнистии 17 мая 1867 г. вышли на свободу и перешли под трехлетний полицейский надзор. Элпидин, находившийся в Казанском тюремном замке, совершил побег задолго до помилования, в июле 1865 г. И уехал за границу, поселившись в г. Женева в Швейцарии, где продолжил активную политическую деятельность.

Лаишевский заговор, будучи частью казанского, так же и окончился – его участники были арестованы до начала активных действий. Можно было надеяться, что здесь, в провинции удача будет более благосклонной к провинции, но все вышло наоборот, и они были быстро обнаружены властями. Понадеявшись на неудовольствие крестьян после освобождения, они не учли важного обстоятельства: со дня дарования крестьянам личной свободы ко времени реализации «казанского заговора» прошло уже два года, и население могло успокоиться. Что и могло послужить одной из причин провала.

¹⁷ Евграф Пеньковский и Михаил Элпидин находились в чине коллежского регистратора.

¹⁸ Материалы для истории революционного движения в России в 60-х гг. – Paris: Societe nouvelle de librairie et d'edition, 1905. – С. 185.

§ 2. Движение по возвращению в ислам

Лаишевский уезд являлся регионом с многочисленным татарским населением, и в разные периоды здесь шла активная деятельность по его крещению. Но с ослаблением религиозного натиска началось движение по возвращению в ислам, связанного как с давлением соседей-татар, так и неглубоким укоренением христианства. Крещеным татарам приходилось испытывать давление со стороны соплеменников, оставшихся в исламе и побуждающих отказаться от православия. С другой стороны, русская церковная и светская власть не позволяла этого сделать и требовала хотя бы формально соблюдать православные обряды.

Одним из факторов, способствовавших сохранению исламских традиций в повседневной жизни, было проживание крещеных с мусульманами в одном селении или по соседству. Так, на четыре десятка крещеных д. Малые Нырсы Ключищенской волости Лаишевского уезда приходилось 353 мусульманина. В действительности же татары-христиане сохраняли свою приверженность православию только номинально, и были близки к отпадению официально. Такая картина наблюдалась в д. Кобяково Аркатовской волости, здесь из 274 жителей мусульмане составляли большинство – 105 мужчин и 118 женщин, неслучайно среди них проживали 32 крещеных, вернувшихся в ислам. Численность русских жителей была незначительной – это 10 человек, перебравшихся сюда из другого селения¹⁹. Проживание по соседству с мусульманами, в свою очередь, обуславливало совместное владение наделом. Например, жители татарской деревни Малые Кибя-Кози составляли единую поземельную общину с отпавшими старокрещеными из соседних деревень Крещеные²⁰ и Верхние Кибя-Кози²¹.

Поэтому обычной практикой было, когда своих детей крещеные записывали в метрические книги православных под русскими именами, а в быту продолжали вести образ жизни, как и все му-

¹⁹ Список населенных мест Казанской губернии, с кратким описанием их. Лаишевский уезд / Сост. Износков И.А. – Казань: Тип. Губ. правл., 1893. – С. 35.

²⁰ Совр. с. Большие Кибя-Кози Тюлячинского района РТ.

²¹ Там же. – С. 111, 112.

сульмане, – носили татарские имена, обучали детей в мектебах. По этому поводу православный миссионер Николай Иванович Ильминский писал, что крещеные татары отличаются в своей среде аккряшен и кара-кряшен. Первые придерживаются магометанства, живут с татарами в дружбе, а вторые утвердились в христианстве.

Последние жили, как правило, в смешанных русско-кряшенских деревнях, состояли в одном приходе и даже вступали в межнациональные браки, заключали земельные сделки, торговали. Так, в с. Карабаян Ключищенской волости к концу XIX в. проживало 355 старокрещеных и 354 русских. В других селениях со смешанным населением русские составляли меньшинство. Например, в Нижних Казылях²² проживали 547 старокрещеных татар и 84 русских, в Уреево-Челны насчитывалось 595 старокрещеных татар и 26 русских²³. А одна жительница русского села Куюки вышла замуж за крещеного татарина из соседней деревни Курманаково²⁴. Кроме того, крещеных татар с русскими крестьянами могли связывать деловые отношения: в 1870-х гг. жители с. Русский Ошняк выкупили у старокрещеных татар с. Янцевары 80 десятин земли²⁵.

По одной из версий, основатель с. Карабаян, владелец поташного завода, майор Иван Григорьевич Абызов, будучи сам крещеным, заселил свое имение татарами-христианами из с. Казыль Лаишевского уезда и д. Никитиной Чистопольского уезда²⁶. Впоследствии там же были поселены русские вольноотпущенные крестьяне из деревень Хвостовой²⁷, Бреховой²⁸, Чемодуровки²⁹, и с. Казыль. По свидетельству Н.И. Ильминского, крещеные «от постоянной близости и родственных связей с чисто русскими значи-

²² Совр. с. Казыли Пестречинского района РТ.

²³ Список населенных мест Казанской губернии, с кратким описанием их. Лаишевский уезд / Сост. Износков И.А. – Казань: Тип. Губ. правл., 1893. – С. 105.

²⁴ Там же. – С. 73.

²⁵ Там же. – С. 21.

²⁶ Совр. д. Изгары Чистопольского района РТ.

²⁷ Исчезнувшая деревня Рыбно-Слободского района РТ.

²⁸ Исчезнувшая деревня Рыбно-Слободского района РТ.

²⁹ Исчезнувшее село Лаишевского района РТ.

тельно обрусели»³⁰. Так, он писал: «Напр., я видел одного крещеного Сибирякова, он стрижется в кружало, ходит в сибирках, порусски говорит прекрасно, в доме имеет целый угол икон, ругает Магомета, но, по рассказам диаконицы, не очень честного нрава человек и в целомудрии руководится правилами татарскими»³¹. Скорее всего приведённый пример с Сибиряковым свидетельствует о синкретизме среди крещеных: он христианин, но по обычаю совершает татарские обряды.

Двойственность религиозных взглядов встречалась и среди отпавших. С одной стороны, по отношению к оставшимся в православии некоторые из них проявляли враждебность и неприятие. По свидетельству жителей д. Янасала³² Черемышевской волости, крещеным односельчанкам отпавшие крестьянки говорили «не поганьте нашу речку», и даже бросали в них камни³³. В то же время некоторые отпавшие поручали односельчанам-крещеным ставить восковые свечи в приходской Венетинской церкви, а частые урожаи представители старшего поколения объясняли «наказанием Божиим за оставление старой (христианской) веры»³⁴. Всего же в Венетинском приходе состояло 473 крещеных татарина, отпавших в магометанство³⁵.

Священнослужители должны были способствовать укреплению крещеных в православии, но взаимоотношения не всегда выстраивались на дружественной основе. Так, Н.И. Ильминскому в бытность его бакалавром Казанской духовной академии довелось слышать от крещеных татар с. Ачи Больше-Кибяк-Козинской во-

³⁰ Материалы по истории образования и просвещения народов Волго-Уралья в рукописных фондах Н.И. Ильминского. Сборник документов и материалов / Авторы-составители: Р.Р. Исаков, Х.З. Багаутдинова. – Казань: Ин-т истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2015. – С. 45.

³¹ Там же. – С. 45.

³² Совр. с. Ленино-Кокушкино Пестречинского района РТ.

³³ Исаков Р.Р. Трансформация религиозной культуры и конфессиональной идентичности татар-кряшен во второй половине XIX в. // Кряшенское историческое обозрение. – 2020. – №2. – С. 20.

³⁴ Список населенных мест Казанской губернии, с кратким описанием их. Лаишевский уезд / Сост. Износков И.А. – Казань: Тип. Губ. правл., 1893. – С. 115.

³⁵ Там же. – С. 31.

лости о том, как местный священник в 1830-х гг. был жестоко избит прихожанами, которых он застал в мечети после возникших слухов о разрешении вернуться в ислам³⁶. Тогда же Ильминскому поведали ещё один случай, произошедший в период массовых возвращений в ислам в начале 30-х гг. XIX столетия. Насилию подвергся священник, возмущившийся присутствием муллы на свадьбе повенчанных им крещеных в д. Елышево Мамадышского уезда, входившего в Ачинский приход: «Он прикрикнул, а озлобленная толпа молодцев бросилась на него и начала бить. Он защищался перочинным ножом и нанес одному тяжёлую рану»³⁷. Следовательно получил с крещеных взятку и обвинил священника. О своём же нынешнем священнике крещеные татары с. Ачи отзывались уважительно. В частности, один из них говорил о своём желании обратиться к батюшке, чтобы тот обучил его дочь грамоте³⁸. Однако довольно часто священники были только для совершения обрядов, и по незнанию татарского языка не могли донести суть христианства. Например, в старокрещеном с. Уреево³⁹ Н.И. Ильминский со слов жителей узнал, что «причетники доморощенные, знают татарский язык, а священник не знает ни слова, потому что он на старости переведен туда из русского села...»⁴⁰.

С 1860-х гг. возникают школы для крещеных татар под попечительством Братства Гурия, которые, кроме образовательной, выполняли и миссионерскую функцию, оберегая кряшен от влияния соседей мусульман⁴¹. Первым таким учебным заведением в

³⁶ Материалы по истории образования и просвещения народов Волго-Уралья в рукописных фондах Н.И. Ильминского. Сборник документов и материалов / Авторы-составители: Р.Р. Исаков, Х.З. Багаутдинова. – Казань: Ин-т истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2015. – С. 47.

³⁷ Там же. – С. 42.

³⁸ Там же. – С. 39.

³⁹ Совр. д. Уреево-Челны Рыбно-Слободского района РТ.

⁴⁰ Там же. – С. 46.

⁴¹ Гумерова А.Т. Традиция православного пения крещеных татар Лаишевского и Мамадышского уездов Казанской губернии: из истории возникновения // PHILHARMONICA. International Music Journal. – 2021. – №3. – С. 82–88. DOI: 10.7256/2453-613X.2021.3.35028 [Электронный ресурс] URL: https://nbpublish.com/e_phil/contents_2021_3.html#35028 (дата обращения: 26.10.2022).

Лаишевском уезде стала школа в с. Карабаян, открытая в 1867 г. на пособие от земства. Первым учителем в ней стал Игнатий Тимофеевич Тимофеев – младший брат первого кряшенского священника-миссионера Василия Тимофеева. К моменту вступления в должность он окончил курс в Казанской крещено-татарской школе и непродолжительное время проработал учителем в школе для крещеных в с. Апазово Казанского уезда. В 1872 г. крещено-татарская школа была открыта в д. Верхние Меретяки, в 1874 – Малые Меретяки, 1876 – Старом Карабаяне. В 1898/1899 учебном году по всей Казанской губернии насчитывалось 25 крещено-татарских начальных школ⁴².

Кроме того, немало кряшенских детей обучалось в приходских училищах, располагавшихся в русских селах. Например, в первой половине XIX в. в с. Карабаянах функционировала приходская школа, но была закрыта «вследствие несогласия между священником и дьяконом о том, кому преподавать, т.е. получать жалование за преподавание»⁴³.

Вера для татар была тем столпом, на котором покоилась их идентичность, не позволявшим раствориться в русской среде. Столетия гонений ислама приучили их относиться к русской власти с настороженностью и держаться обособленно. Поэтому крещеные татары чувствовали неприязнь со стороны соседей, не желавших жить рядом с христианами. В 1841 г. в с. Уреево-Челны, где жили татары-христиане, были сосланы 2 семьи новокрещеных татар из Спасского уезда за возвращение в ислам, но практически сразу они бежали в Архангельскую слободу Чистопольского уезда. Согласно преданиям местных жителей, часть татар покинула с. Карабаян Лаишевского уезда от неудовольствия на колокольный звон после постройки там церкви⁴⁴. Покинули свой дом и татары, проживавшие в двух дворах по соседству с д. Козяково-Челны, как только

⁴² История татар с древнейших времен. – Т. VI. – Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2013. – С. 987.

⁴³ История и культура татар-кряшен (XVI–XX вв.): коллект. моногр. – Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. – С. 827–828.

⁴⁴ Список населенных мест Казанской губернии, с кратким описанием их. Лаишевский уезд / Сост. Износков И.А. – Казань: Тип. Губ. правл., 1893. – С. 100.

численность крещеных стала возрастать. К концу XIX в. в этой деревне насчитывалось 266 мужчин и 278 женщин старокрещеных татар и 3 мужчин-отступников⁴⁵.

Но время от времени происходили вспышки национально-религиозного сознания, когда крещеные татары целыми селениями стали переходить в ислам. Лаишевский уезд Казанской губернии входил в число районов, где процесс возвращения в ислам среди крещеных татар носил постоянный характер. Массовые отпадения наблюдались в 1860–1880 гг. Кроме либерализации конфессиональной политики, в это время складывается татарская нация, стираются границы между отдельными группами татар, увеличивается стремление крещеных войти в единое культурное и национальное пространство.

В конце 1865 г. некоторые селения Казанской и соседних губерний стали подавать прошения императору о переходе в ислам. Источником этого движения послужил слух, что якобы существует царский указ, позволяющий подавать такие прошения государю. Власти считали, что руководителем этого движения являлся Галим Самигулов с помощником Гизетуллой Абдюшевым, ездившие по уездам и склонявшие крещеных татар подавать такие прошения.

В Лаишевском уезде центром движения стала д. Большие Кибя-Кози. Ее жители приняли православие еще в середине XVIII в. и состояли в приходе с. Ачи, находящегося в 7 верстах. По клировым ведомостям 1862 г., здесь проживало свыше 600 человек. Русское население отмечало буйный нрав кибя-козинцев – этот факт свидетельствовал о неприязненных отношениях между русской и татарской деревней.

В середине 1860-х г. они отпали вместе со старокрещеными татарами из близлежащих деревень Верхние и Малые Кибя-Кози, с которыми составляли единое сельское общество. И даже самовольно открыли магометанские школы. Еще в 1848 г. Ильминский, посетив Лаишевский уезд, узнал из беседы с местными жителями, что «большая часть крещеных привержены к магометанству, секретно читают намаз (татарское богомолье) и называются двойным име-

⁴⁵ Там же.

нем, то есть кроме русского татарским»⁴⁶. В д. Верхние Кибя-Кози он встретился с «секретным магометанином» Петром Ивановым-Бикинне, который церковь не посещал, читал намаз и что «поп это знает, но за деньги скрывает от правительства»⁴⁷.

Чтобы узаконить свое возвращение в ислам, жители д. Большие Кибя-Кози в 1866 г. обратились к императору Александру II с ходатайством о разрешении им вернуться в ислам. Когда же прошение было признано незаконным, отступники «отказались исполнить волю Государя Императора». Для усмирения жителей, нежелавших повиноваться властям и оказавшим противодействие судебному следователю, прибывшему для выяснения обстоятельств отказа от православия и выявления возможных зачинщиков, вице-губернатор Е.А. Розов вызвал из г. Лаишев 12 казаков. В течение суток в присутствии вооруженной команды, исправника и пристава 2-го стана было осуществлено расследование и аресты. Задержан был один крестьянин за дерзости, произнесенные в ответ на требование исправника снять тубетейку. Четверо крестьян оказали сопротивление, не желая выдавать своего односельчанина Григория Никифорова, оскорбившего исправника нецензурной бранью.

По результатам работы следственной комиссии в тюремный замок были заключены 33 человека. Наиболее суровым наказаниям подверглись 8 человек – решением уголовной палаты крестьян, подстрекавших к отпадению от православия, Ивана Никитина, Дмитрия и Матвея Михайловых, Сергея Матвеева, Агея Тимофеева, Лазаря Федорова и Анисима Петрова приговорили к лишению всех прав и ссылке на каторгу в крепостях на 9 лет, с последующим пожизненным поселением в Сибири, а Никифоров был заключен под стражу на один год и 8 месяцев, с последующим надзором полиции.

Позднее сельские жители обвиняли казаков в нанесении им материального ущерба на сумму 74 рубля серебром «употреблением на свое содержание без платы... овец... куриц... 2 пудов масла», а

⁴⁶ Материалы по истории образования и просвещения народов Волго-Уралья в рукописных фондах Н.И. Ильминского. Сборник документов и материалов / Авторы-составители: Р.Р. Исхаков, Х.З. Багаутдинова. – Казань: Ин-т истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2015. – С. 36.

⁴⁷ Там же. – С. 37.

также изъятием 100 тюбетеек⁴⁸. Но эти обвинения официально не были подтверждены.

После целого года заключения в Лаишевской уездной тюрьме пятеро из приговоренных к каторге обратились к императору с просьбой освободить их, так как за время отсутствия хозяйство было разорено, а малолетние дети остались без содержания. Свою вину ходатаи не признавали, поскольку родились в семьях, уже несколько поколений исповедовавших ислам, а значит не должны квалифицироваться как отступники. Прощение они подписали именами, которые носили до крещения, но использовали в повседневной жизни⁴⁹.

В начале XX в. отпадения не были такими массовыми, но носили перманентный характер. Согласно рапорту местного священника Алексея Сельского Казанскому и Свияжскому архиепископу Арсению в 1901 г., в д. Янасалы вернувшийся в православие Тарас Николаев самопровозгласил себя муллой по имени Тазетдин Миндубаев и открыто обучает детей отпавших татарской грамоте и с такой же свободой отправляет для них все религиозные требы по магометанскому обряду⁵⁰. Священник с. Шеморбаш отец Нечаев в своих отчетных рапортах сообщал, что отпавшие в их приходе «настолько закоснели в магометанстве, что решительно не хотят слушать никаких вразумлений о святости и спасительности христианской веры»⁵¹. И как констатировали священники, «ислам... под воздействием церковных школ и увещаний священников не ослабеваает, как бы следовало ожидать, а крепнет»⁵².

Священники Лаишевского уезда указывали, что отпавшие уклоняются от разговоров о вере, и возвращение их в православие представлялось им практически невозможным. Самым ярким событием на ниве миссионерства за год был переход в христианство од-

⁴⁸ Исхаков Р.Р. «Они, руководимые подстрекателями, отказались исполнить волю государя императора». К истории «отпадений» в ислам крещеных татар 1866 г. // Кряшенское историческое обозрение. – 2018. – №2. – С. 154–159.

⁴⁹ Там же. – С. 154–159.

⁵⁰ ГА РТ. Ф. 4. Оп. 133. Д. 7. Лл. 23–24 об. Л. 23, 24 об.

⁵¹ Там же. Л. 23.

⁵² Там же.

ного мусульманина и одного язычника. Понимая, что такая стагнация требует каких-то реформ, благочинный 3 округа Лаишевского уезда Алексей Сельский предлагал перевести Братство Св. Гурия под непосредственное управление епархиального начальства.

Священники были озабочены развитием просвещения и прессы у татар. В докладе в Совет Братства Св. Гурия Епархиального миссионера Якова Коблова сообщалось, что в статьях в периодике после Высочайших Манифестов 17 апреля 1905 г. и 17 октября 1905 г. поднимают национальные и вероисповедные вопросы, об отступниках и отступническом движении среди крещеных татар. А сами отпавшие решили уже формально порвать связь с Русской Православной Церковью, о чем свидетельствовали многочисленные ходатайства о возвращении в ислам. Прошения их в большинстве удовлетворялись.

В то время как крещеные возвращались в ислам, сами татары опасались новой волны христианизации. Летом 1878 г. в татарских деревнях Казанской губернии циркулировали слухи о предстоящем насильственном крещении. На фоне сложившегося недоверия к власти любая ее инициатива воспринималась с опасением. Так, когда исправник Чистопольского уезда распорядился выдать каждому сельскому обществу книги, где говорилось о мирских повинностях, включая содержание церквей, жители, не зная русский язык, неверно истолковали содержание, подумав, что их собираются крестить. В это же время была объявлена платная подписка на страхование имущества, что послужило поводом для беспорядков. Население д. Тиганы Спасского уезда воспротивилось страхованию домов. К нежеланию тратиться на эти цели присоединилась версия о предстоящем крещении. Недовольство перекинулось на другие уезды.

Центром возмущения в Лаишевском уезде стало с. Мокрые Курнали Алексеевской волости. Местное население по вероисповеданию было смешанным: кроме составлявших большинство татар-мусульман численностью 621 человек, насчитывалось 25 русских и 17 крещеных татар. В самой деревне находились мечеть и школа для детей магометан, православное население было причислено к Сергеевскому приходу в 6 верстах от деревни.

8 июля 1878 г. унтер-офицер корпуса жандармов Мамонтов прибыл в с. Мокрые Курнали для выяснения причин, взбудора-

живших население. На встречу с чиновником вышли 2 мулл и 10 жителей, которые с волнением уверяли, что «за свою веру готовы сейчас умирать»⁵³. Чиновнику удалось убедить жителей с. Мокрые Курналы в напрасности толков⁵⁴.

Схожая ситуация сложилась с переписью населения 1897 г. – властям не удалось донести до татар настоящей цели переписи, и она была воспринята как очередная попытка крещения. В селения Лаишевского, Мамадышского и других уездов были отправлены отряды для усмирения участников сопротивления розгами⁵⁵.

Таким образом, мы видим, что борьба между мусульманским и христианским влиянием на крещеных татар складывалась не в пользу последнего. Давление со стороны властей, в основном, ограничивалось формальными мерами. Священники зачастую не знали татарского языка, не пользовались авторитетом среди населения. При совместном проживании с русскими усваивалась лишь обрядовая сторона православия, что приводило к синкретизму. Школы Братства Св. Гурия имели некоторый успех, но к началу XX в. миссионерство практически не давало никаких результатов. Те из крещёных, кто не хотел возвращаться в ислам, оказывались в маргинальном положении, когда их не принимали ни русские, ни татары-мусульмане. Поэтому периодически случались массовые отпадения от православия, от которых не спасали даже насильственные действия русских властей.

⁵³ Материалы по истории Татарии второй половины XIX века. – Ч. 1: Аграрный вопрос и крестьянское движение 50–70-х годов XIX в. / Под ред. В.П. Волгина. – М.: АН СССР, 1936. – С. 353.

⁵⁴ Там же. – С. 354.

⁵⁵ История татар с древнейших времен. – Т. VI. – Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2013. – С. 584.

§ 3. Взаимоотношения помещиков и крестьян Лаишевского уезда в конце XIX – начале XX века

После отмены крепостного права зависимость помещичьего хозяйства от сельского населения сохранилась – крестьяне служили управляющими, старостами, караульщиками, нанимались в батраки, торговали с землевладельцами, всей общиной брали землю в испольную или денежную аренду. «С крестьянами... живите в ладу, без них не проживешь, – советовал своим детям помещик Спаского уезда Казанской губернии В.Т. Молоствов в 1896 г. – Это наша главная рабочая сила, так что расходиться с ними из-за пустяков можно потерять многое. Сделал крестьянину большую услугу в трудную минуту, он ее не забудет, да и другой на то же будет надеяться»⁵⁶.

Это была одна из причин, по которой дворяне помогали жителям окрестных деревень. Особенно сильно в материальной поддержке крестьяне нуждались в период сильных неурожаяев, постигших Поволжье в 1891, 1898 гг. Зависимость крестьянских хозяйств от погодных условий объяснялась низким уровнем культурного земледелия. Господство общинного землепользования и присущая крестьянскому населению консервативность препятствовали агротехническому прогрессу вплоть до столыпинской аграрной реформы. Общинники сеяли в условленный день, совершенно не учитывая различия в качестве земельных участков; слабо внедряли усовершенствованные орудия труда. Кроме того, в 5 уездах губернии до половины крестьян были малоземельными, что ставило их в зависимость от помещичьих владений и условий работы на них.

Зависимое положение крестьян от соседа-помещика приводило к столкновениям. Весной 1892 г. управляющий имением дворянина А.Л. Панаева М.И. Гильдеман обратился к лаишевскому уездному исправнику с жалобой на самоуправство и буйство крестьян из сц. Городка⁵⁷. Крестьяне пасли крупный рогатый скот на барских лугах, и оказали сопротивление «кольями и рычагами», а также пригрозили убийством, когда служащие поместья попытались согнать их стадо с покосов. Через неделю крестьянский скот

⁵⁶ ГА РТ. Ф. 1183. Оп.1. Д. 23. Л. 2–2 об.

⁵⁷ Совр. д. Городок Алексеевского района РТ.

вновь был замечен на помещичьих лугах, и завязалась драка с работниками поместья. Сами крестьяне также мешали выпасу хозяйского скота и всячески «стесняли пастуха при прогоне скота», в связи с чем для охраны к стаду были приставлены 4 рабочих. Но это не останавливало жителей. Управляющий сообщал в жалобе исправнику о событиях 14 мая: «Уже издали было видно, что собрался со всей деревни народ, который встретил скот с ругательствами, пугали (во главе с сельским старостой Козьминым) скот. Барский староста Столяров был схвачен, сшибли с лошади. А барскую лошадь сельский староста приказал сыну вести к себе на двор»⁵⁸. Опасаясь за свою жизнь и здоровье, часть работников была вынуждена оставить службу в имении.

При дознании лаишевский уездный исправник выяснил, что поводом к конфликту послужили распоряжения управляющего, запретившего крестьянам выгон скота на барской земле, в связи с чем крестьяне тоже стали запрещать заходить помещицкому стаду на их земли. Но Гильдеман игнорировал этот запрет. Кроме того, управляющий ввел штрафы с крестьян, которые обрабатывали помещицью землю на договорной основе. Несмотря на масштаб описываемого управляющим противостояния, конфликт был исчерпан в результате переговоров станового пристава с сельским обществом и привлечь полицию для прекращения недружелюбных отношений не пришлось⁵⁹.

Материалы фонда Канцелярии губернатора Государственного архива Республики Татарстан показывают, что таких разбирательств управляющих и самих владельцев с деревенскими жителями было много. Иногда действия крестьян наносили землевладельцам серьезный материальный ущерб. Как это было, например, в д. Яшевке Тетюшского уезда, где крестьяне самовольно вырубili лес, принадлежавший семье дворян Терениных, развезли из хозяйского сарая кирпичи и солому. А несколько крестьян д. Васильевки Никифоровской волости того же уезда подожгли хлебный амбар, которым владел дворянин Н. Фигнер, и потребовали от служащих экономии покинуть усадьбу⁶⁰.

⁵⁸ ГА РТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 8764. Л. 2 – 2 об.

⁵⁹ ГА РТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 8764. Л. 4 об. – 8.

⁶⁰ ГА РТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 3188. Л. 4–4об.

Нередко лаишевские помещики, находившиеся во враждебных отношениях с окрестным населением, бездоказательно обвиняли крестьян в сознательном нанесении ущерба. Например, крестьяне, бравшие в испольщину землю госпожи Трубниковой, были недовольны новыми правилами аренды – помимо уборки хлеба, им нужно было за прежнюю цену еще и молотить зерно. А приказчик в имении Л.Г. Дембровского запретил крестьянам пасти скот на хозяйской земле, чем также вызвал недовольствие жителей. В имениях другого землевладельца, статского советника Н.С. Кукуранова, пожары вспыхивали один за другим, что побудило его обратиться к лаишевскому уездному исправнику. В 1903 г. княгиня С.А. Грузинская обвинила в поджоге ее имущества при с. Кульга бывших работников, уволенных ею 10 лет назад и управляющего Ф.Ф. Бахольдера, за которым по ее настоянию осуществлялся негласный полицейский надзор. Однако ни в одном случае улик обнаружено не было, в связи с чем уездный исправник заключил, что причиной пожаров становилась неосторожность служащих экономий⁶¹.

Таким образом, в основе конфликтов с крестьянами лежали противоречия в договорных отношениях. Владельцы и управляющие все чаще отказывались от невыгодной для них, но удобной для крестьян испольщины. Также приходилось ужесточать условия работ на барской запашке и лишать крестьян тех льгот, которые помещики давали им для привлечения рабочей силы в свое хозяйство в пореформенный период. Например, управляющий помещьем А.А. Лебедева при с. Каипы Лаишевского уезда обязал крестьян за получаемый ими хворост и дрова бесплатно вывозить навоз, снизил цены на рабочие руки, а когда крестьяне стали бойкотировать новые условия, предложил вспашку земли другому сельскому обществу. Свои действия управляющий объяснял тем, что «каипские крестьяне ранее были весьма избалованы разными льготами от экономии»⁶².

Со временем аграрные беспорядки приобрели более широкие масштабы. И помещики все чаще решали свои проблемы без помощи полиции, приобретая оружие или приглашая наемников для

⁶¹ ГА РТ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 372. Л. 1, 7 – 7 об.; Д. 389. Л. 4 – 4 об.; Д. 965. Л. 1 – 2 об., 8 об, 17.

⁶² Там же. Д. 875. Л. 1 об. – 2.

защиты своего имущества. Так, в 1906 г. Дмитрий Петрович Арцыбашев, увидев, как крестьяне с. Куркуль соседнего Спасского уезда рубят его лес, выстрелил в воздух, чтобы спугнуть незаконных лесовщиков⁶³. Известно также, что он нанимал караул.

Усвоив воззрения левых партий, крестьяне проводили агитационную пропаганду в сельской местности. В 1906 г. был заключен в Чистопольскую уездную тюрьму крестьянин с. Алексеевское Лаишевского уезда В.И. Патрикеев. В г. Чистополе он участвовал в местной группе казанского комитета РСДРП, оказывал помощь по своей специальности – в качестве наборщика. В ходе обыска у него были найдены 3 экземпляра печатного воззвания «Манифест ко всему русскому крестьянству»⁶⁴. Крестьянин был освобожден, но за ним был установлен гласный надзор полиции на целый год⁶⁵.

Листовки казанского комитета РСДРП – «К крестьянам», «Ко всем гражданам о новой Думе» и другие прокламации – циркулировали во всех селах⁶⁶, в связи с чем до губернатора дошли сведения об образовании в 1907 г. в Лаишевском уезде Алексеевского районного революционного комитета, объединявшего до 300 человек, и боевой дружины при нем. Но фактов организации таковых Казанское губернское жандармское управление не обнаружило, выявив лишь несколько крестьян, подстрекавших односельчан не продавать продукты, не сдавать дома для квартирования полицейских, прибывших для охраны порядка в населенном пункте⁶⁷.

Во всех селениях Лаишевского уезда, где наблюдалось брожение крестьян, исправник беседовал с жителями на сходах и разъяснял им незаконность их действий. Тем не менее даже после окончания революции крестьяне продолжали считать силовые способы воздействия действенными. Например, двое жителей с. Шумбут Филимонов и Тепляков, неоднократно пытавшиеся поступить на службу в имение землевладельца Лихачева, но получившие отказ, угрожая управляющему Н.К. Генке ножом, вымогали

⁶³ ГА РТ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2660. Л. 9.

⁶⁴ ГА РТ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2675. Л. 2, 6,

⁶⁵ ГА РТ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2675. Л. 19.

⁶⁶ ГА РТ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 3102. Л. 2 – 2 об.

⁶⁷ ГА РТ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 3102. Л. 13, 29 – 30, 70 – 72, 87 – 88.

у него деньги, муку. В 1912 г. за этими крестьянами был установлен полицейский надзор⁶⁸.

Конфликты имели объективный источник – неравноправие крестьян и землевладельцев. Некоторые помещики сознательно притесняли крестьян для своей выгоды. Но и само земельное богатство, сосредоточенное у одного лица, вызывало у сельских жителей негодование. Поэтому, когда появлялась возможность, по мнению крестьянина, восстановить справедливость, он вредил помещику. Во время революций действие закона, охранявшего частное землевладение, ослаблялось, и число столкновений увеличивалось.

Крестьяне хоть и были жертвами неравноправного положения, но если сила была на их стороне, то не щадили и беззащитных, как это произошло в 1917 г.

§ 4. Борьба за трезвость

Характерной чертой повседневной жизни провинциального человека было увлечение спиртными напитками. Без них не обходились ни народные гулянья, ни свадьбы, ни похороны, ни празднование хорошего урожая. А если пивная лавка находилась поблизости к дому, то ничего не затрудняло злоупотребление алкоголем в будние дни. В 1868 г. сельские общества получили право самостоятельно выдавать разрешения на питейные дома⁶⁹, благодаря чему приобрели существенный источник дохода. Так, жители с. Урай⁷⁰ сообщали корреспонденту «Волжского вестника»: «В былое время кабак наш приносил миру до 800 рублей арендной платы ежегодно»⁷¹. Однако заведение имело ярких противников в числе крестьянских семей, «старшие члены которых частенько посещали кабачок и возвращаясь домой под хмельком не прочь были

⁶⁸ ГА РТ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 5177. Л. 5 – 5 об., 8 – 8 об.

⁶⁹ Шевченко И.А. Дело о закрытии питейных заведений села Максимовки Самарской губернии в Государственной думе Российской империи III созыва // Манускрипт. – 2018. – № 11(97). – Ч. 2. – С. 237.

⁷⁰ Совр. с. Дон-Урай Рыбно-Слободского района РТ.

⁷¹ См.: Русский вестник. – 1885. – Т. 180. – С. 555.

побуянить-подебоширить»⁷². И в начале 1880-х гг. на основе общинного приговора лавочка была закрыта. А всех односельчан, занимавшихся подпольной продажей водки, решили, кроме передачи суду, штрафовать на сумму 50 рублей в пользу общества.

Закрытие питейных заведений давало результат достаточно быстро. Преподаватель Шармашинской воскресной школы связывал «возвышение уровня нравственно-религиозного состояния слушателей» с закрытием питейных домов тремя ближайшими сельскими обществами⁷³.

После принятия Правил о раздробительной (розничной) продаже напитков в 1885 г. только мамадышский купец Щербаков подал 800 прошений об открытии питейных лавочек в Лаишевском уезде, местный купец Макашин – 120 аналогичных заявлений, а лаишевский купец Я.Ф. Максимов обратился в уездное земство с прошением продать ему здание бывшего винного подвала. Кроме них, существовало множество мелких коммерсантов, также желавших торговать алкоголем. Так, в вышеупомянутом с. Урай с января 1886 г. с разрешения акцизного управления новые заведения распахнули свои двери для всех «желающих повеселиться»⁷⁴. Две питейные лавки достались местным крестьянам – Чиркову и Козенкову, а третья лавка и ведерная – оптовому виноторговцу Щербакову.

Это спровоцировало запретительные приговоры «о нежелании иметь у себя питейные заведения». По правилам 1885 г. сельские общества сохранили возможность закрывать все существовавшие лавки, хотя и утратили право выдачи разрешений на открытие новых. Кроме того, крестьяне отказались предоставлять Щербакову в аренду здание, не взирая на все его угрозы.

Особенно хорошо продажа алкоголя шла в селениях, в которых находились пристани или устраивались базары. В период навигации почти каждый крестьянский дом с. Мурзиха старался «зашибить копейку», угощая у себя приезжую публику не только чаем, но и крепкими напитками. В с. Тюлячи с огромным базаром и

⁷² Отчет Лаишевской уездной земской управы о состоянии уездного земского хозяйства и действиях уездной управы в 1885/1886 г. – Казань: Тип. Губ. правл., 1886. – С. 36.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Там же.

ярмарками, проводимыми два раза в год, торговцев всегда радушно принимали в многочисленных питейных заведениях. Только в базарные дни выручка одной лишь винной лавки превышала тысячу рублей⁷⁵. Неслучайно, в начале XX в. на это село приходились 3 пивные и 1 казенная винная лавка, трактир и ренсковый погреб.

Законодательно жители не могли противодействовать виноторговле, так как право сельских обществ о составлении запретительных приговоров не распространялось на населенные пункты с базарами или находившиеся у пристаней, перевозов, железнодорожных станций⁷⁶. Тем не менее тюлячинцы неоднократно составляли запретительные приговоры. Корреспондент «Камско-Волжской речи» в 1912 г. сообщил, что крестьянам удалось добиться определенных успехов в борьбе за трезвость: «В виду прекращения торговли крепкими напитками, в селе воцарилась образцовая тишина и порядок, чего здесь никогда не наблюдалось. Село пьянствовало до последней степени, в каждый праздник вина и пива выпивалось на сотни рублей ежедневно, в особенности в базарные дни. Немало доставалось от такого пьянства дела и местному волостному суду. В каждый базар составлялось в среднем от 30–40 протоколов за бесчинства и безобразия»⁷⁷. По всей видимости, в заметке говорилось о закрытии только одной лавки, а не о полном запрете продажи алкоголя. Подобными сообщениями о закрытии питейных лавок на основе общинных решений пестрили местные газеты начала XX в.⁷⁸

Некоторые виноторговцы старались обойти запреты, например, сохранением лавки в этом же селении, но на территории другого общества. Так, жители Бетьков, обеспокоенные намерением акцизного ведомства перенести винную лавку с окраины села на цер-

⁷⁵ Тюлячи (Лаишевского уезда). Против пьянства // Камско-Волжская речь. – 1912. – №107 (16 мая).

⁷⁶ Карандашев Г.В. Крестьянская повседневность: потребление алкоголя в российской глубинке в конце XIX – начале XX века // Ярославский педагогический вестник. – 2017. – №1. – С. 370.

⁷⁷ Лаишевский уезд. Трезвая деревня // Камско-Волжская речь. – 1912. – №207 (18 сент.).

⁷⁸ Тюлячи (Лаишевского уезда). Против пьянства // Камско-Волжская речь. – 1912. – №107 (16 мая).

ковную площадь, составили приговор. Они мотивировали свое решение тем, «что молящимся будут видны все безобразия, неизбежно сопутствующие винной лавке»⁷⁹. Кроме того, местным церковно-приходским советом возбуждено такое же ходатайство. Приказчики винной и пивной лавок подали жалобы на крестьян – земскому начальнику, а на местного священника – архиерею. И хотя приговор был признан земским начальником вполне законным, энергично шла подготовка помещения под винную лавку. Видимо, с расчетом получить согласие от второго общества из 6 домохозяев.

Борьба сторонников трезвости с защитниками «казенки» не была редкостью в уезде. Весной 1914 г. крестьяне нармонского 1-го сельского общества Астраханской волости составили приговор о закрытии в деревне казенной винной лавки, о чем с соответствующим ходатайством обратились к губернскому начальству. Вслед за ними прямо противоположный приговор составило нармонское второе общество, которым «единогласно постановило оставить в деревне казенную винную лавку». Мотив сторонников был довольно простой – оставить лавку, чтобы не пришлось ходить в соседние селения. За это ратовали, в основном, молодые «домохозяева»⁸⁰.

Например, взамен ликвидированной в Мансурове казенной винной лавки рассматривалось открытие питейного заведения в соседних Мысах⁸¹ Сараловской волости. И только противодействием местной «партии трезвых крестьян» открытие было поставлено под вопрос⁸².

Городские власти, в отличие от сельских, обладали большим простором в регулировании численности питейных заведений. И хотя лавки приносили ощутимый доход в муниципальную казну, думские гласные немало были обеспокоены и поддержанием правопорядка. Поэтому после утверждения правил о розничной торговле 1885 г. были приняты постановления, суть которых сводилась к тому, чтобы сделать реализацию спиртных напитков более прозрачной и облегчить надзор за ними со стороны полиции.

⁷⁹ Бетьки (Лаишевского уезда). Борьба из-за винной лавки // Камско-Волжская речь. – 1912. – №132 (14 июня).

⁸⁰ Лаишевский уезд. Два приговора и шинкарство // Камско-Волжская речь. – 1914. – № 165 (26 июля).

⁸¹ Исчезнувшее село Лаишевского района РТ.

⁸² Там же.

Трактиры, в которых продавался алкоголь, должны были состоять из двух комнат – одна предназначалась для посетителей, другая – для приготовления блюд согласно меню. Никакой мебели, кроме столов и стульев, быть не должно⁸³, чтобы исключить проживание и оказание дополнительных услуг. По последней причине в гостиницах, трактирных заведениях, ведерных, винных и пивных лавках женская прислуга не допускалась.

Вводились ограничения на мебель в винных и ведерных лавках, в которых устраивались только стойки и полки. В свободное от розлива время отделения должны быть заперты. Пивные лавки состояли из одной комнаты для посетителей, рядом с буфетом, из мебели – только столы, стулья, вешалки.

Предписывалось употребление крепких напитков исключительно в помещении (либо дома), выходить на крыльцо или на улицу запрещалось. А чтобы облегчить полицейский контроль, вход освещался фонарем⁸⁴. Лавки должны были иметь характерные для них вывески двух цветов – красного и белого, с обязательным указанием наименования учреждения – «ведерная лавка» или «винная лавка», а также фамилии владельца⁸⁵.

Толчком к массовому закрытию питейных заведений послужила Первая мировая война. Подобная практика уже применялась в русско-японскую войну, и в 1914 г. правительство вновь обратилось к этому опыту, и на время призыва запретило продажу алкоголя: «Мобилизация оживила наш тихий и сонный городок... Все дома обывателей заняты запасными и их семьями... торговля вином замерла. Казенная винная и все пивные лавки и ренсковые погреба закрыты. Вина доставать негде... На улице не встретишь ни одного пьяного. Всюду царит трезвость, на фоне которой резко выделяется необычная обстановка деревенских жителей»⁸⁶.

Увидев положительный эффект от запрета продажи спиртных напитков, правительство распространило «сухой закон» на все время войны. И на местах последовали соответствующие поста-

⁸³ Обязательные постановления для жителей гор. Лаишева, состоявшиеся согласно 103–106 ст. Гор. Пол., в заседании Лаишевской городской думы 10 апреля 1883 г. – Казань: Тип. А.А. Родионова, 1889. – С. 12.

⁸⁴ Там же. – С. 13.

⁸⁵ Там же. – С. 14.

⁸⁶ Лаишев. Мобилизация // Камско-Волжская речь. 1914. – №164 (25 июля).

новления органов самоуправления. Лаишевская городская дума единогласно запретила торговлю спиртными напитками, пивом, виноградным и ягодными винами во всех питейных заведениях города, клубах и даже ресторанах 1-го разряда⁸⁷. Аналогичное решение о прекращении торговли спиртными напитками во всех местах Лаишевского уезда было принято и земством⁸⁸.

С ограничением легального производства и продажи алкоголя население вернулось к старым дедовским способам изготовления крепких напитков. Продавцов такой продукции прозвали в народе «шинкарями», которых стало особенно много в первый военный год. Так, уже к концу июля 1914 г. в Сараловской волости не осталось ни одной пивной или казенной винной лавки. Но всюду получило развитие «шинкарство», которое не могли побороть ни местный полицейский урядник, ни волостные и сельские власти. К примеру, в с. Ташкирмень на 300 дворов приходилось около 100 шинкарей⁸⁹. Описывая ситуацию в одном из уездов Казанской губернии, корреспонденты отмечали, что домашнее пивоварение и винокурение буквально «углубилось в землю»: «Вся работа производится в особых тайниках-окопах, трудно уловимых для полицейского надзора». Одновременно винокуры увеличили цену на предмет своего производства, продавая за 90 копеек бутылку изготовленной таким образом водки, известной под названием «ханжи»⁹⁰.

Чтобы искоренить пьянство, требовалось не только лишить людей водки, но и дать им более благопристойные развлечения. Борьбу с пьянством развернуло уездное попечительство о народной трезвости. Согласно уставу от 20 декабря 1894 г., комитеты выполняли некоторые надзорные функции, – в частности, следили за соблюдением правил торговли крепкими напитками, а главное просве-

⁸⁷ Лаишев. Борьба с пьянством // Камско-Волжская речь. – 1914. – №245 (4 нояб.).

⁸⁸ Лаишевское земское собрание // Камско-Волжская речь. – 1914. – №263 (26 нояб.).

⁸⁹ Лаишевский уезд. Два приговора и шинкарство // Камско-Волжская речь. – 1914. – № 165 (26 июля).

⁹⁰ Цивильский уезд. Возрождение пьянства // Камско-Волжская речь. – 1914. – №263 (26 нояб.).

тительские – для этого устраивали народные чтения о вреде злоупотребления алкоголем⁹¹.

Сельские власти сочувственно относились к целям попечительства, предоставляя ему одни из лучших зданий. Например, бесплатная народная читальня с. Мурзихи разместилась в одном доме с почтой и телеграфом. Ее заведующим стал местный молодой приходской священник отец Терпиловский⁹². Показы туманных картин всегда набивали в избу толпы людей. Так, накануне временного закрытия мурзихинской читальни, вызванного разливом р. Кама весной 1912 г., собрались все пожилые, подростки и десяток мужиков, чтобы прослушать рассказы о вреде пьянства и описание святых мест Палестины⁹³. А крестьяне с. Мансурова⁹⁴ после закрытия всех пивных лавок по праздникам охотно направлялись в библиотеку попечительства⁹⁵.

Таким образом, однозначного отношения к питейной торговле не наблюдалось. Была внутренняя борьба между желанием органов самоуправления заработать и сохранить порядок в обществе. Вместе с тем и само население было расколото, часть была привержена «зеленому змию», другие хотели спокойствия.

Ни один из законов, ограничивающих продажу алкоголя, не был в состоянии ликвидировать пьянство, так как жители занимались домашним пивоварением и винокурением. Хотя продолжали преобладать запретительные способы борьбы с питьем, постепенно общество понимало, что следует искоренить одну из главных причин алкоголизации населения – отсутствие досуга. Принимаемые меры вызывали сочувствие у многих жителей уезда, способствуя распространению трезвого образа жизни.

⁹¹ См.: Букреева О.Г. Культурно-просветительская деятельность попечительства о народной трезвости в России в конце XIX – начале XX в. // Известия Самарского научного центра РАН. Исторические науки. – Т. 1, № 1. – 2019. – С. 23.

⁹² Мурзиха, Лаишевский уезд. Общественная библиотека // Камско-Волжская речь. – 1912. – № 172 (2 авг.).

⁹³ С. Мурзиха, Лаишевский уезд (Обо всем понемногу) // Камско-Волжская речь. – 1912. – № 57 (11 марта)

⁹⁴ Исчезнувшее село Лаишевского района РТ.

⁹⁵ Лаишевский уезд. Насажение трезвости // Камско-Волжская речь. – 1914. – №154 (13 июля).

Глава 3. Экономическое развитие

§ 1. Земледелие и скотоводство

В середине XIX в. площадь Лаишевского уезда составляла 517488 десятин земли. Из них 31,1% приходилось на лес, 0,8% – усадьбы, 0,2% – выгоны и пастбища, 13,5% – сенокосы, 8,1% – неудобную землю и 46,2% – пашню¹. Данная структура угодий свидетельствует о преобладающем значении земледелия по сравнению с другими отраслями сельского хозяйства. Как и во всей губернии, в Лаишевском уезде господствовал трехпольный севооборот: в первый год сеяли рожь, в следующий – яровые культуры: пшеницу, овес, ячмень, полбу, гречиху, иногда лен, горох и просо, и наконец, в третий год – поля оставляли под паром, то есть без посева. О масштабах посевных работ в конце XIX – начале XX в. свидетельствуют нижеприведенные таблицы (Табл. 6, 7).

Таблица 6. Площадь посевов озимых хлебов

Годы	Засеяно десятин озимым хлебом на землях		
	Владельческих	Крестьянских	Всего
1896	19863	56349	76212
1897	18399	62411	80810
1898	20871	59570	80441
1899	21801	60759	82560
1900	24606	60779	85385
1901	24607	60480	85087

Источник: Обзор Казанской губернии за 1896 г. – Казань: тип. Губ правл., 1897. – С. 1; Обзор Казанской губернии за 1897 г. – Казань:

¹ Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. – Т. 8: Казанская губерния / Сост. М. Лаптев. – СПб.: Военн. тип., 1861. – С. 30.

тип. Губ. правл., 1898. – С. 11; Обзор Казанской губернии за 1898 г. – Казань: тип. Губ. правл., 1899. – С. 10; Обзор Казанской губернии за 1899 г. – Казань: тип. Губ. правл., 1900. – С. 10; Обзор Казанской губернии за 1900 г. – Казань: тип. Гу. правл., 1901. – С. 10; 1901 г. – Казань: тип. Губ. Правл., 1902. – С. 10.

Таким образом, за 6 лет площадь земель под озимыми увеличилась более чем на 11%, причем если крестьянские наделы увеличились на 7,3%, то владельческие на 23,9%. Эти цифры говорят о довольно значительном экстенсивном развитии сельского хозяйства, но, в основном, за счет частных владельцев.

Яровыми хлебами и картофелем в Лаишевском уезде на крестьянских землях была засеяна следующая площадь:

Таблица 7. Площадь посевов яровых хлебов и картофеля на крестьянских землях

Годы	Десятин						
	Яровой пшеницы	Овса	Ячменя	Гречи	Прочих хлебов: гороха, чечевицы, проса и полбы	Картофеля	Всего десятин
1896	211	22338	128	8528	18485	2439	52129
1897	417	29251	509	10285	18735	3174	62371
1898	112	26768	94	6959	18618	2965	55516
1899	52	34072	205	5584	16493	1689	58095
1900	394	33887	167	5965	14388	2093	56894
1901	82	32157	109	7153	13123	2391	55015

Источник: Обзор Казанской губернии за 1896 г. – Казань: тип. Губ. правл., 1897. – С. 2; Обзор Казанской губернии за 1897 г. – Казань: тип. Губ. правл., 1898. – С. 12; Обзор Казанской губернии за 1898 г. – Казань: тип. Губ. правл., 1899. – С. 11; Обзор Казанской губернии за 1899 г. – Казань: тип. Губ. правл., 1900. – С. 11; Обзор Казанской губернии за 1900 г. – Казань: тип. Губ. правл., 1901. – С. 11; Обзор Казанской губернии за 1901 г. – Казань: тип. Губ. правл., 1902. – С. 11.

Яровыми хлебами и картофелем в уезде на владельческих землях была засеяна следующая площадь:

Таблица 8. Площадь посевов яровых хлебов и картофеля на владельческих землях

Годы	Десятин						
	Яровой пшеницы	Овса	Ячменя	Гречи	Прочих хлебов: гороха, чечевицы, проса и полбы	Картофеля	всего десяти
1896	30	14168	55	3523	2679	672	21127
1897	22	11615	-	2814	2132	736	17319
1898	11	13795	-	4182	3404	862	22254
1899	64	13424	13	1211	2557	885	18154
1900	28	14071	42	2261	2051	272	18725
1901	79	17806	21	2861	2306	857	2393

Источник: Обзор Казанской губернии за 1896 г. – Казань: тип. Губ. правл., 1897. – С. 2; Обзор Казанской губернии за 1897 г. – Казань: тип. Губ. правл., 1898. – С. 12; Обзор Казанской губернии за 1898 г. – Казань: тип. Губ. правл., 1899. – С. 11; Обзор Казанской губернии за 1899 г. – Казань: тип. Губ. правл., 1900. – С. 11; Обзор Казанской губернии за 1900 г. – Казань: тип. Губ. правл., 1901. – С. 11; Обзор Казанской губернии за 1901 г. – Казань: тип. Губ. правл., 1902. – С. 11.

Таким образом, увеличение площади засева яровыми культурами в крестьянских хозяйствах за эти годы примерно такое же, как и озимыми – 7,4%, а в частновладельческих имениях на 13,2% – значительно ниже, чем озимыми, но все же темпы роста превышали таковые у крестьян.

К посеву яровых хлебов приступали в начале апреля, жатву озимой ржи начинали в середине июля. Но погодные явления могли сказаться на сроках проведения полевых работ, задержав их на 20 и более дней. Засушливая погода неблагоприятно влияла и на урожайность хлебов и трав по всему уезду. В более или менее луч-

шем состоянии находились только озими на низких и удобренных местах. Осенью же неветряная и «теплая с перепадавшими дождями погода» без заморозков могла спасти всходы. А вот ранняя зима не способствовала улучшению урожайности. Кроме того, земли удобряли не повсеместно. Одна из главных причин заключалась в земельном переделе, которые проводили общества, соответственно, крестьяне не знали, где достанется земля на следующий год.

Таблица 9. Результаты урожая

Годы	Посеяно			Собрано			Пудов
	Четвертей						
	Озимого	Ярового	Карго- феля	Озимого	Ярового	Карго- феля	Сена
1896	62217	58270	21754	283729	253638	123616	1662885
1897	60620	88920	26453	193499	208777	135730	1722452
1898	60725	92032	26694	76313	9952	21423	1730919
1899	19375	28504	5312	157768	197813	26752	618500
1900	63439	80836	22621	413396	346297	139065	3379610
1901	63301	90813	23743	27314	133787	36928	22003070

Источник: Обзор Казанской губернии за 1896 г. – Казань: тип. Губ. правл., 1897. – С. 6; Обзор Казанской губернии за 1897 г. – Казань: тип. Губ. правл., 1898. – С. 16; Обзор Казанской губернии за 1898 г. – Казань: тип. Губ. правл., 1899. – С. 15; Обзор Казанской губернии за 1899 г. – Казань: тип. Губ. правл., 1900. – С. 15; Обзор Казанской губернии за 1900 г. – Казань: тип. Губ. правл., 1901. – С. 15; Обзор Казанской губернии за 1901 г. – Казань: тип. Губ. правл., 1902. – С. 15.

Таким образом, в отличие от прямолинейного увеличения площади засеваемых земель, объем посевов и особенно урожая постоянно менялся в зависимости от погодных условий. Так, если в 1900 г. урожай озимых превышал таковой за 1896 г. на 45,7%, то уже в следующем году было снижение на 3,7% по сравнению с базовым годом. Посевы были более стабильны, но в особо голодные годы и их объем значительно снижался.

Некоторые сельские жители отказывались от занятия хлебопашеством и отдавали свои участки в аренду односельчанам. Так, по данным на 1906 г., 1943 наделные семьи не вели собственное хозяйство, а предпочитали сдавать землю. Кроме того, 33 семьи, проживавшие в Лаишевском уезде, вовсе были безземельными².

Важной отраслью сельского хозяйства, тесно связанной с земледелием, было скотоводство – оно обеспечивало население тягловой силой и органическими удобрениями. На степень его развития в уезде влияли природные особенности ландшафта, система полевого хозяйства, зажиточность крестьян. Из нижеприведенной таблицы видно общее поголовье скота в Лаишевском уезде в середине XIX в., а также обеспеченность домохозяйств рабочими лошадьми и крупным рогатым скотом.

Таблица 10. Количество скота у государственных крестьян в Лаишевском уезде в 1856 г.

Число дворов	Лошадей		Рогатого скота		Овец	Свиней	Коз	Итого
	Взрослых	Жеребят	Взрослых	Телят				
9180	15767	3141	9577	4356	44220	3967	3530	82361

Источник: Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. – Т. 8: Казанская губерния / Сост. М. Лаптев. – СПб.: Военн. тип., 1861. – С. 318.

Таким образом, в среднем на один двор приходилось от 1 до 2 рабочих лошадей и по 1 крупному рогатому скоту. Однако существовала проблема обеспечения животных кормом. В середине XIX в. на каждую десятину лугов приходилось 3,4 десятины пахотной земли. Кроме того, за лугами не было никакого ухода, сено косили лишь по одному разу в год.

В неурожайные годы и вовсе не удавалось прокормить скотину. Так, в 1898 г. казанский губернатор обратился к министру

² Крестьянское землевладение Казанской губернии. – Вып. 2. Лаишевский уезд. – Казань: типо-лит. И.В. Ермолаевой, 1907. – 94 с. - С. 93.

внутренних дел о разрешении населению бесплатного выпаса крупного и мелкого рогатого скота и заготовки корма в казенных лесных дачах и о разрешении безвозмездного сбора валежного леса. Оба ходатайства были удовлетворены. Также по поручению губернатора губернским ветеринаром было составлено и издано тиражом 3500 экземпляров популярное описание способов приготовления силосованного корма из подсобных растений, с последующей рассылкой земским начальникам, исправникам и уездным земским управам для распространения среди населения.

Помимо этого, правительство, губернская администрация и земство оказывали продовольственную помощь. В 1898 г. 16145 однолошадных дворов Лаишевского уезда были признаны нуждающимися в поддержке. Министерство внутренних дел ассигновало на покупку муки 116244 рублей, на заготовку сена – 48435³.

В конце XIX – первое десятилетие XX в., согласно земской статистике, урожай ржи и яровых хлебов находился на стабильно высоком уровне, а особенно хороший урожай пришелся на 1913 г. Более обильным, чем в предшествующие годы, был и сбор сена в 1912 г., сохраняя положительную динамику роста и в последующем (см. Табл. 11). В целом, состояние скота зависело от уровня урожая ржи, яровых хлебов, сена предыдущих лет.

Таблица 11. Урожай сена

Годы	Собрано пудов сена		
	С 1 десятины поемных лугов	С 1 десятины непоемных лугов	На голову крупного скота
1912	135	65	28
1913	192	126	38
1914	182	138	30
1915	140	85	Нет данных

Источник: Сельскохозяйственный обзор Казанской губернии за 1912 г. – Казань: лито-тип. И.Н. Харитоновна, 1913. – С. 110; Сельскохозяйственный обзор Казанской губернии за 1913 г. – Казань: лито-тип.

³ Обзор Казанской губернии за 1898 г. – Казань: тип. Губ. правл., 1899. – С. 53.

И.Н. Харитонова, 1914. – С. 106; Сельскохозяйственный обзор Казанской губернии за 1914 г. – Казань: лито-тип. И.Н. Харитонова, 1915. – С. 108; Сельскохозяйственный обзор Казанской губернии за 1915 г. – Казань: лито-тип. И.Н. Харитонова, 1917. – С. 100.

Таблица 12. Обеспеченность домохозяйств кормом для скота зимой

Годы	Какой части домохозяйств хватило своих кормов в течение зимы			
	Всех домохозяйств	Больше половины домохозяйств	Половине домохозяйств	Меньше половины домохозяйств
1913	21	15	15	14
1914	33	16	3	7
1915	3	12	14	22

Источник: Сельскохозяйственный обзор Казанской губернии за 1913 г. – Казань: лито-тип. И.Н. Харитонова, 1914. – С. 106; Сельскохозяйственный обзор Казанской губернии за 1914 г. – Казань: лито-тип. И.Н. Харитонова, 1915. – С. 108; Сельскохозяйственный обзор Казанской губернии за 1915 г. – Казань: лито-тип. И.Н. Харитонова, 1917. – С. 101.

Интересен вопрос о том, где пасли скот в течение мая, поскольку он проясняет, насколько хорошо питался скот в это время, а также достаточно ли специальных угодий для пастбы скота. Так, например, в 1913 г. преобладал выпас на пару – 71,4%, 19,6% на пару вместе с другими угодьями и всего лишь 9% всех домохозяйств по уезду имели возможность пасти скот на лугах и в лесах. Таким образом, очевидно, что пастба в мае по причине недостатка специальных угодий весьма неблагоприятна в большинстве случаев для скота, поэтому много домохозяйств подкармливали скот весь май.

Таблица 13. Обеспеченность домохозяйств кормом для скота в июне

Годы	Достаточно ли было корма в июне		Подкармливался ли скот в июне	
	Достаточно	Недостаточно	Подкармливался	Не подкармливался
1913	40	18	29	28
1914	22	35	40	21
1915	25	12	23	19

Источник: Сельскохозяйственный обзор Казанской губернии за 1913 г. – Казань: лито-тип. И.Н. Харитонова, 1914. – С. 112; Сельскохозяйственный обзор Казанской губернии за 1914 г. – Казань: лито-тип. И.Н. Харитонова, 1915. – С. 114; Сельскохозяйственный обзор Казанской губернии за 1915 г. – Казань: лито-тип. И.Н. Харитонова, 1917. – С. 106.

Из таблицы видно, в июне 1913 г. для 69% домохозяев подножного корма было достаточно, для 31% наоборот корма не хватало, поэтому 50,9% домохозяев подкармливал и в июне. Выпас скота на пару продолжался, в общем, почти 2 месяца, но 22,2% по уезду пасли на пару до 1 августа. А 15,3% пасли скот (как правило, мелкий скот) на озими, что в 1913 г. объяснялось теплой и сырой осенью.

Таблица 14. Поголовье скота в Лаишевском уезде

Годы	Количество скота				
	Крупного рогатого скота	Лошадей	Овец	Коз	Свиней
1913	39108	34844	110154	1896	14635
1914	42615	38588	122822	2386	17247
1915	38111	34121	144165	2268	16027

Источник: Сельскохозяйственный обзор Казанской губернии за 1913 г. – Казань: лито-тип. И.Н. Харитонова, 1914. – С. 118; Сельскохо-

зяйственный обзор Казанской губернии за 1914 г. – Казань: лито-тип. И.Н. Харитонов, 1915. – С. 119; Сельскохозяйственный обзор Казанской губернии за 1915 г. – Казань: лито-тип. И.Н. Харитонов, 1917. – С. 111.

По количеству скота Лаишевский уезд имел показатели, близкие к среднему по губернии. Значительное отставание по всем показателям имелось только по сравнению с Чистопольским уездом, но он являлся и самым большим по площади. Чуть ниже среднего составляла численность крупного рогатого скота и коз, а по лошадям и овцам – чуть выше.

Таким образом, основным сельскохозяйственным занятием населения Лаишевского уезда было хлебопашество с господствовавшим трехпольем и сильной зависимостью от природных условий. Общинный передел мешал крестьянам улучшать качество земли. Скотоводство являлось вспомогательной отраслью, поскольку животных в хозяйстве было немного, они использовались как тяговая сила и дополнение к собственному рациону, товарное разведение при таких показателях не могло быть сильно развито.

§ 2. Новации в сельском хозяйстве

Крепостные хозяйства, основанные на подневольном труде, остались позади, и экономика деревни пореформенного периода стала приобретать новые черты: механизация, специализация, наемный труд, переработка выращенного сырья в готовую продукцию с последующим сбытом и др. Внедрение этих организационных новшеств требовало финансовых вложений, знаний и профессиональной подготовки. Исходя из этого, очевидно, что дворяне как наиболее состоятельные земельные собственники обладали широкими возможностями к усовершенствованию производства. Известны образцы успешных помещичьих хозяйств, сумевших наладить рыночно-ориентированное производство еще до отмены крепостного строя. Каким являлось, например, имение Молоство-

вых в Спасском уезде Казанской губернии⁴. А помещик с. Мурзиха Лаишевского уезда отставной подполковник Л.Л. Толстой разводил овец, которые использовались для суконного производства⁵. Однако отмена крепостного права, поставившая под угрозу существование поместий, заставила многих землевладельцев отказаться от дореформенных способов хозяйствования и пойти по пути реорганизации.

Разные помещики выбирали различные пути модернизации управления. Некоторые дворяне доверяли знаниям и нанимали агронома. Например, в поместье лаишевского дворянина В.В. Обухова был приглашен управляющий-мелиорат, что объяснялось приоритетным развитием пашенного производства. А кто-то предпочитал людей с богатой практикой и допускал к руководству опытного земледельца, но без специального образования. И часто во главе экономии становился крестьянин, долгое время проживавший в данном поместье, поэтому хорошо знакомый с хозяйственными делами. Это приводило к низкому уровню профессиональных качеств администрации. Агрономы, командированные летом 1911 г. губернским земством в уезды для изучения частновладельческих хозяйств, констатировали отсутствие счетоводства, что вело к нецелевому расходованию средств, непроработанность плана развития хозяйства на ближайшие годы. Поэтому в подавляющем большинстве поместий господствовала устаревшая зерновая система, и практически не наблюдалось попыток перехода к многополью, заводско-технической организации хозяйства и пр. Нередко наем управляющего означал полное отстранение дворянина от дел в деревне. Например, князь Павел Николаевич Чегодаев жил в г. Ялте и не занимался имением при д. Бутлеровке⁶.

Успешное развитие экономии было невозможно без современной агротехники. Поэтому многие лаишевские землевладельцы

⁴ См.: Фролова С.А. Дворянские усадьбы Казанской губернии (конец XVIII в. – первая половина XIX в.) // Краеведческие среды. – Вып. 2. – Казань: РИЦ «Школа», 2002. – С. 8–23.

⁵ Карл Фукс о Казани, Казанском крае: труды, документы, воспоминания, исследования: [науч.-биогр. сб-к] / Сост. М.А. Усманов, А.В. Гарзавина, И.А. Новицкая. – Казань: Жиен, 2005. – С. 119.

⁶ ГА РТ. Ф. 259. Оп. 1. Д. 31. Л. 75.

цы не скупилась на приобретение дорогостоящего новейшего оборудования: четырехконной молотилки «Липгардт», шестиконной американской молотильной машины, сеялки с разбросной системой «Берман» и другие. Однако одной лишь покупки было недостаточно. Как оказалось, помещики и их управляющие не умели правильно использовать имеющийся инвентарь, и видовое разнообразие сельскохозяйственных орудий не становилось залогом эффективного земледелия, а сильно обременяло поместье затратами на их приобретение и ремонт. К примеру, покупка одного лишь локомобиля Ланца обошлась в 6 тысяч рублей, что равнялось годовой прибыли крепкого поместья⁷.

Предприимчивые помещики старались использовать географические преимущества местности, в которой располагалось имение. В подавляющем большинстве лаишевских поместий имелись сенные угодья. В 1901 г. дворянин К.А. Казем-Бек арендовал у частных лиц луга, устроил пристань на Каме, поставил паровые прессы и стал скупать сено у соседей, сбывая по завышенной цене уже в других уездах⁸. А вот владелец имения при д. Пановке, С.М. Колодкин, пошел по другому пути. Низкое расположение в домене реки Камы обеспечивало высокую урожайность сена, ставшего кормовой базой, хороший дойный скот и близость к городам – все это благоприятствовало развитию молочного хозяйства, производству сливочного масла и дальнейшей его реализации на рынке. Основным местом сбыта являлась губернская столица, а также уездный город Лаишев и прикамские селения⁹.

В то же время во многих поместьях, если продажа сырья позволяла вести достаточно прибыльное хозяйство, то обработка, хотя и могла принести дополнительный доход, не применялась. Например, владелица обширного лесного хозяйства при с. Черемышеве вдова губернского предводителя дворянства и суконопромышленника

⁷ Миронова Е.В. Факторы развития помещичьего хозяйства Лаишевского уезда Казанской губернии в пореформенный период // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. – 2014. – Т. 156, кн. 3. – С. 77.

⁸ ГА РТ. Ф. 259. Оп. 1. Д. 459. Л. 9 об.

⁹ Там же. Д. 499. Л. 3–16 об.

П.Г. Осокина баронесса Л.П. Буксгевден не позаботилась об устройстве лесопилок и ограничилась продажей дров¹⁰.

В начале XX в. специализированные хозяйства стали распространенным явлением. Обзоры с описанием наиболее успешных выходили отдельными брошюрами. Так, в Казанской, Симбирской, Тамбовской, Киевской и других губерниях существовали лучшие в России птицеводческие фермы. К примеру, в экономии торгового дома «Н.В. Щепкина» при с. Смолдиярове Чирповской волости Лаишевского уезда свыше тридцати лет разводили испанских кур, а также беспородных уток и гусей. Три сотни птиц ежегодно давали до 4000 штук яиц. Несмотря на большое поголовье, птичник занимал довольно скромную территорию – всего 2300 кв. саж.¹¹

Также известным птицеводом, лауреатом Второй международной выставки в Санкт-Петербурге 1912 г. стал сын казанского губернатора М.В. Стрижевского – Виктор Михайлович. Свой питомник он организовал в 1909 г. в 60 верстах от г. Лаишева. На ферме насчитывалось до 300 голов домашних птиц разных пород, среди которых было много заграничных – американских, итальянских, а также кур для боев. Вся птица содержалась зимой в не отапливаемых, но защищенных от ветра птичниках, летом – в переносных. Под птицеводство отведено 5 десятин сада. До 60% птенцов выводились в инкубаторах – данный способ появился в России только в 1911 г. и был новым для отечественных птицеводов. В продажу шли племенные яйца, а также живые куры и цыплята¹².

Благодаря специализации частновладельческих хозяйств на отдельных отраслях, в деревне развивалась сельскохозяйственная промышленность. Так, помещица Лаишевского уезда жена подполковника Е.Н. Граве арендовала располагавшийся в Спасском уезде Трех-Озерский винокуренный завод Молоствовых. Под ее руководством предприятие достигло одни самых высоких оборотов вина в губернии: вся продукция сбывалась в разных регионах страны, в числе местных скупщиков были купцы и владельцы питейных заведений Спасского и Тетюшского уездов. Винокуренные

¹⁰ Там же. Д. 412. Л. 4.

¹¹ Краткие справочные сведения о хозяйствах, разводящих птицу, кроликов и коз / Сост. Н.Л. Жук. – СПб.: Типолит. М.П. Фроловой, 1913. – С. 122.

¹² Там же.

заводы функционировали в имениях помещиков Якоби (с. Кадряково¹³), Мертваго (с. Корноухово) и Кандалинцева (с. Шумбут)¹⁴. Последний перешел в собственность Л.Я. Лихачева, под умелым руководством которого стал крупнейшим спиртзаводом, выполнявшим, в том числе государственные заказы по очистке спирта. Также солодовенные заводы по переработке местного сырья были устроены у М.И. Мельникова в с. Серда¹⁵ и в имениях помещиков Ильиных в д. Пановая Гора¹⁶.

В отличие от помещиков крестьяне обладали меньшим потенциалом для модернизации хозяйства – их земельные наделы и финансовые возможности были намного скромнее. Одним из факторов, сдерживающих внедрение новаций в крестьянском хозяйстве, была община. Частые переделы лишали крестьян стремления экспериментировать. Поэтому было много желающих вести самостоятельное хозяйство. Так, Лаишевский уезд сильно выделялся по числу покинувших общину. Это было связано со значительным количеством русского населения в его составе. А в 1908 г. энтузиасты из местных крестьян отправились в другие регионы страны для ознакомления с типами хуторских хозяйств¹⁷. Но одного желания завести успешное хозяйство было мало, новоиспеченным собственникам требовалась квалифицированная помощь со стороны агрономов, которые в Лаишевском уезде только в 1910-х гг. стали тесно работать с крестьянами.

Первая трудность, с которой столкнулось земство, было отсутствие специалистов. Из 6 агрономов, нанятых Лаишевской земской управой, ни у кого не было высшего образования, и только 1 человек имел свидетельство об окончании среднего учебного заведения. В январе 1887 г. был заслушан доклад уездной управы об открытии низшей сельскохозяйственной школы, в которую можно

¹³ Совр. д. Кадряково Рыбно-Слободского района РТ.

¹⁴ Сбоев В.А. О быте крестьян в Казанской губернии. – Казань: Тип. Ун-та, 1856. – С. 33.

¹⁵ Совр. с. Верхняя Серда Атнинского района РТ.

¹⁶ ГА РТ. Ф. 424. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–9.

¹⁷ Записки ходоков крестьян Казанского и Лаишевского уездов Казанской губернии по поездке их в Волынский район для ознакомления с типами хуторских хозяйств того района. – Казань [б.и.], 1908. – 14 с.

было бы отдавать земских стипендиатов. Тогда же было решено изменить программу преподавания в Некрасовском двухклассном училище в пользу практических занятий¹⁸. А в 1902 г., по предложению гласного Петра Матвеевича Останкова, в земской управе приступили к разработке проекта строительного-технического земледельческого училища в г. Лаишеве, которое должно было стать первым в Казанской губернии¹⁹. Кроме того, были устроены агрономические и библиотеки инструкторов по пчеловодству и садоводству²⁰.

Вторым важным направлением стала непосредственная работа по воспитанию грамотного земледельца. Были созданы сельскохозяйственные курсы, организованы опытные поля, при земских училищах стали появляться участки с целью ознакомления с рациональными способами ведения хозяйства, зерноочистительные пункты и т.д.

Кроме уездных агрономов, с крестьянами делились опытом специалисты, присылаемые Казанской губернской земской управой. Например, с 7 февраля по 18 марта 1912 г. в Лаишевском уезде были организованы курсы по луговодству, на которых агроном из Казани П.А. Трухин знакомил слушателей с особенностями почвы, ее обработкой и удобрением, способами «улучшения лугов и приведения их в доходное состояние»²¹. С целью популяризации курсов всем неимущим, прибывшим со стороны, было назначено пособие с размере 25 копеек за каждый день. Но иногда такие курсы были непопулярны – не потому что крестьяне не хотели их посещать, а потому что были не нужны: «Для мурзихинцев, однако, эти курсы имеют мало интереса, так как у общества нет ни одной десятины своих лугов, кругом все барские луга... удобрять-то нече-

¹⁸ Постановления экстренного заседания Лаишевского уездного земского собрания 25 января 1887 г. – Казань: Тип. А.А. Родионова, 1888. – С. 4, 9.

¹⁹ Постановления чрезвычайного Лаишевского уездного земского собрания 10 июля и очередного с 29 сентября по 3 октября 1902 г. – Казань: Тип. А.М. Петрова, 1902. – С. 18.

²⁰ Постановления Лаишевского уездного земского собрания 5 марта и 16 марта и 48 очередной сессии со 2 по 8 октября 1912 г. – Казань: Тип. М.К. Кошкина, 1912. – С. 323.

²¹ Мурзиха (Лаишевского уезда). О курсах. – Смерть «мафусаила» // Камско-Волжская речь. – 1912. – №24 (8 февр.).

го...»²². Не всегда удачным было время проведения занятий. Так, курсы полеводства в ст. Девятово, проводимые в 1913 г. с 4 по 17 марта, пришлось перенести на вечернее время, так как крестьяне в связи с ранней оттепелью днем были заняты уборкой сена с лугов, молотью и пр. Сильно уставая к концу дня, не все приходили на занятия – только 12 домохозяев стали постоянными слушателями, еще от 8 до 15 человек приходили лишь иногда²³.

Однако теоретические занятия не всегда были результативны, так как лектор, по свидетельству крестьян, «говорил не очень то удобопонятным языком»²⁴. «Нет, ты покажи нам, как это делается», – говорили с досадой крестьяне²⁵. Требовалась наглядная демонстрация приемов. По этой причине стали устраивать экскурсии на опытные поля для демонстрации использования минеральных удобрений, способов выращивания различных культур и пр. Так, 1 июня 1914 г. уездное земство организовало экскурсию на опытное поле Казанского губернского земства в 45 верстах от г. Лаишева при с. Селенгушах²⁶. Участие приняло 50 человек – бывших слушателей двухнедельных курсов полеводства. Экскурсанты были собраны с разных концов – из с. Рождественно, с. Тангачи, с. Ташкирмень и др. За 5 часов заведующий И.В. Благовещенский показал ботанический сад, метеорологическую будку, вегетационный домик, само поле²⁷.

Курсы вдохновили некоторых крестьян на создание кооперации, и в 1913 г. при содействии уездного агронома было создано Рождественское сельскохозяйственное общество²⁸. В первый же год все участники получили в ссуду семенной шведский овес для экспериментального засева, в министерстве земледелия была за-

²² Там же.

²³ Ст. Девятово (Лаишевского у.). Курсы полеводства. Собрание сел.-хоз. общества // Камско-Волжская речь. – 1913. – №76 (20 апр.).

²⁴ Шармаши (Лаишевского уезд.). Крестьяне и агрономия // Камско-Волжская речь. – 1913. – №90 (25 апр.).

²⁵ Там же.

²⁶ Исчезнувшая деревня Пестречинского района РТ.

²⁷ Г. Лаишев. Экскурсия на опытное поле // Камско-Волжская речь. – 1914. – №124 (16 июня).

²⁸ Устав Рождественского сельскохозяйственного общества, Лаишевского уезда. – Казань [б. и.], 1913. – С. 1.

прошена ссуда на покупку инвентаря, а член общества землевладелец П.В. Щетинкин предоставил участок под опыты с минеральными удобрениями, из уездного земства получено несколько десятков брошюр по сельскому хозяйству²⁹. Но даже желающие удобрять почву крестьяне сталкивались с рядом трудностей. Из-за развитой чересполосицы некоторые участки земли располагались за несколько километров от крестьянских домов и доставлять туда удобрения было проблематично. «Обще-распространенное явление, что крестьяне из года в год удобряют только близ лежащие полосы, оставляя дальние без всякого удобрения. В силу этого хлеб на одних полосах хороший, а на других похуже»³⁰.

Крестьянские хозяйства чаще всего ограничивались выращиванием зерна, другие отрасли сельского хозяйства практически не имели развития. Редкие домохозяева занимались растениеводством. Так, например, на огородах в татарских деревнях в середине XIX в. можно было встретить топинамбур: «Дикую беренга едят в каждом доме весной»³¹. Но большого развития огородничество не имело: «Капусту садят, но мало – не родится, покупают. Картофель плохо родится: не мягкая земля. Огурцы, – и звания их нет: вовсе не садят: мороз берет. Редьку не садят, морковь тоже. Лук сеют, и тот не очень родится»³². Не получило большого развития среди крестьян и выращивание плодовых деревьев. Сады встречались, прежде всего, в волостях, лежащих близ Камы, – Астраханской, Сараловской, Чирповской, Масловской, Анатышской, Бетьковской, Урахчинской³³. В числе крупных садовладельцев в Лаишевском

²⁹ Ст. Девятово, Лаишев. уезда. Открытие сел.-хоз. общества // Камско-Волжская речь. – 1912. – №283 (21 дек.); Рождество (Лаиш. уезда). Открытие сельскохозяйственного общества // Камско-Волжская речь. – 1912. – №289 (30 дек.).

³⁰ Тюлячи (Лаишевского уезда). Вести с полей // Камско-Волжская речь. – 1913. – №129 (24 июня).

³¹ Путевые заметки Н.А. Толмачева о жизни и быте крестьян Казанской губернии в середине XIX в.: сб-к док-тов и мат-лов/ сост., автор предисл., примеч. научно-справочного аппарата Х.З. Багаутдинова. – Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. – С. 106.

³² Там же. – С. 94.

³³ Плодоводство Казанской губернии. – Казань: Типо-лит. И.Н. Харитонов, 1911. – С. 124.

уезде были, главным образом, богатые семьи. Например, в имении купцов Молотковых в д. Сорочьи Горы площадь сада составляла 15 десятин, у дворян Набоковых в с. Тангачи – 10, у Деларю в д. Макаровка – 7,5³⁴. Еще К.Ф. Фукс, посетивший в 1839 г. поместье господ Деларю, писал: «Прогуливаясь в обширном саду, я восхищался множеством яблонь, обремененных плодами. Деревья сии растут, как кустарники, несмотря на то – очень плодovиты. Некоторые породы яблoк таковы, что я не предполагал найти в Казанской губернии; доказательство, что искусство и труд преодолевают препятствия климата»³⁵. Экзотические фрукты росли в оранжерее другого лаишевского помещика полковника Толстого в с. Мурзиха – «персики необыкновенной величины, дыни и арбузы»³⁶. Но плодovодство носило любительский характер, выращивали, в основном, для себя. В то же время, по мнению специалистов, данная отрасль могла приносить большую прибыль³⁷. Например, садоводы Свяжского уезда смогли наладить товарное производство, и выручка отдельных крестьян составляла 600–700 рублей в год³⁸. К этому времени отечественные ученые-селекционеры значительно продвинулись вперед и существовала возможность расширения ассортимента культур за счет закупки и посадки саженцев морозоустойчивых растений. В 1911 г. было организовано Лаишевское общество любителей садоводства и огородничества, которое имело целью «содействовать соединенными силами своих членов развитию и усовершенствованию садового и огородного хозяйств и

³⁴ Куницын Б. «А Буртасское село – все садовник наголо» // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 2012. – №1/2. – С. 238.

³⁵ Карл Фукс о Казани, Казанском крае: труды, документы, воспоминания, исследования: [науч.-биогр. сб-к] / Сост. М.А. Усманов, А.В. Гарзавина, И.А. Новицкая. – Казань: Жиен, 2005. – С. 129.

³⁶ Там же. – С. 131.

³⁷ Новиков М.А. К вопросу о судьбе помещичьих садов, переходящих в руки крестьян // Прогрессивное садоводство и огородничество. – 1909. – №46 [Электронный ресурс] URL: <http://kajuta.net/node/3043> (дата обращения: 26.10.2022).

³⁸ Куницын Б. «А Буртасское село – все садовник наголо» // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 2012. – №1/2. – С. 238.

сбыту продуктов, как в городе, так и в уезде»³⁹. В том же году для начинающих садоводов земство открыло питомник при Масловском училище⁴⁰. А при Лаишевской сельскохозяйственно-ремесленной школе открыт птичник.

Большинство крестьян не имело финансовой возможности обновлять устаревший сельскохозяйственный инвентарь и уж тем более закупать современные инструменты. Земство занялось вопросом технической оснащённости путем организации специальных складов, где хранились все необходимые земледельческие орудия, начиная от сеялок, веялок, заканчивая механизированным оборудованием. В Лаишевском уезде склады с прокатными станциями были открыты в Казылях, Пановке, Рыбной Слободе. Парк постоянно обновлялся. Так, на покупку новых орудий в 1901 г. земством был взят кредит в размере 5000 рублей⁴¹. Однако крестьяне неохотно арендовали инвентарь ввиду довольно обременительных условий для домохозяев, поэтому с 1912 г. выдача стала осуществляться на льготной основе. Такая политика имела некоторый успех. Так, по сообщению корреспондента из Лаишевского уезда в 1908 г., «крестьяне стремятся заменить плуги Воткинского казенного завода плугами Эккерта, как более производительными и устойчивыми; надо полагать, что в ближайшем будущем плуги Эккерта вытеснят все остальные»⁴².

С целью популяризации новых методов хозяйствования земства стали проводить уездные и волостные выставки. Здесь собирались предприниматели, специалисты, фермеры и просто желающие поделиться достижениями или перенять передовой опыт в области сельского хозяйства. Участники заключали сделки, покупали и продавали экспонаты. Благодаря выставочному делу выявлялись каче-

³⁹ Устав Лаишевского общества любителей садоводства и огородничества. – Казань: [б. и.], 1911. – С. 1.

⁴⁰ Плодоводство Казанской губернии. – Казань: Типо-лит. И.Н. Харитоновна, 1911. – С. 152.

⁴¹ Постановления XXXVII очередного с 24 по 29 сентября и экстренного Лаишевского уездного земского собрания 29 декабря 1901 г. – Казань: Тип. П.И. Кидалинского, 1901. – С. 34, 35.

⁴² Ежегодник Главного управления землеустройства и земледелия по Департаменту земледелия и Лесному департаменту [Текст] / Г. У. З. и З. Департамент земледелия. – СПб.: Тип. В.Ф. Киршбаума, 1910. – С. 715.

ственные породы животных, сорта растений и пр., а премии побуждали фермеров экспериментировать. Так, в одном из домохозяйств в д. Надеждино был выведен путем скрещивания бык полуголландской породы, и владельцы решили сохранить его потомство. Правда, в неурожайный год почти всех бычков пришлось распродать или зарезать на мясо. На Казыльской выставке 1912 г. были отмечены телята из хозяйства Черемышевской волости. Мероприятие было довольно затратным. Только в течение 1912 г. в Лаишевском уезде были проведены две выставки скота и одна конская выставка, что обошлось земской казне в 400 рублей. Развитие племенного скотоводства замедлялось отсутствием качественных особей. «Крестьянский скот мелок и плох, а поблизости нет ни одного случного пункта. При таких условиях трудно ожидать, что улучшение скота у крестьян подвинется вперед»⁴³.

В начале XX в. увеличивается количество конных заводов. Если в 1895 г. их насчитывалось 5, то в 1916 – уже 10. Так, крупный губернский чиновник и земский деятель П.М. Останков владел совместно с братьями в Лаишевском уезде 2200 десятинами земли. Основу экономики составлял конезавод: 30 маток и 3 жеребца, 20 голов молодняка, 20 рабочих лошадей. Также в хозяйстве держали 10 голов рогатого скота, 25 овец, 33 ягненка, 22 свиньи, 80 поросят. Был образован целый штат служащих: в подчинении управляющего находились двое старост, 3 пастуха, 1 скотница, караульный и другие работники. Валовой доход с поместья составлял 15 тысяч, но с учетом всех затрат чистая прибыль не превышала 10 тысяч рублей. Несмотря на то, что в поместье почетного мирового судьи П.М. Останкова свыше 900 десятин земли занимала пашня, управляющий распорядился сдавать мельницу за 600 рублей в год, хотя можно было перерабатывать зерно в муку. А почти половина всей пашни отдана в исполу крестьянам. Возможно, что Останков не хотел расплытаться по разным направлениям и сосредоточился на животноводстве, тем более что разведение лошадей считалось в дворянской среде престижной деятельностью.

Но интерес к породистым лошадям проявляли не только дворяне. В 1903 г. на конной выставке в Казани первое и второе места

⁴³ Шармаши (Лаишевского уез.). Крестьяне и агрономия // Камско-Волжская речь. – 1913. – №90 (25 апр.)

заняли кобылы крестьян Лаишевского уезда Карпа Константинова и Егора Савинова.

Но процесс улучшения хозяйства не был простым и требовал больших энергетических, финансовых и временных затрат, поэтому носил экспериментальный характер. Мелкие собственники по-прежнему зависели от погодных условий, часто в деревне ранние заморозки, засуха и прочие природные аномалии приводили к гибели всего урожая. «Жать нечего, а сердце не терпит, ездит в поле, по клочку собираешь, – говорили крестьяне врачу Толмачеву, посетившему Лаишевский уезд в 1850 г. Но за 60 лет мало что изменилось, голодающие земледельцы шли на пашню, не дожидаясь всходов: «Поставленные нуждою в безвыходное положение, крестьяне приступили (человек 5–6) к жнитву, – жнут рожь, еще не созревшую, как следует, и сушат ее, чтобы потом как-нибудь приготовить себе «новый хлеб»⁴⁴. В таких условиях земледельцы не надеялись на свои силы и продолжали уповать на помощь «высших сил»: «...может быть, весной Господь даст рост для озимей».

Поэтому земству приходилось оказывать прямую помощь крестьянам, хотя эти меры и способствовали развитию у них иждивенческих настроений, но в экстренном положении по-другому было нельзя. Население получало продовольственные ссуды, питалось в бесплатных столовых. Также систематически стали устраивать общественные работы за определённую плату. Так, земство привлекло крестьян к устройству дорог в Бетьках в неурожайный 1914 г., в связи с чем в прессе сообщалось: «Работы эти оказали, конечно, помощь голодающему населению»⁴⁵.

В неурожайные годы продовольственная помощь поступала не только от земства, но и от местных священников. Причём последние оказывали помощь адресно – пожилым, детям и инвалидам, которые не могли прокормить себя сами.

На примере Лаишевского уезда мы видим, как неровно проходила модернизация сельского хозяйства. Новации внедрялись, в основном, в помещичьих владениях. Но и среди крупных землевладельцев новые методы применялись единицами. Кто-то не хотел

⁴⁴ Тетеево (Лаишевского уезда). Итоги года // Камско-Волжская речь. – 1912. – №145 (1 июля).

⁴⁵ Бетьки (Лаишевского у.). Общественные работы // Камско-Волжская речь. – 1912. – №131 (13 июня).

вникать в тонкости хозяйствования и оставлял все, как есть, другие приобретали новую технику, но практически не использовали ее. В новых условиях без рационального ведения хозяйства добиться прибыли было трудно, поэтому многие поместья закладывались.

Крестьяне были еще более ограничены в возможностях применения передовых аграрных приемов. Бедность, отсутствие серьезного образования, менталитет, тяготеющий к традиционности, – все эти факторы блокировали проникновение новое в экономическую жизнь этого класса. Земство пыталось преодолеть эту косность, но сталкивалось с множеством трудностей. Тем не менее изменения происходили. Наиболее предприимчивые дворяне и крестьяне внедряли новации, и их соседи видели, что новые методы не просто игрушки, а действительно работают.

§ 3. Промышленность

Лаишевские помещики находились в числе крупных фабрикантов, сбывавших свою продукцию не только в пределах губернии, но и направлявших изделия в другие регионы страны, в том числе выполнявших казенные заказы. В первой половине XIX в. широкое распространение имели вотчинные предприятия, основанные на крепостном труде, однако они не могли конкурировать с фабриками, использовавшими вольнонаемный труд, и постепенно разорялись. А некоторые были закрыты еще до отмены крепостного права. К числу таких предприятий относилась суконная фабрика действительного советника Александра Игнатьевича Сахарова, на ней трудились 550 крепостных, из них 216 прядильщиц и 60 прядильщиков, 76 ткачей, 4 валяльщика, 2 красильных мастера и других специалистов. Крепостные рабочие не получали платы, только хлебные пайки. Кроме местного сырья, шерсть для производства приобреталась по всей Казанской и в соседних губерниях. Сукно изготавливалось из шерсти силезских мериносов. Однако содержание овец было трудоемким и через несколько поколений животные перерождались в обыкновенную русскую по-

роду. В 1828 г. работа фабрики была приостановлена⁴⁶, но в 1831 г., уже при наследниках Александра Игнатьевича ее деятельность была возобновлена. Перед отменой крепостного права она производила сукна на 45 тысяч рублей в год⁴⁷. После крестьянской реформы 1861 г. фабрика была окончательно закрыта. Также в Алексеевском располагались и другие заводы Сахарова – полотняный, канатный, свечной и мыловаренный⁴⁸.

Суконное предприятие другого заводопромышленника отставного подполковника Л.Л. Толстого находилось в с. Мурзиха. В начале XIX в. в казну поставляли более 100 тысяч аршин темно-зеленого и серого солдатского сукна⁴⁹. Для выпуска ткани использовалась шерсть русских овец, закупаемая в Казанской губернии. Кроме того, дворянин держал 500 силезских меринсов, но уже для продажи в соседнюю Симбирскую губернию на фабрику генерал-майора Ивашева⁵⁰.

Во второй половине XIX в. промышленность как России в целом, так и Казанской губернии в частности, находилась на подъеме. Наряду с крупными заводами существовало множество мелких промышленных заведений. Критерии различия фабричной промышленности и ремесленного производства были размыты, но, в целом, к первым относили предприятия с наемными рабочими и

⁴⁶ Карл Фукс о Казани, Казанском крае: труды, документы, воспоминания, исследования: [науч.-биограф. сб-к] / Сост. М.А. Усманов, А.В. Гарзавина, И.А. Новицкая. – Казань: Жиен, 2005. – С. 116, 119.

⁴⁷ Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. – Т. 8: Казанская губерния / Сост. М. Лаптев. – СПб.: Воен. тип., 1861. – С. 352.

⁴⁸ Файзрахманов И.З. Развитие мануфактурной промышленности Казанского края во второй половине XVIII в. – Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2013. – С. 153.

⁴⁹ Долгов Е.Б. «...Оное же село Алексеевское, что за Камою, строится вновь» // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 2001. – № 1/2. – С. 187–190.

⁵⁰ Карл Фукс о Казани, Казанском крае: труды, документы, воспоминания, исследования: [науч.-биограф. сб-к] / Сост. М.А. Усманов, А.В. Гарзавина, И.А. Новицкая. – Казань: Жиен, 2005. – С. 119.

объемом производства более 1000 рублей в год⁵¹. Такие небольшие заведения было сравнительно легко открыть, но и разорялись они довольно часто, поэтому количество подвергалось значительным изменениям.

В Лаишевском уезде, как и в большинстве других уездов Казанской губернии, большинство фабрик было сосредоточено в деревнях, а не в городе. Если в 1860 г. в Лаишеве насчитывалось 7 промышленных заведений, а в уезде – 11⁵², то к 1891 г. в уездном центре не было ни одного завода, а в сельской местности их количество снизилось до 5⁵³. В 1915 г. это соотношение составляло 4 к 27⁵⁴. Городские заводы были нацелены на удовлетворение только местных потребностей и изготавливали масло, кирпич, солод. Сельские же сбывали свою продукцию в Казань и другие губернии.

Наиболее крупными предприятиями являлись винокуренные заводы. Их владельцами традиционно являлись местные землевладельцы. Это связано с указом 19 июня 1754 г. согласно которому винокурение становилось монополией дворянства⁵⁵. В 1863 г. закон был отменен, однако в Лаишевском уезде эта отрасль продолжала оставаться в руках дворян и в последующие годы. Эти заводы располагались в селах Корноухово, Кадряково и Шумбут. В 1884 г. Шумбутский завод № 5, которым владел Я.И. Лихачев, производил 2 994 000 градусов спирта при 40 рабочих, а Александровский завод № 3 А. Макашина в Корноухово – 5 337 000 градусов, имея 39 рабочих⁵⁶. К Первой мировой войне завод в Корноухово снизил выпуск до 4 млн. градусов, хотя и располагал 1 паровым и 1 нефтяным двигателями общей мощностью 21 лошадиная сила.

⁵¹ Белов С.Г. Основные тенденции развития фабрично-заводской промышленности Казанской губернии в пореформенный период // Вестник Томского государственного университета. – 2014. – № 389. – С. 134.

⁵² Казанские губернские ведомости. – 1861. – № 26 (3 июля).

⁵³ Памятная книжка Казанской губернии за 1891–1892 год / Сост. В. Люстрицкий. – Казань: Тип. Губ. правл., 1892. – С. 63–64.

⁵⁴ Адрес-календарь и справочная книжка Казанской губернии на 1915 год. – Казань: Тип. Губ. правл., 1914. – С. 750–751.

⁵⁵ Ермаков В.В. Торгово-промышленное предпринимательство в Прикамье в XVIII – начале XX вв. – Казань: Казан. ун-т, 2011. – С. 221.

⁵⁶ Указатель фабрик и заводов Европейской России и царства Польского. Издание второе / Сост. П.А. Орлов. – СПб.: Тип. Р. Голини, 1887. – С. 512.

Шумбутский же завод нарастил производство продукции до 3,4 млн. градусов с одним паровым двигателем в 20 лошадиных сил. Количество рабочих на заводах практически не изменилось и составляло 44 и 40 человек соответственно. Кроме того, в 1907 г в с. Юнусово появился винокуренный завод, принадлежавший княгине Е.П. Крапоткиной. Однако он отставал от обоих вышеназванных предприятий и производил 1,61 млн. градусов с помощью парового двигателя в 16 лошадиных сил. Впрочем, учитывая, что на нем работало всего 8 рабочих, можно сказать, что это весьма неплохие показатели⁵⁷.

Винокурение существенно опережало по денежным оборотам другие виды производства в Лаишевском уезде. В 1866 г. существовало 6 поташных заводов: в деревнях Метески⁵⁸, Средние Девлизеры, Балыклы, Янасалы и с. Урахча. В отличие от винокуренных предприятий, в основном ими владели купцы, мещане и крестьяне. На них работало 35 рабочих и 7 мастеров – больше, чем на существовавших в то время четырех винокуренных заводах. Однако продукции они производили на сумму 15990 рублей, в то время как винокуренные заводы – на 98225 рублей⁵⁹.

Также были распространены мельницы. В 1863 г. имелось только 2 мукомольные мельницы⁶⁰, затем на некоторое время их вообще не имелось в списках промышленных заведений, но уже в 1914 они составляют большинство обрабатывающих предприятий⁶¹.

Промышленные предприятия уезда и города были сосредоточены на переработке растительной продукции. В 1915 г. все 27 заводов уезда были сосредоточены именно в этой отрасли и лишь

⁵⁷ Фабрично-заводские предприятия Российской империи (исключая Финляндию). Изд. второе. Петроград: Электро-тип. Н.Я. Стойковой, 1914. – № 4286 (д), № 4300 (д), № 4301 (д). 969 с.

⁵⁸ Совр. с. Большие Метески Тюлячинского района РТ.

⁵⁹ Памятная книга Казанской губернии на 1866/1867 г. – Казань: Губ. тип., [б. г.] – С. 176.

⁶⁰ Памятная книга Казанской губернии на 1863 г. – Казань: Губ. тип., 1862. – С. 196.

⁶¹ Фабрично-заводские предприятия Российской империи (исключая Финляндию). – Изд. второе. Петроград: Электро-тип. Н.Я. Стойковой, 1914. – № 590 (д), № 700 (д), № 716 (д), № 731 (д), № 732 (д).

одна фабрика в Лаишеве⁶². Очевидно, это было связано с преобладанием в экономике Лаишевского уезда именно растениеводства.

§ 4. Торговля

Караванная ярмарка являлась самым ярким событием в экономической жизни Лаишева. Она была связана с возникновением на Урале промышленности и необходимости доставлять железо по рекам в другие области России. Лаишев служил перевалочным пунктом, где железо частично продавалось, другая же часть сплавлялась далее – в Нижний Новгород либо на юг. Местная пристань служила удобной стоянкой для караванов судов, которые приходили сюда, так и возникло название ярмарки. Она проходила с середины мая до середины июня, и в это время город наполнялся купцами, экипажами судов, грузчиками и пр. Еще в конце XVIII в., возвращаясь из ссылки, А.Н. Радищев описывал Караванную ярмарку: «Стечение народа превеликое, как приехавшие с каравана, так и приходящие наниматься»⁶³. Сами сделки заключались в домах торговцев или покупателей, но для рабочих с барок на базарной площади устраивались обжорные ряды.

С середины XIX в. ярмарка начинает работать с перебоями. В 1851 г. было привезено чуть более 700 тысяч пудов железа, стали и чугуна, а в более ранние годы эта цифра доходила до 2 млн. пудов⁶⁴. В 1860-е гг. в памятных книгах Казанской губернии Караванная ярмарка зачастую вообще не упоминается, видимо, корабли с железом проходили мимо Лаишева и шли сразу в Волгу. Возможно, это связано с развитием пароходства – ранее в Лаишеве железо перегружалось в мелкие суда для дальнейшего следования,

⁶² Адрес-календарь и справочная книжка Казанской губернии на 1915 г. – Казань: Тип. Губ. правл., 1914. – С. 750–751.

⁶³ Знаменитые люди о Казани и Казанском крае / Сост. Гарзавина А.В., Новицкая И.А. – Казань: Жиен, 2005. – С. 76.

⁶⁴ Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. – Т. 8: Казанская губерния/ Сост. М. Лаптев. – СПб.: Воен. тип., 1861. – С. 450.

а с внедрением паровых двигателей в устье Камы их стали брать на буксир пароходы.

Однако в 70-х гг. XIX в. поток караванов возобновляется. В 1875 г. привоз достигал 5 млн. пудов, барок было так много, что места у пристани не хватало, и суда вставали напротив набережной⁶⁵. Увеличивается и количество продаваемого товара в Лаишеве. Например, в 1877 г. было привезено металла на 5,3 млн. рублей, а продано на 811 тысяч рублей (15,1%)⁶⁶, а в 1889 г. при общей стоимости железа в 4,5 млн. рублей продажи в Лаишеве составили 1,8 млн. рублей (40 %)⁶⁷. Но в конце века обороты ярмарки падают, и еще до 1917 г. она перестает существовать. Кроме развития пароводства, на этот процесс оказывали влияние и другие факторы. Так, в 1870-е гг. через с. Левшино⁶⁸ на Каме прошла Уральская горнозаводская железная дорога, и оптовая торговля уральским железом стала вестись там, что снизило обороты лаишевской ярмарки. Также торговцев не устраивали и большие пошлины, бравшиеся с каждого из судов как с торгового помещения. От этого особенно страдали владельцы небольших судов⁶⁹.

Между тем ярмарка в годы расцвета приносила немалую прибыль местным жителям. Поскольку часть барок после Лаишева буксировалась пароходами, то все становившиеся ненужными деревянные части – весла, полы и потолки и т.д., – продавались весьма дешево. В итоге после караванов многие крестьяне могли позволить себе новые ворота, крыши и даже целые избы. Также обогащались жители, имевшие дома на набережной, где останавливались хозяева караванов, и цена съема «может по своей дороговизне сравниться только с прекрасно меблированными комнатами в Казани, хоть например на Воскресенской улице»⁷⁰. Также за счет пошлин доход шел и в город-

⁶⁵ Казанские губернские ведомости. – 1875. – № 49 (25 июня).

⁶⁶ Ермаков В.В. Торгово-промышленное предпринимательство в Прикамье в XVIII – начале XX вв. – Казань: Казан. ун-т, 2011. – С. 60.

⁶⁷ Памятная книжка Казанской губернии за 1889–1890 год. – В 2 ч. – Ч. II. – Казань: Тип. Губ. правл., 1890. – С. 46.

⁶⁸ Бывший рабочий поселок в Пермском крае, затопленный в 1954 г.

⁶⁹ Ермаков В.В. Торгово-промышленное предпринимательство в Прикамье в XVIII – начале XX вв. – Казань: Казан. ун-т, 2011. – С. 62.

⁷⁰ Казимиров Н. Караванная ярмарка в Лаишеве // Казанские губернские ведомости. – 1875. – № 49 (25 июня).

скую казну. Например, в 1874 г. за стоянку только одного каравана Товарищества Алапаевских горных заводов в лаишевскую городскую управу было уплачено 100 рублей, а в 1875 г. – 120 рублей⁷¹.

Если на Караванной ярмарке велась, в основном, оптовая торговля, и участниками были зажиточные купцы, то на сельских ярмарках закупались более широкие слои населения. В 1866 г. существовали следующие ярмарки:

Место проведения	Название	Время проведения	Привезено товара (в рублях)	Продано товара (в рублях)
С. Астраханка	Казанская	22–25 октября	3500	905
С. Покровское (Тюлячи)	Покровская	1–8 октября	4600	1250
С. Покровское (Тюлячи)	Богоявленская	6–13 января	2500	600
С. Рыбная Слобода	Покровская	1–8 октября	2000	755
С. Емельяновка	Никольская	6–8 декабря	900	400
С. Емельяновка	Петровская	29 июня–1 июля	400	120

Источник: Памятная книга Казанской губернии на 1866/1867 г. – Казань: Губ. тип., [б. и., б. г.] – с. 170–171.

На этих ярмарках основным предметом торговли служили сало, кожи, шкуры, хлеб, ремесленные товары. Из других губерний привозили чай, сахар, галантерею.

Со временем некоторые из этих ярмарок увеличивали обороты. Например, в Тюлячах к 1889 г. объем привозимого товара на Покровскую ярмарку вырос до 15114 рублей, а продажи – до 3889 рублей. По Богоявленской ярмарке аналогичные показатели составили 25856 рублей и 8116 рублей соответственно. Также появились новые ярмарки в Шонгутах, имевшие еще большие оборо-

⁷¹ РГИА. Ф. 51. Оп. 1. Д. 344. Л. 13.

ты: Шонгутская, проводившаяся с 28 мая по 1 июня, где было продано продукции на сумму 26035 рублей при привозе в 71854 рублей, а также Сергиевская, шедшая с 19 по 23 сентября. На ней реализовано товара на 34680 рублей, а привезено – на 88825 рублей⁷². Однако ярмарки в Емельяновке, Астраханке и Рыбной Слободе в этом году уже не проводились. К 1917 г. остались обе ярмарки в Шонгутах, Покровская в Тюлячах, а также возникли однодневная Троицкая ярмарка в Зюзино и Петропавловская в Рыбной Слободе, проходившая с 28 по 30 июня. В Шонгутах оборот к этому времени не превышал 25 тысяч рублей, а на Покровской ярмарке, хотя и вырос до 20 тысяч рублей, но уступал исчезнувшей Богоявленской. На вновь возникших ярмарках товаров продавалось не более чем на 5500 рублей⁷³.

Если ярмарки проводились раз в год и скорее были праздниками для народа, то насущные потребности селян удовлетворялись на базарах, проводившихся каждую неделю. В Лаишевском уезде практически в любой день недели в том или ином селении устраивался базар. В воскресенье базарный день был в Лаишеве, в понедельник – в Рыбной Слободе, в четверг – в Тюлячах, в пятницу – в Алексеевском и Кадряково, в субботу – в Астраханке и Шумково⁷⁴. Как мы видим, места проведения базаров во многом совпадали с пунктами, где устраивались ярмарки. Очевидно, это были торговые центры уезда.

Практически во всех пунктах одним из важнейших предметов торговли являлся хлеб. Крестьяне окрестных деревень привозили его сразу после уборки полей, где его брали либо отдельные жители, либо небольшими партиями скупали купеческие приказчики для перепродажи. Также важным предметом сбыта являлись шкуры и кожи. Рыбная слобода и Тюлячи кроме этого специализировались на про-

⁷² Памятная книжка Казанской губернии за 1889–1890 г. – В 2 ч. – Ч. II. – Казань: Тип. Губ. правл., 1890. – С. 47.

⁷³ Адрес-календарь и справочная книжка Казанской губернии на 1916 г. – Казань: Тип. Губ. правл., 1916. – С. 807–808.

⁷⁴ Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. – Т. 8: Казанская губерния / Сост. М. Лаптев. – СПб.: Воен. тип., 1861. – С. 418–419.

даже лошадей. Из остальных товаров имелась посуда, ткани (красный товар). На базаре в Лаишеве можно было купить чай и сахар.

Летом в Мурзиху приплывало много строевого леса, который продавался на месте окрестным жителям. Помещики Толстые за право пристани пользовались десятым бревном⁷⁵.

Наконец, существовала и постоянная стационарная торговля в Лаишеве. Мещане, купцы и крестьяне организовывали торговлю в лавках и магазинах. Если в начале XIX в. город занимал одно из первых мест в губернии по количеству лавок – 77, то затем их количество снижается. В 1835 г. их уже 31, к 1841 г. происходит рост до 59 лавок, но в 1860 г. их только 39⁷⁶. К 60-м гг. распределение лавок по видам товаров было следующим:

Вид лавок	Количество
Красного товара	7
Железных	3
Фруктовых	5
Мелочных	7
Съестных припасов	15

Источник: Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. – Т. 8: Казанская губерния / Сост. М. Лаптев. – СПб.: Военн. тип., 1861. – С. 428.

Хотя по численности преобладали лавки со съестными припасами, но по торговым оборотам первое место занимала торговля красным товаром, его продавалось на сумму до 20 тысяч рублей⁷⁷.

⁷⁵ Мельников С.Е. От Чистополя до села Богородского Тетюшского уезда // Казанские губернские ведомости. – 1862. – №85.

⁷⁶ Андреева Н.Б. Губернский и уездные города Казанской губернии в 1781–1860 гг.: проблемы политической и социально-экономической истории города в полиэтничном регионе // Вестник Чувашского университета. – 2006. – № 4. – С. 23.

⁷⁷ Экономическое состояние городских поселений Европейской России в 1861–1862 гг. – Ч. 1. – СПб.: Тип. К. Вульфа, 1863. – С. 15.

В деревнях, где не имелось ни базаров, ни лавок, обычно было несколько предприимчивых жителей, которые скупали необходимые товары в более крупных населенных пунктах и перепродавали их своим односельчанам.

На начало Великих реформ купеческое сословие Лаишева было немногочисленным. В 1862 г. имелось только 24 купца 3 гильдии. Из них 3 производили торговлю в самом Лаишеве, а остальные вели деятельность в уезде или других городах⁷⁸. Но к 1894 г. насчитывалось уже 80 купцов, большинство из них относилось ко 2 гильдии (3 гильдия к тому времени была упразднена). При этом их торговые обороты достигали 1,5 млн. рублей⁷⁹. В 1914 г. среди населения Лаишева имелось только 15 лиц купеческого сословия. Такое падение их количества может быть связано как с разложением сословной системы – к этому времени для торговли не обязательно было брать купеческое свидетельство, так и с уменьшением экономического значения Лаишева – исчезновение Караванной ярмарки вполне могло привести и к спаду торговли в целом.

§ 5. Домашние промыслы

Основным занятием сельского жителя Лаишевского уезда являлось земледелие, однако оно не носило круглогодичный характер, и с окончанием горячей поры крестьянин обращался к домашним – кустарным промыслам. Крестьянское хозяйство традиционно носило натуральный характер: делали глиняную посуду, простейшие орудия труда, плели лапти, шили одежду. Наиболее умелые мастера обеспечивали не только себя, но и выполняли заказы односельчан или же продавали излишки на базаре.

Географическое положение на границе лесной полосы хвойных и лиственных пород, а также близость водных путей сообщения, необходимых для сбыта продукции, определило большое распространение мастеров и кустарей, занятых обработкой дерева, – от изготовления предметов домашней утвари до производства транс-

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Ермаков В.В. Торгово-промышленное предпринимательство в Прикамье в XVIII – начале XX вв. – Казань: Казан. ун-т, 2011. – С. 121.

портных средств. В то же время основная часть лесного фонда была сосредоточена в западных районах губернии. А в Лаишевском уезде площадь лесов к началу XX в. составляла только 17%. Это позволяло удовлетворять местные нужды в изделиях из дерева, но препятствовало широкому развитию товарного производства.

Ориентация только на собственные нужды отметала необходимость усовершенствовать приемы, расширять ассортимент, производитель делал ставку на практичность, легкость изготовления и дешевизну продукции. Например, в Лаишевском уезде изготавливали три разновидности телег – русского типа с пологими стенками и мелким ящиком и татарского – с более крутыми стенками и глубоким ящиком. А для перевозки громоздких грузов предназначались так называемые колымаги, которые, в частности, пользовались широким спросом у жителей с. Алексеевское⁸⁰. Тележки брались также за зимние экипажи – это грузовые дровни и розвальни и комфортные сани, обшитые по бокам мочальной циновкой или рогожей. В д. Козловке⁸¹ Пановской волости один мастер изготавливал беговые сани. Еще 28 человек в деревнях Кугарчино и Ямашево Урахчинской волости выпускали детские сазанки⁸². По данным переписи 1897 г., обработкой дерева занимались 250 мужчин и 3 женщины⁸³.

Многие промыслы носили семейный характер. В Лаишевском уезде выделялись тележки Гавриловы из д. Урывкино Пановской волости – изделия старика Моисея и его сыновей Ильи и Алексея были известны за 40–50 верст. Некоторые семьи промыслили более двух поколений, – например, санники из с. Русский Ошняк вели дело от своих дедов, заложивших основы данного промысла в своей деревне⁸⁴. А жители д. Алан-Полян стали первы-

⁸⁰ Кустарные промыслы Казанской губернии / Вып. 1. – Казань: Типо-лит. В. Косолапова, 1901. – С. 3.

⁸¹ Исчезнувший пос. Козловка Пестречинского района РТ.

⁸² Там же. – С. 31.

⁸³ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / Под ред. Н.А. Тройницкого. XIV. – Казанская губерния. – СПб.: Изд-е Центр. стат. комитета МВД, 1904. – С. 178–179.

⁸⁴ Кустарные промыслы Казанской губернии / Вып. 1. – Казань: Типо-лит. В. Косолапова, 1901. – С. 8.

ми производителями ободьев в округе, овладев промыслом в соседнем Казанском уезде в последней трети XIX в.

Особого помещения для кустарей не было: летом трудились под навесом прямо во дворе или на открытом воздухе, зимой перебирались в жилую избу или специальный пристрой. Когда требовалось нарастить производство, нанимали работников или же некоторые детали приобретали у других умельцев – кузнецов, плотников и пр. Например, санникам Анатъшской волости принадлежали парники, куда приглашали особых мастеров-полозников. В большинстве случаев парниками владели на паях. Так, в д. Алан-Полян Шумбутской волости 75 ободников работали на 12 парниках. Для закупки различных деталей кустари нередко создавали артели, где каждый участник вносил небольшую часть в общий капитал⁸⁵.

В целом, экипажи пользовались устойчивым спросом – продукция реализовывалась в уезде, а сани, благодаря скупщикам, отправлялись за пределы губернии. Так, тележники свозили изделия на базары в селах Рыбная Слобода и Алексеевское и на городские рынки Казани и Чистополя⁸⁶. Усилиями скупщиков сани лаишевских мастеров вывозились в Вятскую губернию.

Лаишевские кустари занимались производством домашней посуды. Бондарный промысел существовал в с. Тюлячах с конца XVIII – начала XIX столетия. Однажды освоив данное мастерство, они передавали знания о промысле из поколения в поколение. Поскольку бондарное производство отличала простота приемов, не требовавших сложных орудий, то оно получило широкое распространение в домохозяйствах. Владельцы винокуренных заводов и крестьяне, занимавшиеся самогонварением в домашних условиях, закупали у местных мастеров крупногабаритные бочки для спирта, вина, пива.

Распространенным предметом кухонной утвари были кадушки для засола. В середине XIX в. их привозили на продажу в с. Алексеевское из-за Камы⁸⁷. Позднее жители Лаишевского уезда освои-

⁸⁵ Там же. – С. 17.

⁸⁶ Там же. – С. 5.

⁸⁷ Путевые заметки Н.А. Толмачева о жизни и быте крестьян Казанской губернии в середине XIX в.: сб-к док-тов и мат-лов/ Сост., автор предисл., примеч. научно-справочного аппарата Х.З. Багаутдинова. – Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. – С. 61.

ли производство деревянной посуды для квашения. Так, в с. Ачи в 1880-х гг. промыслом занимались все 21 наличных дворов, в с. Тюлячи – из 240 дворов половина была занята производством кадушек. Но вследствие сокращения площади дубовых насаждений и черемухи промысел стал приходить в упадок, а сами кустари все чаще уходили на заработки.

К предметам мелкой бондарной посуды относились ведра, ушаты, лохани, бочонки, чаны и т.д. Начало изготовления в Лаишевском уезде относится к началу XIX в.

Столяры д. Белкино Аркатовской волости освоили столярный промысел в середине XIX в. Первый мастер Н.Е. Блохин обучился у своего брата, служившего в Казани и трудившегося там в мастерских военного ведомства. А Николай, в свою очередь, обучил зятя и внука. Еще два столяра проживали в д. Урывкино – Иван Кирилов и Петр Широких. Кустари производили оконные рамы и простую крестьянскую мебель: гардеробы, комоды, сундуки. В основном, изделия выполнялись на заказ, но в с. Алексеевском изготавливали столы на продажу. Сырьем служил лес, привозимый из Спасского уезда⁸⁸. Местный спрос с лихвой удовлетворялся мебелью, привезенной на базары Лаишевского уезда. Так, жители с. Остолопово стулья покупают на судах. Свои же плотники уходили на месяц на заработки «до стужи, до зимы»⁸⁹. С ними уходили на заработки и 12 пильщиков «до студеного времени».

Кустарь из д. Павловки⁹⁰ Елпидифор Волков упростил технику изготовления веялок, благодаря чему рассчитывал увеличить производительность, пусть даже в ущерб качеству сельскохозяйственного орудия. За обработкой железных деталей столяры обращались к токарям. Однако данных специалистов в деревнях было крайне мало, потому что они все чаще уходили на заводы в город за постоянным заработком. Так, к началу XX в. в Лаишевском уезде было зафиксировано только 2 токаря в д. Урывкино.

Еще одним полезным продуктом местных кустарей были улья, производимые в Аркатовской, Анатышской и Шумбутской

⁸⁸ Там же. – С. 63.

⁸⁹ Там же. – С. 60.

⁹⁰ Исчезнувшая деревня Пестречинского района РТ.

волостях. Промысел не имел широкого распространения, ограничиваясь, главным образом, работой на заказ. Одним из немногочисленных кустарей был крестьянин А.Е. Гришин из с. Аркатово. Он изучил приемы изготовления ульев, работая на пчельнике местного дьякона. Ухаживая за пчелами, он заодно познакомился на практике с устройством рамочных ульев, и со временем стал изготавливать их дома самостоятельно. Заказчиками стали, главным образом, представители местной интеллигенции: духовенство, учителя, лица городских профессий. В д. Алан-Полян Шумбутской волости колодные ульи изготавливали новоиспеченные мастера И. Семенов, В. Ильин, З. Емельянов.

Также, по отзывам современников, хороший мед, за исключением липового изготавливался в д. Атабаево – «первые мастера на это татары»⁹¹.

Кроме изделий из дерева, кустары Лаишевского уезда выпускали продукцию из металлов и драгоценных металлов. В д. Верхние Ачи⁹² до 80 человек изготавливало татарские медные кувшины (калганы), а в с. Рыбная Слобода насчитывалось до 140 кустарей-серебряников. Работы рыбно-слободских ювелиров украшали головные уборы, одежду, а на рубеже веков стали изготавливаться пепельницы, ножи, щипцы для сахара и другие мелкие предметы домашнего обихода⁹³.

Одним из обыденных занятий сельских жителей был пошив одежды, прядение и вязание, изготовление обуви. Все женское население Алексеевской волости занималось прядением. Свою продукцию пряжи сбывали на Ирбитской, Нижегородской, Тюменской и Симбирской ярмарках, получая совокупную прибыль около 65 тысяч рублей в год⁹⁴. Некоторые рукодельницы вязали чулки, пояса⁹⁵, шали из шерсти тонкорунных овец⁹⁶.

⁹¹ Там же. – С. 32.

⁹² Исчезнувшая деревня Тюлячинского района РТ.

⁹³ Среднее и Нижнее Поволжье и Заволжье. – Репр. изд-е / Под ред. В.П. Семенова. – Ульяновск: Дом печати, 1998. – С. 249, 363.

⁹⁴ РГИА. Ф. 395. Оп. 1. Д. 648. Л. 1.

⁹⁵ Путевые заметки Н.А. Толмачева о жизни и быте крестьян Казанской губернии в середине XIX в.: сб-к док-тов и мат-лов / Сост., автор пре-

На заработки в Лаишевский уезд с ноября по март съезжались портные и овчинники из других районов страны: «Портные у них из Ярославской губернии. Всякий год приходят человек 5–6–7. Приходят около Покрова, окончивши дома работу, уходят всегда перед Святой Пасхой»⁹⁷. Портные шили мужскую и женскую верхнюю одежду: азямы, кафтаны, полушубки, шубы, тулупы. А вот обувь изготавливалась исключительно собственными умельцами: «Сапоги шьют здешние чеботари: 3 солдата и 2 крестьянина, в простое время, когда удосужатся». Либо приобретали на базарах в с. Алексеевское, Рыбная Слобода и в г. Чистополь. Всего в конце XIX в. в Лаишевском уезде пошивом одежды занимались 304 женщины и 142 мужчин⁹⁸.

Кружевничество имело исключительно местный характер и существовало лишь в нескольких селениях Лаишевского уезда (с. Рыбная Слобода и д. Полянка), в которых насчитывалось до 600 кружевниц⁹⁹. Однако известность рыбнослободских мастериц выходила далеко за пределы края. Их кружева доставлялись в Москву, Петербург и даже Америку. Популярность местных кружев объяснялась оригинальными узорами, которые не ткали в других ремесленных центрах России.

Во второй половине XIX – начале XX в. крестьянские дети получили возможность освоить различные виды кустарных промыслов в специализированных учебных заведениях или на практических занятиях в земской школе. В 1907 г. рукоделию обучались 417

дисл., примеч. научно-справочного аппарата Х.З. Багаутдинова. – Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. – С. 62.

⁹⁶ Сбоев В.А. Исследования об инородцах Казанской губернии. – Казань: Дубровин, 1856. – С. 35.

⁹⁷ Путевые заметки Н.А. Толмачева о жизни и быте крестьян Казанской губернии в середине XIX в.: сб-к док-тов и мат-лов / Сост., автор предисл., примеч. научно-справочного аппарата Х.З. Багаутдинова. – Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. – С. 61.

⁹⁸ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / Под ред. Н.А. Тройницкого. XIV. Казанская губерния. – СПб.: Изд-е Центр. стат. комитета МВД, 1904. – С. 178–179.

⁹⁹ Среднее и Нижнее Поволжье и Заволжье. – Репр. изд-е / Под ред. В.П. Семенова. – Ульяновск: Дом печати, 1998. – С. 252.

девочек в 22 училищах уезда. Кроме того, в начале XX в. в Лаишевском уезде функционировали Сердинское, Рыбно-Слободское, Некрасовское столярные училища, Нижне-Казыльское переплетное и Казыльское шорное. А некоторые помещики открывали профессиональные училища в своих имениях. Так, М.И. Мельников основал в с. Нижняя Серда ремесленную школу для крестьян¹⁰⁰.

Однако так было не всегда. В середине XIX в. количество ремесленников в Лаишеве было одним из наименьших среди уездных городов Казанской губернии. В основном, они занимались изготовлением одежды, обуви и хлеба¹⁰¹. Такое положение объяснялось условиями крепостной экономики. В Лаишевском уезде преобладали помещичьи имения, в которых имелись свои мастерские и труд городских ремесленников был мало востребован.

¹⁰⁰ Мельников Н.А. 19 лет на земской службе: (Автобиографический очерк и воспоминания) // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII – XX вв.: Альманах. – М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2008. – С. 418.

¹⁰¹ Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. – Т. 8: Казанская губерния / Сост. М. Лаптев. – СПб.: Воен. тип., 1861. – С. 349.

Глава 4. Становление здравоохранения

§ 1. Медицинский персонал

Учреждение земства в 1864 г. помогло создать систему медицинского обслуживания, доступного широким слоям населения. Ее основой стали земские больницы во главе с врачом. В дореформенный период численность докторов была ничтожна: в 1857 г. на всю Казанскую губернию приходилось всего 60 врачей, из них 32 в Казани, по одному в уездных городах, а в Царевококшайске и вовсе не было ни одного¹. Поэтому для излечения от болезней жители прибегали к помощи знахарок и лекарок.

В связи с этим перед земством встала задача расширения штата медицинских работников с целью максимального охвата всего уездного населения профессиональной врачебной помощью. Уезды были разделены на участки. В Лаишевском уезде в 1870-х гг. их насчитывалось три – с центрами в г. Лаишев, селах Казыли и Рыбная Слобода. А в 1890-е гг. число участков было увеличено до 5. В каждом из них находилась больница, кроме пятого участка, в котором до 1908 г. действовал лишь приемный покой.

Хотя количество больниц росло, но их продолжало не хватать, особенно для экстренной помощи. Так, когда крестьянину с. Мурзиха Ивану Курбатову раздавило ногу катком на общественных работах при строительстве дамбы на тракте Сергиевское Курнали² – Федоровка³, раненого отправили в Алексеевскую земскую больницу за 10 верст от места происшествия, а оттуда в Лаишев еще за

¹ Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. – Т. 8: Казанская губерния / Сост. М. Лаптев. – СПб.: Военн. тип., 1861. – С. 186.

² Исчезнувшее село Лаишевского уезда.

³ Исчезнувшее село Лаишевского уезда.

30 верст. «Возили горемыку долго и много, а пособить, видно, не могли». На пятый день он умер⁴. Не была оказана неотложная помощь другому крестьянину, пострадавшему на общественных работах в д. Бутлеровка: 56-летний Михаил Трифонов упал ничком на выпавший из его рук кол прямо лбом. Полумертвого рабочего отправили на лошадях в Алексеевскую больницу за 6–7 верст. В больнице он скончался через 10 минут, не приходя в сознание⁵.

Докторам приходилось работать в довольно тяжелых условиях. Больницы не могли принять всех нуждавшихся в помощи. Так, даже самое крупное лечебное учреждение, находившееся в Лаишеве, к 1880 г. насчитывало лишь 30 основных и 10 запасных коек. До 1868 г. медицинскому персоналу приходилось оказывать помощь в ходе разъездов по всему уезду. В саму Лаишевскую больницу люди попадали помимо своей воли, и, как правило, стационарным лечением даже жители города пользовались в ничтожном размере⁶. Однако в 1868 г. лаишевское земство отменило объезды по деревням, сохранив только больничную помощь, исключение составили выезды врачей во время эпидемий⁷.

Часто больницы не соответствовали санитарно-гигиеническим требованиям. Например, в ходе посещения губернатором Лаишевской больницы в конце 1860-х гг. было указано на отсутствие обустроенных ретирадных мест, однако для решения даже этой проблемы у земства долгое время не находилось средств. Долгое время одним из серьезных недостатков было отсутствие отдельных палат для заразно-больных и пациентов с другими заболеваниями. Например, врач Пановской больницы Москвин (1908 г.) писал, что в палату с лихорадочно больными приходилось помещать пациентов с глазными, кожными и другими болезнями, либо в виду отсутствия перевязочного кабинета приходилось обнажать зловонные раны в присутствии других больных. Ситуацию

⁴ Мурзиха (Лаишевского у.). Случай на общественных работах. Состояние хлебов // Камско-Волжская речь. – 1912. – 20 сентября.

⁵ Д. Бутлеровка (Лаишевского уезда). Смерть на общественных работах // Камско-Волжская речь. – 1912. – №46 (28 февр.).

⁶ Отчет Лаишевской уездной земской управы о состоянии уездного земского хозяйства в 1867/1868 г. – Казань: Губ. тип., [б.г.]. – С. 23.

⁷ Там же. – С. 20.

усугубляло отсутствие вентиляции в палатах, а также близость клозета, в результате царивший воздух оставлял желать лучшего.

А отсутствие поблизости источника водоснабжения ставило под вопрос возможность дальнейшего функционирования Пановской лечебницы: «Местная больница со дня своего основания испытывает постоянную нужду в воде. Вследствие просьб заведующего ею врача, губернской земской управой был, наконец в прошлом году, разработан ключ, расположенный недалеко от нее. Но через несколько месяцев пользования этим ключом вода из него совершенно иссякла, и больницу пришлось снабжать водой из родника, в котором вода оказалась недоброкачественной. С весны она обыкновенно загнивает и в ней появляются черви. В виду этого в уездной земской управе, к которой по этому поводу обратился за содействием больничным врач, возник вопрос даже о закрытии Пановской больницы, если губернская управа не пример мер к скорейшему устройству колодца для больницы»⁸.

В Казыльской больнице на нижнем этаже зимой бывал такой холод, что вода и масла замораживались в аптеке, а доктор и фельдшера принимали больных в осенних пальто и валенках; только после обивки стен в аптеке и приемной комнате толстыми кошмами – в них стало немножко теплее. Наверху, где помещались больные, ниже 13 градусов (по Реомюру, что равнялось примерно 16 градусам Цельсия) не было зимой, хотя для поддержания такой температуры приходилось топить печи два раза в день. Почти все печи дымили, хотя их и переделывали неоднократно. Также больница остро нуждалась в инструментах, поскольку старых не хватало, но обсуждение этой проблемы в земстве постоянно откладывалось (в частности, этот вопрос поднимал земский врач З участка Чернеевский). Только в 1905 г. были возведены три новых корпуса Казыльской больницы, произведен наружный ремонт в Пановской больнице и Рыбно-Слободской.

На время проведения ремонтных работ прием больных прекращался. Так, осенью 1914 г. жители окрестных деревень и самого г. Лаишева остались без врачебной помощи до окончания ремонта в земской больнице. В результате сильно распространились

⁸ Пановка (Лаишевского уезда). Больница без воды // Камско-Волжская речь. – 1913. – № 19.

кишечные заболевания, охватившие с. Ташкирмень, затем перекинувшиеся на соседние селения⁹.

Для обеспечения населения медикаментами существовала сеть земских аптек. Они действовали при больницах, где лекарства выдавались больным бесплатно. Препараты изготовлялись либо самими аптеками, либо покупались в частных заведениях. Так, в лаишевской аптеке В.Р. Бенинга медикаменты приобретались со скидкой 40%. При больнице с. Рыбная Слобода имелась своя аптека для приготовления лекарств и даровой раздачи, а также квартиры фельдшеров. При Казыльской больнице имелась аптека для приготовления лекарств собственно для больницы.

От уровня квалификации медицинского персонала напрямую зависел престиж земской медицины. Кадры укомплектовывали выпускники самых различных учебных заведений со всех уголков страны. Но не всегда служба в уездной больнице была добровольным выбором специалиста. В 1880-х гг. в Рыбно-Слободской больнице работал врач Роберт Понсе-де-Сандон. В Казанской губернии он оказался как участник Польского восстания, сосланный в 1863 г. в г. Царевококшайск. Местное земство пригласило его на освободившуюся должность врача городской больницы¹⁰, но уже через несколько месяцев вынуждено уволить, так как ссыльным запрещалось покидать город, и Понсе-де-Сандон не мог выезжать в селения уезда.

Вскоре ссыльным полякам было даровано право вернуться на родину, однако де-Сандон решил осесть в Казанской губернии и устраивается земским врачом в Лаишевский уезд. Во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. он был призван в армию и помогал раненым, а после ее окончания вернулся на службу в Лаишевский уезд¹¹.

⁹ Лаишевский уезд. Грандиозный пожар. Болезнь // Камско-Волжская речь. – 1914. – №158.

¹⁰ Пичугина В.В. Польская интеллигенция в общественно-политической жизни Поволжья и Приуралья, XIX в.: дисс. ... к.и.н. – Казань, 2000. – С. 141.

¹¹ См.: Акшиков А.Г. Земские врачи Марийского края: биографические очерки: (к 140-летию учреждения земств в Марийском крае). – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2006. – 104 с.

За продолжительную беспорочную службу он был награжден орденом Святой Анны III степени. Р.О. Понсе-де-Сандон не был женат и, вероятно, вел скромный образ жизни, что, по-видимому, позволило ему скопить некоторую денежную сумму и приобрести дачу с землей в Варшавской губернии.

Однако возраст давал о себе знать и с ухудшением здоровья Понсе-де-Сандону приходится уйти со службы. Вот как он сам описывает свои мысли по этому поводу: «Все это я пишу в виду улучшения в будущем медицинского дела в Рыбно-Слободском участке, дорогом мне по вложенным в него моим трудам – по тому положению, которое я создал себе между населением и по той привычке, которая складывается многими годами. Сам же я с сожалением оставляю земство по невозможности выполнить в точности предъявляемых мне службой требований. Устал за 22 года службы! Важнейшею же причиною моего выхода это ослабление зрения, мешающего мне в производстве операций, самой главной и важнейшею отрасли земской медицины. А потому единственная моя просьба и завет Лаишевскому Земству старая его служба и земского практика найти врача для Рыбно-Слободской больницы человека солидного, а главное более подготовленного в хирургии и любящего эту специальность. В ней вся суть в крестьянской практике и польза видимо необходимая и несомненная. Заканчивая и прощаясь, прошу Лаишевское земское собрание, принять мою глубочайшую благодарность и признательность за его внимание ко мне и доброе отношение к моей службе»¹².

26 сентября 1890 г. врач Р.О. Понсе-де-Сандон в возрасте приблизительно 60 лет в чине коллежского советника оставил службу в Лаишевском уездном земстве. Он отправился на свою дачу в Варшавской губернии, где мог наслаждаться заслуженным отдыхом.

Вместо него был определен ординатор госпитальной терапевтической клиники Императорского Казанского университета, лекарь А.Н. Чернеевский. Но прослужил он недолго и в 1893 г. переехал в Пермь¹³.

¹² Отчет Лаишевской уездной земской управы о состоянии уездного земского хозяйства и о действиях уездной управы в 1889/1890 г. – Лаишев: Тип. Ковалевой, 1890. – С. 138.

¹³ Там же. – С. 580.

Основателем и заведующим Пановской больницей являлся врач Флорентин Иванович Грацинский¹⁴, бывший студент Медико-Хирургической академии. Как и Понсе-де-Сандон, в молодости он увлекался политикой. В 1877 г. Грацинский был подвергнут обыску в Петербурге вместе с А.Л. Караваевым, на квартире которого жил. В 1880 г. Флорентин Иванович получил звание лекаря и возвращается в Казанскую губернию, где у его семьи было поместье.

Земство старалось создать необходимые условия труда для докторов. Жалованье было увеличено с 800 до 1200 рублей¹⁵. Кроме оклада, выдавалось по 200 рублей на разъезды и наем квартиры. Также предоставлялась земская лошадь и научные командировки через три года службы. По выслуге лет присваивался чин.

Земский врач зачастую был единственным человеком с высшим медицинским образованием на целый уезд, поэтому приходилось заниматься лечением всех видов болезней, с которыми обращались пациенты. По словам участкового доктора М.Н. Никольского: «При массе работы земского врача ему совершенно нет времени рационально следить за новой текущей медицинской литературой и тем пополнять свои знания»¹⁶. Поэтому только на лекциях и практических занятиях во время командировок доктора могли заполнить пробелы в знаниях в короткий срок.

Врачи самостоятельно выбирали клиники. Одним из популярных был открытый в Петербурге в 1885 г. Императорский клинический институт Великой княгини Елены Павловны, ставший первым в мире учебным заведением усовершенствования врачей. Здесь доктора со всей страны имели возможность слушать лекции, посещать практические занятия профессоров – по глазным, детским, венерическим болезням. Земские врачи полагали, что такие научные поездки следует сделать обычной практикой: «...если

¹⁴ Олейник В. Из жизни сельской больницы // Татарстан. – 2010. – № 7. – С. 34.

¹⁵ Заметки о земской медицине в Казанской губернии. Доклад Обществу врачей г. Казани 19 нояб. 1871 г. / А.В. Петров, А.Я. Щербаков. – Казань: Унив. тип., 1872. – С. 27.

¹⁶ Отчет Лаишевской уездной земской управы о состоянии уездного земского хозяйства и о действиях уездной управы в 1912/1913 г. – Казань: Тип. М.Н. Кошкина, 1913. – С. 284.

принять во внимание прогрессирующее движение медицины в смысле изыскания различных способов лечения и применения их у больных, то командировки врачей должны быть обязательны для каждого земского врача и непременно свободные, в смысле выбора того или другого города вплоть до поездки за границу. Получаемые журналы и чтение специальных руководств не дадут врачу столько, сколько он почерпнет из своей поездки в университетский городок. Такие командировки желательны, чтобы они повторялись через каждые три года по очереди»¹⁷.

Врачи, желающие пройти обучение в одной из клиник, подавали соответствующее заявление в земское собрание. Последнее определяло размер командировочных. Во многом от этого зависел выбор университетского города. К примеру, врач Н.Ф. Осипов отправился в Казань, поскольку ассигнованных 300 рублей не хватало добраться до российской столицы. Так, дорога до Петербурга и обратно стоила 50 рублей, плата за билет на курсы – 25 рублей, за дополнительные лекции и практические занятия – еще около 80 рублей. Итого на проживание в Питере в течение 2,5 месяцев оставалось менее 150 рублей, в то время как жизнь в Казани оценивалась в 85 рублей в месяц. Поскольку жалованье Осипов оставлял семье на время своего отсутствия, то ему предстояло уложиться только в бюджет от земства¹⁸. По причине ограниченности средств врачи чаще ездили в Казань, реже – в Петербург.

В ходе командировок врачи по своему усмотрению выбирали курс лекций для посещения, а по возвращении предоставляли подробный отчет с описанием изученных методов лечения. Так, врачи 2-го участка Д.В. Снеговой и 3-го – Н.Ф. Осипов в ходе 2-недельной командировки в Казани изучали технику применения Эрлиховского препарата сальварсан при лечении сифилиса. Со временем это лекарство успешно применялось обоими врачами. Через три года тот же Осипов обучался у известных казанских офтальмологов – профессора А.Г. Агабабова, доктора И.С. Кривоносова и у В.В. Чирковского. Поскольку земские больницы не располагали всем необходимым оборудованием, врач обращал внимание пре-

¹⁷ Там же. – С. 285.

¹⁸ Там же. – С. 286.

имущественно на те способы лечения, которые могли быть применимы в земской практике, не требуя специальных приборов¹⁹.

У земских докторов было много дополнительных обязанностей за пределами своей клиники. Среди них – участие в земском собрании 1 раз в месяц²⁰. По отзывам некоторых врачей, эта работа была унизительна, так как они, приглашенные в качестве экспертов, в конечном итоге не обладали правом голоса. Довольно обременительным было обязательство производить вскрытия, освидетельствования и посещать заседания суда. И на этот раз уже следователь мог пренебречь мнением врача, выразив «несогласие»²¹. По этой причине случались конфликты с коллегами. Например, де-Понсе писал: «Вот вчера я упрекнул в неблаговидной проделке одного из гласных; может быть, на будущем собрании он заявит, что я ничего не понимаю в медицине, что я ленив, что груб с больными, и проч., и если найдется у него много друзей, подобных ему, в собрании, то я буду уволен большинством голосов за негодностью»²². Согласно действовавшей в Лаишевском уезде инструкции для врачей, собрание, конечно, могло уволить нанятого им доктора, но только после принятия соответствующего постановления и с преданием суду. Если же нанимателем выступала управа, то отстранение от должности происходило уже по ее решению²³.

Земские врачи были вынуждены работать в обстановке недоверия со стороны населения. Так, во время эпидемии летом 1909 г. трое врачей И.С. Кривоносов (окулист), Л.Ф. Покровский (акушер-гинеколог) и С.В. Дунаев вели прием, но наталкивались на противодействие со стороны крестьян. К примеру, несколько жителей

¹⁹ Там же. – С. 252.

²⁰ Заметки о земской медицине в Казанской губернии. Доклад Обществу врачей г. Казани 19 нояб. 1871 г. / А.В. Петров, А.Я. Щербаков. – Казань: Унив. тип., 1872. – С. 29.

²¹ Понсе-де-Сандон. Изучать ли мне медицину? (Письма к племяннику). – Казань: Унив. тип., 1883. – С. 39.

²² Там же. – С. 52–53.

²³ Заметки о земской медицине в Казанской губернии. Доклад Обществу врачей г. Казани 19 нояб. 1871 г. / А.В. Петров, А.Я. Щербаков. – Казань: Унив. тип., 1872. – С. 30.

одной из деревень, думая, что врачи хотят отравить их односельчанина, тщательно скрывали его, что осложняло борьбу с эпидемиями холеры, скарлатины в сельской местности.

В то же время для человека интеллигентного врач был одним из немногих образованных людей, с которыми можно было поговорить в провинции. Так, в повести «Чужестранцы» писателя Е.Н. Чирикова, где описываются и впечатления автора о жизни в уездном городе, герои, умирающие здесь со скуки, общались именно с врачом: «В Лаишеве, где не только все обыватели, но даже и все собаки прекрасно знали друг друга, у Промотовых было единственное знакомое семейство – вольнопрактикующего врача Жегунова»²⁴.

Земская служба не освобождала медицинских работников от мобилизации. Так, в русско-японскую войну были призваны медицинский и ветеринарный врачи, с началом Первой мировой – 3 участковых и 1 ветеринарный врач, а также 3 фельдшера. Все без исключения изъявили желание занять свои должности, вернувшись с военной службы. Поэтому их семьям выдавались тогда пособия в размере половины жалованья.

Крайне затруднительным стало замещение освободившихся вакансий. Управа ввиду этого решила допустить к должности женщин-врачей, студентов-медиков и слушательниц медицинских курсов, перешедших на последний курс, а в качестве фельдшеров – студентов и слушательниц 4 курса. Размер содержания женщин-врачей составил 1200 рублей, студентов и слушательниц 5 и 4 курса – по 100 и 50 рублей соответственно.

В качестве врача в русско-японскую войну на фронт ушел лаишевский помещик Сергей Владимирович Дунаев, будущий депутат Государственной думы третьего созыва. Образование он получил в Императорском Казанском университете, по окончании которого поступил земским врачом в Уфимской губернии²⁵, а вый-

²⁴ Чириков Е.Н. Очерки и рассказы. – СПб.: Знание, 1900. – С. 224.

²⁵ По другим данным, в Пермской губернии. См.: Третий созыв Государственной думы: портреты, биографии, автографы. – СПб.: изд-е Н.Н. Ольшанского, 1910. – С. 101–102.

дя в отставку, поселился в своем имении в с. Емельяново, где лечил всех крестьян, обращавшихся к нему за помощью: «Его усадьба постоянно осаждалась просителями, которым никогда отказа не было»²⁶. Земство, в свою очередь, также поддерживало труд Дунаева и по его рецептам разрешило бесплатный отпуск лекарств из аптеки. По возвращении с фронта местное население устроило Сергею Владимировичу торжественную встречу. В 1914 г. в возрасте 55 лет он скончался от рака прямой кишки.

Изнурительная работа сказывалась на здоровье самих медиков. В случае болезни предоставлялся отпуск «на поправление здоровья». Так, фельдшер 1-го участка Ф.А. Андреев воспользовался двухмесячным отпуском для лечения в Шамовской больнице. А получив медицинское свидетельство о выявленных у него неизлечимых хронических болезнях, он обратился в земское собрание с прошением назначить ему ежемесячную пенсию в знак уважения к его заслугам.

Врачебная деятельность была опасна риском заражения от пациентов. Так, де-Сандон заразился гнилостной инфекцией при оперировании одной из рожениц. Только благодаря своему коллеге доктору Студенскому, врачу удалось избавиться от «грозной опасности»²⁷. От заражения крови умер в 1918 г. И.С. Кривоносов, бывший окулист глазной лечебницы в с. Шуран.

Хотя основную работу по медицинскому обслуживанию населения несли врачи, от земских фельдшеров также зависело здоровье жителей уезда. Бич земской медицины – нехватка кадров, распространялся как на врачей, так и на фельдшеров. Из-за этого в некоторых уездах существовали фельдшерские участки, где фельдшеры самостоятельно лечили больных. В Лаишевском уезде в этом плане дело обстояло относительно благополучно, и они лишь выполняли функции помощников при врачах. Но при этом качество их подготовки и ответственности оставляло желать лучшего. Так, Лаишевское земство сократило количество фельдшеров,

²⁶ С. Емельяново, Лаишевского уезда. Кончина бывшего депутата // Камско-Волжская речь. – 1914. – №246.

²⁷ Отчет Лаишевской уездной земской управы о состоянии уездного земского хозяйства и действиях уездной управы в 1884/1885 г. – Казань: Тип. Казанского университета, 1885. – С. 85.

поскольку «добросовестно исполняющих свои обязанности, а главных трезвых фельдшеров найти очень трудно»²⁸.

Фельдшерские кадры в Лаишевском уезде пополнялись двумя путями. Фельдшеры-практики, работавшие чаще всего в военных медицинских заведениях и там же сдавшие испытание, как правило, были плохо подготовлены в теоретическом отношении. Другие приходили из Казанской земской фельдшерской школы и считались выше по статусу и знаниям. Но и в такие школы, по свидетельству современников, поступали те, кто не мог получить другую профессию, и их подготовка также не отличалась высоким уровнем²⁹.

Недостаток и плохая подготовка фельдшеров во многом объяснялась низким жалованьем. Впрочем, в Лаишевском уезде в 1870-е гг. они получали одни из наиболее высоких окладов в губернии – 240 рублей в год. Причем о повышении до этой суммы с прежних 150 рублей управа ходатайствовала перед земским собранием по собственной инициативе³⁰. Но и такая плата за тяжелый труд мало привлекала грамотных людей. Однако постепенно оклады повышались и к началу XX в. составляли от 300 до 480 рублей. Его величина колебалась в зависимости от стажа, полученного образования и участка. Так, фельдшер 1-го участка В.С. Мысовский, проработавший в должности более 20 лет и окончивший курс в Казанской земской фельдшерской школе, получал 480 рублей, а В.В. Заякин, работавший во втором участке, который стал фельдшером всего лишь несколько месяцев назад и выдержавший испытание при Казанском военном госпитале, – 300 рублей. Кроме жалованья фельдшерам выделяли по 60 рублей квартирных денег, а также на разъезды согласно потраченным суммам.

Также к вспомогательному медицинскому персоналу относились акушерки. Во второй половине XIX в. процесс деторождения в

²⁸ Заметки о земской медицине в Казанской губернии. Доклад Обществу врачей г. Казани 19 нояб. 1871 г. / А.В. Петров, А.Я. Щербаков. – Казань: Унив. тип., 1872. – С. 37.

²⁹ Смирнова Е.М. Вспомогательный медицинский персонал на земской службе // История медицины. – 2014. – № 3. – С. 16.

³⁰ Заметки о земской медицине в Казанской губернии. Доклад Обществу врачей г. Казани 19 нояб. 1871 г. / А.В. Петров, А.Я. Щербаков. – Казань: Унив. тип., 1872. – С. 37.

Лаишевском уезде проходил архаично. Вплоть до 1873 г. помощь роженицам оказывали исключительно повивальные бабки. Затем на службу стали принимать акушерок. Их обучали в Повивальном институте, действовавшем при медицинском факультете Императорского Казанского университета. В 1865 г. курс преподавания был расширен, что позволило обучать будущих акушерок некоторым фельдшерским приемам для работы в земстве. В первый год ученицы изучали теорию, затем начинались практические занятия, в ходе которых они принимали роды, приобретали навыки по уходу за роженицами и младенцами³¹. Первой стипендиаткой от лаишевского земства для обучения в клинике университета стала крестьянка из с. Полянки Любовь Федорова, которая по окончании курса вернулась на родину. После нее в 1868/1869 отчетном году обучалась вдова священника Ольга Кафарова³². Размер жалованья акушерок варьировался в зависимости от размера участка и плотности населения. Например, в 1877 г. акушерки первого и второго участков получали по 300 рублей в год, а третьего участка – в 2,5 раза меньше. Командировочные составляли 75 рублей в год³³.

С появлением акушерок в уездных больницах процесс деторождения в сельской местности продолжал осуществляться «по старинке» – при участии деревенских повитух. Одной из причин этого была острая нехватка персонала. Так, на службе земства в Лаишевском уезде состояло всего 5 акушерок, распределенных по пяти участкам³⁴. Но из-за высокой текучести кадров часто место акушерки оказывалось вакантным. Как следствие, приходилось обслуживать огромную территорию. Например, в 1884/1885 отчетном году одна акушерка приходилась на 2-й и 4-й врачебные

³¹ Валеева Н.Г. Чистопольское уездное земство Казанской губернии (1865–1914 гг.): историко-краеведческое исследование. – М.: Перо, 2019. – С. 323.

³² Отчет Лаишевской уездной земской управы о состоянии уездного земского хозяйства в 1867/1868 г. – Казань: Губ. тип., [б.г.]. – С. 19.

³³ Саматова Ч.Х., Ибрагимов Р.Р. Становление и развитие земской медицины в Лаишевском уезде Казанской губернии во второй половине XIX – начале XX в. // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 2016. – №3/4. – С. 263.

³⁴ Отчет Лаишевской уездной земской управы о состоянии уездного земского хозяйства и действиях уездной управы в 1885/1886 г. – Казань: Тип. Губ. Правл., 1886. – С. 46.

участки, вследствие чего управа просила назначить особую акушерку для 4-го участка³⁵.

В результате не каждая женщина могла рассчитывать на квалифицированную медицинскую помощь. Так, по данным исследователя В. Ивановского, в 1873 г. на 1 акушерку приходилось 3644 рождения. Ситуация усугублялась, когда место становилось вакантным. Как, например, это было в 1877 г., когда на 1 акушерку приходилось 4674 рождения³⁶. Безусловно, в условиях дефицита специалистов родовспоможением занимались крестьянские повитухи – «явление очень печальное, но и неизбежное при наличии одной акушерки в участке»³⁷. Их деятельность вызывала серьезные опасения со стороны медицинской общественности. В своих отчетах врачи описывали операции, проводимые повитухами, когда бабка буквально выдавливала ребенка, вставая ногами на живот роженицы, или встряхивала плод, держа женщину за ноги. Следствием данных манипуляций становились болезни матки и часто бесплодие³⁸.

Несмотря на ощутимый урон здоровью, наносимый варварскими действиями местных повитух, их популярность была высокой, потому что они всегда были рядом. Помещик Смоленской губернии, автор знаменитых «Записок из деревни» Л.Н. Энгельгардт по этому поводу писал: «Положим, что земская акушерка лучше простой повитухи, но где она эта земская акушерка? А тут бабе приспело время родить»³⁹. В результате на земских специалистов, которые просто физически не могли охватить все количество ро-

³⁵ Отчет Лаишевской уездной земской управы о состоянии уездного земского хозяйства и действиях уездной управы в 1884/1885 г. – Казань: Тип. Казан. ун-та, 1885. – С. 39.

³⁶ Ивановский В.В. Опыт исследования деятельности органов земского самоуправления в России: уезды – Слободской Вятской губернии и Лаишевской Казанской губернии. – Казань: Унив. тип., 1881. – С. 239.

³⁷ Отчет Лаишевской уездной управы о состоянии уездного земского хозяйства и о действиях уездной управы в 1902/1903 г. – Казань: Тип. А.М. Петрова, 1903. – С. 495.

³⁸ Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. – Т. 8: Казанская губерния / Сост. М.Лаптев. – СПб.: Военн. тип., 1861. – С. 187.

³⁹ Энгельгардт А.Н. Из деревни. 12 писем: 1872–1887. – М.: Гос. соц.-экон. Изд-во, 1937. – С. 104.

ждений, приходился ничтожный процент родов. К примеру, в 1884/1885 отчетном году акушерка 1 участка приняла только 59 родов, по другим участкам – еще меньше⁴⁰.

В помощь акушеркам в штате земства состояли повивальные бабки. Ими являлись поступившие на земскую службу сельские повитухи. Однако их помощь так же редко доходила до отдаленных районов, где женщины обращались к местным повитухам. Согласно данным за отчетный 1894/1895 г., из 8175 новорожденных, числившихся по спискам священников и мулл, земскими бабками было принято всего 246 детей⁴¹, в 1896/1897 г. – 287 младенцев⁴². Поэтому их деятельность сводилась, главным образом, к осмотру больных женщин, являющихся в амбулаторию. Согласно врачебным отчетам, акушерская помощь земской повивальной бабки ежегодно снижалась, что объяснялось «как непривычкой населения к новой повивальной бабке, так и главным образом ее личными свойствами не заботящейся о том, чтобы заслужить доверие населения, а напротив, своим стеснением к делу, поселяющей к себе недоверие, а может быть страх или боязнь за свое здоровье и спокойствие»⁴³. По этой причине врачи высказывались за полную замену повивальных бабок акушерками. Но этого не произошло ввиду нехватки специально обученных кадров. Более того, земские повитухи получали довольно высокий оклад – в начале XX в. он составлял 360 рублей.

Как правило, к сертифицированным акушеркам обращались женщины с осложнениями, поэтому часто роды сопровождали местные повитухи, которые, в свою очередь, вели агитацию против

⁴⁰ Отчет Лаишевской уездной земской управы о состоянии уездного земского хозяйства и действиях уездной управы в 1884/1885 г. – Казань: Тип. Казан. ун-та, 1885. – С. 46.

⁴¹ Отчет Лаишевской уездной земской управы о состоянии уездного земского хозяйства и о действиях уездной управы в 1894/1895 г. – Казань: Тип. А.А. Родионова, 1895. – С. 52.

⁴² Отчет Лаишевской уездной земской управы о состоянии уездного земского хозяйства и о действиях уездной управы в 1896/1897 г. – Казань: Тип. Б.Л. Домбровского, 1897. – С. 60.

⁴³ Отчет Лаишевской уездной земской управы о состоянии уездного земского хозяйства и о действиях уездной управы в 1899/1900 гг. – Казань: Тип. П.И. Кидалинского, 1900. – С. 343–344.

земских специалистов, видя в них конкурентов⁴⁴. Тем не менее принятые без осложнений роды делали всех жительниц деревни постоянными пациентками акушерок и врача. Врач Рыбно-Слободской больницы писал в отчете: «Удачное извлечение младенца при трудных родах производит эффект и крайне благоприятное впечатление во всей деревне»⁴⁵.

Рабочий график акушерок был очень плотным и напряженным из-за высокой нагрузки. Так, акушерка К.Н. Стасевич, перешедшая на службу лаишевского земства из Чистопольского уезда⁴⁶, за полгода приняла 14 родов и осмотрела 72 женщины. Кроме того, она производила осмотр в больнице по понедельникам в качестве фельдшера. Помимо обязанностей по больнице, персоналу часто приходилось разъезжать по селениям, так как не все сельские жительницы имели возможность приехать в больницу. К примеру, акушерка 4-го медицинского участка Лаишевского уезда за первое полугодие 1886 г. оказала помощь 11 женщинам при разъездах и 59 – по месту жительства. Помимо своих непосредственных обязанностей, акушерок в летний период привлекали к оспопрививанию. Но врачи полагали, что надо их освободить от этой обязанности, так как к ним и без этого не было доверительного отношения со стороны крестьянского населения. Оспопрививание, не имея 100-ный эффект, в очередной раз дискредитировало акушерок. Позже, в начале 1900-х гг., для данных целей стали приглашать студентов, которые как раз летом выходили на каникулы, что позволяло не отвлекать акушерок от основной работы.

С 1880-х гг. акушерки постепенно заменялись фельдшерицами-акушерками. Для их подготовки земством были организованы фельдшерские школы, которые стали главной кузницей акушерских кадров для уездных больниц. Так, по состоянию на начало

⁴⁴ Морозова Е.В., Созинов А.С. Основные направления развития земского здравоохранения в Казанской губернии в XIX в. // Казанский медицинский журнал. – 2014. – Т. 95. – №1. – С. 127.

⁴⁵ Отчет Лаишевской уездной земской управы о состоянии уездного земского хозяйства и о действиях уездной управы в 1888/1889 г. – Казань: Типо-лит. А.А. Родионова, 1889. – С. 142.

⁴⁶ Валеева Н.Г. Чистопольское уездное земство Казанской губернии (1865–1914 гг.): историко-краеведческое исследование. – М.: Перо, 2019. – С. 322.

XX в. все акушерки Лаишевского уезда были выпускницами Казанской земской фельдшерской школы. Их жалованье составляло 400 рублей, еще 60 рублей выделялось на аренду жилья, размер командировочных фиксированным не был. В должностные обязанности акушерок входило не только оказание помощи при родах, но и выполнение функций фельдшера.

В ежегодных отчетах врачи отмечали растущий спрос на акушерские услуги: «Сознание о пользе рациональной акушерской помощи, особенно оперативной, все более и более проникает в народные массы...»⁴⁷. Среди женщин, обращавшихся за профессиональной медицинской помощью, были представительницы разных сословий. Так, в 1884/1885 отчетном году из 124 женщин, обратившихся в Лаишевскую больницу, было 58% крестьянок, 17% мещанок и четверть приходились на другие сословия⁴⁸.

Однако прогрессивное увеличение требований со стороны населения приводило к тому, что было много отказов акушерок, так как она должна была не только провести роды, но и навестить роженицу в послеродовой период. Кроме того, производство техники гинекологического лечения стационарных больных легло на ту же акушерку-фельдшерицу. Она же производила ежедневный осмотр женщин в амбулатории и занималась приготовлением лекарств. Выполнять все это с должной тщательностью и добросовестностью одному лицу было не всегда под силу.

Расширить штат акушерок не было финансовой возможности. Только в начале XX в. в участках был учрежден штат второй фельдшерицы-акушерки. Одновременно выросли и расходы на их содержание. В 1910 г. содержание двух акушерок-фельдшериц первого участка с учетом «квартирных» обходилось земству в 1040 рублей⁴⁹.

⁴⁷ Отчет Лаишевской уездной земской управы о состоянии уездного земского хозяйства и о действиях уездной управы в 1888/1889 г. – Казань: Типо-лит. А.А. Родионова, 1889. – С. 142.

⁴⁸ Отчет Лаишевской уездной земской управы о состоянии уездного земского хозяйства и действиях уездной управы в 1884/1885 г. – Казань: Тип. Казан. ун-та, 1885. – С. 52.

⁴⁹ Саматова Ч.Х., Ибрагимов Р.Р. Становление и развитие земской медицины в Лаишевском уезде Казанской губернии во второй половине XIX – начале XX в. // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 2016. – №3/4. – С. 260.

Кроме того, акушерке вменялось составление ежегодных отчетов с указанием количества родов – по городу, по больнице, по участку; числа младенцев, отклонений (например, преждевременные, мертворожденные и т.д.). А также – сколько женщин было осмотрено помимо этого. Акушерки часто менялись, не оставляя отчета. Если в городской больнице заведование хозяйством было возложено на особого смотрителя, то в уездах это стало обязанностью фельдшериц-акушерок. Хотя жалованье акушерок в среднем было выше, чем у фельдшеров, оно не оправдывало тяжелую нагрузку, которую приходилось нести женщинам. Так, в 1901 г. на всех 5 участках срок службы фельдшериц-акушерок не превышал 2 лет. Хотя были и исключения. Например, акушерка Максимова прослужила около 20 лет.

Отметим, что в самих больницах также не существовало благоприятных условий для родовспоможения. В уездах Казанской губернии не было специализированных акушерских пунктов. Если в 1877 г. их насчитывалось 18, то к 1898 г. – только 2, в то время как в ряде регионов земства активно расширяли эту помощь. Например, в Вологодской губернии действовал 57 акушерских пунктов, Новгородской – 38, Олонецкой – 37, Харьковской – 49, а в соседней Вятской – 61⁵⁰.

Родильные отделения стали открываться только в начале XX в. Однако их состояние оставляло желать лучшего. Врач 2-го участка Н.Ф. Осипов отмечал, что родильная комната помещалась на месте цейхгауза, была холодная, ныне же отведена другая теплая комната и выкрашена масляной краской. Поэтому для привлечения рожениц нужно улучшать условия, и тогда «женщины охотнее будут рожать в больнице, чем дома при самых невозможных гигиенических условиях»⁵¹. В домашних же условиях это могло быть опасно не только для новорожденного и матери, но и для самих повитух. Так, при наиболее сложных родах участвовали врачи. Де-Понсе описывает в одном из отчетов, как в ходе операции он заразился гнилостным

⁵⁰ Веселовский Б.Б. История земства за сорок лет. – СПб.: Изд-во О.Н. Поповой, 1909. – Т. 1. – С. 142.

⁵¹ Отчет Лаишевской уездной управы о состоянии уездного земского хозяйства и о действиях уездной управы в 1902/1903 г. – Казань: Тип. А.М. Петрова, 1903. – С. 494.

ядом, и ему самому срочно понадобилась медицинская помощь. Отметим, что существовавших мест в больницах было недостаточно, поэтому нередко приходилось отказывать в приеме беременных женщин в больницу для родовспоможения.

Одним из важных препятствий к распространению акушерских услуг были расстояние, неразвитость путей сообщений и низкая плотность населения. Эта последняя причина была препятствием на пути всех предприятий земских учреждений, как в сфере медицинской, так и санитарной⁵². Альтернативой больнице, для открытия которой земство не располагало необходимыми финансовыми и кадровыми ресурсами, мог стать фельдшерский пункт.

Такой пункт был открыт в Лаишевском уезде в с. Шумбут 20 мая 1906 г. Долгое время местная управа путем печатных объявлений и другими способами не могла найти фельдшерицу-акушерку. Желаящих на это место не находилось. Вследствие чего на Шумбутский пункт пришлось перевести одного из опытных фельдшеров Казыльской больницы – Карпешина, который осуществлял заведование под контролем врача 3-го участка.

Таким образом, земская акушерская помощь в Лаишевском уезде вплоть до последней четверти XIX в. находилась на очень низком уровне. Бывало, что неподготовленный персонал приносил больше вреда, чем пользы. Это способствовало развитию недоверия к врачам среди крестьян, которые в большинстве случаев обращались к деревенским повивальным бабкам.

Открытие Повивального института позволило повысить профессиональный уровень акушерок. Однако их по-прежнему оставалось недостаточно для помощи всему уезду. Кроме того, на акушерок возлагали еще и дополнительные обязанности, такая нагрузка заставляла многих из них отказываться от работы. В результате родовспоможение развивалось очень медленно как в части повышения качества услуг, так и по расширению охвата населения. Такая ситуация была вызвана во многом общей проблемой земств – нехваткой финансирования. Но также большую роль сыграли и мировоззренческие факторы. Крестьяне привыкли наде-

⁵² Ивановский В.В. Опыт исследования деятельности органов земского самоуправления в России: уезды – Слободской Вятской губернии и Лаишевской Казанской губернии. – Казань: Унив. тип., 1881. – С. 241.

яться на своих повитух, поскольку к их услугам прибегали многие поколения их предков, и они происходили из той же крестьянской среды, что и роженицы. А акушерки были чужаками, которым приходилось завоевывать доверие.

Но и сами земцы не оказывали повивальной помощи достаточного внимания. Здесь требовалась систематическая работа по подготовке кадров, идеологической работе среди населения, поиску дополнительного финансирования. Но поскольку в то время господствовало демографическое поведение, характеризующееся высокой рождаемостью и высокой смертностью детей, такое положение казалось обычным. Основные усилия в области здравоохранения были сосредоточены на ликвидации эпидемий и устранении распространенных болезней. Поэтому ряд других направлений, в том числе и родовспоможение, оказывались на втором или даже третьем плане.

§ 2. Профилактика и лечение инфекционных заболеваний

В начальный период существования земства в медицинские работники низшего разряда набирали и людей без образования. К ним относились оспопрививатели. Статистические данные свидетельствуют о том, что из всех заболеваний наиболее распространенной была оспа, превосходившая по своим масштабам эпидемии тифа, кори, скарлатины и пр.⁵³ Неслучайно, профилактическая борьба с ней приняла массовый, систематический характер.

В первой половине XIX в. этот вопрос находился в ведении «оспенных комитетов», а в 1865 г. в связи учреждением земства перешло в ведение последнего: оно обучало добровольцев, снабжало оспопрививателей вакцинами. На данном этапе содержанием оспопрививателей и покупкой необходимых инструментов зани-

⁵³ Отчет Лаишевской уездной земской управы о состоянии уездного земского хозяйства и о действиях уездной управы за 1909/1910 г. – Казань: Тип. Д.М. Гран, 1910. – С. 220–221.

мались сельские общества, а с середины 1870-х гг. все расходы уже полностью легли на земство⁵⁴.

До лета 1870 г. на весь уезд насчитывалось четыре оспопрививателя. За мизерное жалованье от земской управы они должны были ходить по деревням и зимой, и летом. В 1871 г. вознаграждение оспопрививателя в Лаишевском уезде составляло 40 рублей. В дальнейшем он ежегодно получал по 84 рубля и на разъезды – по 50 рублей. В 1874 г. в Лаишевском уезде работало пять оспопрививателей, в 1877 г. – шесть⁵⁵.

Изначально предполагалось, что непосредственное руководство за вакцинированием будет осуществлять врач, поэтому оспопрививателями нанимались люди без медицинского образования, владеющие только технической стороной дела. Однако врачи не могли заниматься постоянным контролем над их действиями, потому что были заняты терапевтической работой. Это имело негативные последствия. Так, проводимые ревизии отмечали некомпетентность оспопрививателей, которые будучи неграмотными, даже не могли самостоятельно заполнять ведомости, доверяя это волостным писарям. Часто оспопрививатели поддавались на уговоры жителей и за взятку не делали вакцину, тем самым снижая эффективность мероприятия. Кроме того, при существовавшем способе оспопрививания был высок риск заражения здоровых детей сифилисом⁵⁶. В последующем прививки ставили участковые фельдшеры под наблюдением врачей. Сумму вознаграждения рассчитывала управа по медицинским участкам и по числу привитых детей. Ежегодно на эти цели выделялось 200 рублей – по 3,08 копеек за привитого ребенка.

В начале XX в. установилась практика передачи обязанностей по оспопрививанию определенным специалистам. Так, в 1913 г. проведение вакцинации, согласно постановлению земского собрания, было возложено управой на особое лицо. Во 2 участке это была слу-

⁵⁴ Салимова Э.А. Земская медицина в Казанской губернии в пореформенный период // Вестник ТГГПУ. – 2007. – №1(8). – С. 20.

⁵⁵ Саматова Ч.Х., Ибрагимов Р.Р. Становление и развитие земской медицины в Лаишевском уезде Казанской губернии во второй половине XIX – начале XX в. // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 2016. – №3/4. – С. 263.

⁵⁶ Лаишевский способ оспопрививания / Сост. Э. Витте. – Казань: Типолит. К.А. Тилли, 1873. – С. 5.

шательница Московских женских курсов госпожа Иванова, всего она привила 1095 человек, причем доля удачной прививки достигала 98,5%. Кроме того, в течение отчетного года при участии фельдшерского персонала произведена ревакцинация свыше полутора тысяч школьников. В 4 участке оспопрививание проводила слушательница Петербургского женского медицинского института М.В. Белькович. Поручение оспопрививания особому лицу позволило не отвлекать фельдшерский персонал от повседневной работы⁵⁷.

Вакцинирование производилось в специальных пунктах, которых в Лаишевском уезде в 1880-х гг. насчитывалось около полсотни. Для прививок назначалось время, удобное для крестьян, чтобы они не были заняты на сельскохозяйственных работах. Тем не менее не всегда сельские жители могли добраться до прививочных пунктов. Среди причин – отсутствие лошади, болезнь родителей, а иногда и сельское начальство просто не информировало людей о времени и месте проведения оспопрививания, поскольку не всегда сочувствовало данному мероприятию. По этой причине одним из пожеланий земских врачей было обязать сельских старост сообщать жителям о начале вакцинации.

Разъяснительная работа с населением была главным направлением всех мероприятий по борьбе с оспой. В народе укоренилось недоверие к врачам, и в частности к оспопрививателям. Об отношении крестьян к ним лаишевский земский врач Э.А. Витте писал: «Их обыкновенно гнали, более благочестивые родители откупали своих детей от печати Антихриста, – так крестьяне называют привитую оспу, только кое-где удавалось им произвести прививку»⁵⁸.

Отказывались от вакцинации целые селения. Земский врач М. Никольский, анализируя трудности борьбы с эпидемиями, сообщал, о том, как крестьяне, подозревая, что заразно больного односельчанина медики хотят отравить, тщательно скрывали его. С такими предубеждениями часто приходилось сталкиваться в татарских деревнях Ключищинской и Кибяк-Козинской волостей. Так, в

⁵⁷ Отчет Лаишевской уездной земской управы о состоянии уездного земского хозяйства и о действиях уездной управы в 1912/1913 г. – Казань: Тип. М.Н. Кошкина, 1913. – С. 153, 158.

⁵⁸ Лаишевский способ оспопрививания / Сост. Э.А. Витте. – Казань: Типолит. К.А. Тилли, 1873. – С. 4.

1909 г. в д. Уюте было 6 случаев заражения натуральной оспой с летальным исходом. В числе заболевших оказались подростки, привитые в младенчестве, что послужило для жителей доказательством бесполезности прививок, и они отказались от повторной вакцинации, указывая врачу на рубцы от предохранительной оспы. Очевидно было, что однократное оспопрививание дискредитировало в глазах населения сам принцип вакцинирования. И в вышеназванной деревне во время очередной прививочной кампании в селении Уют на вакцинацию был принесен только 1 ребенок. Подобная ситуация наблюдалась и в русских селах. Так, среди деревень, жители которых игнорировали вакцинацию, были Саконы и Остолопово⁵⁹. Крестьяне настолько «свыклись с этой болезнью, как будто с необходимым злом, что относятся к ней совершенно равнодушно, не требуя ни помощи, ни советов, стараясь по возможности скрыть»⁶⁰.

Упорно отказывалось от иммунизации население раскольничьих селений. Так, жители с. Русский Ошняк и деревень Шумково, Монастырь⁶¹ постоянно составляли приговоры с отказом прививаться. Однако, благодаря профилактическим мерам, болезнь не распространялась за пределы деревень. Например, в 1872 г. в староверческой деревне Мельничном Починке появилась натуральная оспа и дошла до широких размеров, в соседних же православных и татарских деревнях, где детям была привита предохранительная оспа, эпидемии не было, несмотря на постоянные сношения жителей с зараженной деревней и на незначительное расстояние между ними. Но даже спустя десятилетия, несмотря на имеющееся налицо в Мельничном Починке большое число обезображенных оспой детей, подростков и взрослых, жители не желали делать прививки. Так, в 1910 г. в этой же деревне врачу 3 участка Н. Осипову удалось привить только пятерых детей.

Отметим, что некоторые семьи и хотели бы сделать прививку, боялись упреков со стороны соседей, поэтому они были «не прочь

⁵⁹ Отчет Лаишевской уездной земской управы о состоянии уездного земского хозяйства и о действиях уездной управы за 1909/1910 г. – Казань: Тип. Д.М. Гран, 1910. – С. 155.

⁶⁰ Отчет Лаишевской уездной земской управы о состоянии уездного земского хозяйства и действиях уездной управы за 1885/1886 г. – Казань: Тип. Губ. Правления, 1886. – С. 112.

⁶¹ Совр. с. Троицкий Урай Рыбно-Слободского района РТ.

от некоторого рода принуждения»⁶². Земский врач Витте выступал за принудительное оспопрививание, считая, что прививка только по желанию – это уступка невежеству и суеверию родителей. Единого мнения в медицинской среде по этому вопросу не было⁶³.

Долгое время оспопрививание не носило обязательный характер, и для пропаганды профилактики оспы приходилось прибегать к помощи авторитетных людей: непосредственно земской управы, мировых посредников, исправников, священников, волостных старшин, деревенских старост, помещиков – которые везде словом и делом были призваны помогать врачам, доказывая народу необходимость предохранительной оспы. Так, по решению земской управы, священники и муллы взяли на себя составление списков привитых детей⁶⁴. Помещики предоставляли телят бесплатно, мировые посредники, члены управы и исправник ездили по уезду, распоряжались о своевременной доставке телят в назначенные пункты⁶⁵. Ходатайство об обязательном характере оспопрививания лаишевское земство подало правительству в сентябре 1872 г.

Медикам постоянно приходилось экспериментировать со способами оспопрививания. Использовался детрит, который доставляли из Казани и даже Москвы и Санкт-Петербурга. И уже на месте этот материал совершенствовали. Но этот метод часто критиковали местные врачи, заявляя, что большие расстояния сказываются на свежести вакцины. Поэтому предлагали заменить на оспу, снятую с телят, хотя и у этого способа были недостатки, включая возможность заражения от животного. Последний вариант был разработан и внедрен в практику лаишевским земским врачом Э. Витте и позволил избежать эпидемий в уезде.

⁶² Лаишевский способ оспопрививания / Сост. Э.А. Витте. – Казань: Типолит. К.А. Тилли, 1873. – С. 13.

⁶³ См.: Руднев. М.М. По вопросу о введении обязательного оспопрививания в России // Журнал для нормальной и патологической гистологии и клинической медицины. – 1875 (ноябрь–декабрь). – С. 573–580.

⁶⁴ Отчет Лаишевской уездной земской управы о состоянии уездного земского хозяйства и о действиях уездной управы за 1894/1895 г. – Казань: Тип. А.А. Родионова, 1895. – С. 51.

⁶⁵ Лаишевский способ оспопрививания / Сост. Э.А. Витте. – Казань: Типолит. К.А. Тилли, 1873. – С. 11.

Но наряду с лаишевским способом оспопрививания широко использовался детрит, который благодаря разработчикам с каждым годом показывал все более удовлетворительный результат и постепенно вытеснил использование лимфы зараженных животных и тем более детей.

Как видим, земские врачи уделяли большое внимание профилактическим мерам, потому что предупредить болезнь легче, чем пытаться ее вылечить. Особенно в условиях, в которых находилась земская медицина, когда ощущалась острая нехватка кадров, не хватало мест в больницах, состояние самих лечебных учреждений было плачевным. Не во всех лечебницах имелись заразные отделения, но даже при их наличии, требовался основательный ремонт помещения, чтобы в нем можно было держать пациентов. Медицинскому персоналу приходилось обслуживать огромные по численности населения участки, поэтому прививками удавалось охватить не всех. Например, при одном-двух приездах в год для оспопрививания часть жителей оставалась непривитыми, поэтому врачи просили нанять хотя бы запасного фельдшера, который мог бы ездить круглый год.

В целом, лаишевское земство за 50 лет достигло значительных успехов в оспопрививании. Существенно повысилась квалификация медицинского персонала, стала более достойной оплата его труда. Местные врачи старались найти способы прививания, причем весьма удачно. Постепенно росло доверие со стороны населения, люди стали понимать пользу вакцинации. Были и негативные моменты. Прививание всех жителей уезда так и не было достигнуто, не хватало компетентных оспопрививателей, продолжали существовать предрассудки против мер, предпринимаемых земством. Но, как справедливо отмечал исследователь XIX столетия В. Ивановский, оспопрививание – единственная положительная из всех санитарных мер⁶⁶. Земство все же смогло добиться хотя и не полного искоренения оспы, но значительного снижения случаев заражения одной из самых распространенных болезней того времени.

⁶⁶ Ивановский В.В. Опыт исследования деятельности органов земского самоуправления в России: уезды – Слободской Вятской губернии и Лаишевской Казанской губернии. – Казань: Унив. тип., 1881. – С. 224.

Еще одним серьезным заболеванием, распространенным среди сельского населения, была трахома, которая вела к слепоте. На развитие этой глазной болезни влиял целый ряд условий, начиная от состояния лечебной помощи в данной местности до привычки лечиться⁶⁷. Если, по мнению простых людей, причина недуга была «от глаза», то ученые-медики долгое время искали источники заражения. В XIX в. начались активные поиски трахоматозного микроба. В начале следующего столетия российским офтальмологом, профессором Императорского Казанского университета Е.В. Адамяком в целом ряде статей была высказана теория паразитарного происхождения трахомы. И дальнейшими исследованиями иностранных и российских авторов правильность этого взгляда была подтверждена⁶⁸. В быту инфекция передавалась через полотенце, постельное белье, воду для умывания, грязные руки. Поэтому антисанитарная обстановка создавала благоприятную среду для распространения заболевания: скученность и теснота жилищ, грязь, испорченный воздух, недостаток одежды и посуды, отсутствие бань и мыла, нечистоплотность и т.д.⁶⁹

Из всех губерний Российской империи по числу трахоматозных лидировала Казанская губерния. Так, по данным известного казанского врача-окулиста И.С. Кривоносова за 1913 г., 496 человек приходилось на 1000 глазных больных. Для сравнения, в других регионах Волго-Камья это количество было в разы меньше: в Вятской губернии – 190,7, в Самарской – 115,1 и в Симбирской – 99,1 случаев на 1000 патологий органов зрения⁷⁰.

Учитывая серьезность заболевания, и понимая, что на ранних стадиях лечения можно предотвратить развитие слепоты, земством принимались всевозможные меры борьбы с трахомой – от отправки глазных отрядов до открытия постоянных клиник. Такая лечебница была открыта доктором статским советником Иваном Семеновичем Кривоносовым в Лаишевском уезде в с. Шуран. При

⁶⁷ Лукьянов И.К. Трахома в Волжско-Камском крае (очерки и материалы). – Чебоксары: Тип. Чув. изд-ва, 1925. – С. 13.

⁶⁸ Там же. – С. 15.

⁶⁹ Там же. – С. 18–20.

⁷⁰ Лукьянов И.К. Трахома в Волжско-Камском крае (очерки и материалы). – Чебоксары: Тип. Чув. изд-ва, 1925. – С. 26.

ней функционировала амбулатория для приходящих больных. Медицинский персонал составляли врач, фельдшерица и служитель. Хотя клиника была частная, но жалованье работникам выплачивало земство – в размере 300 рублей.

Лечебница работала только в летний период, однако за короткое время медицинской помощью удавалось охватить большое количество людей. Так, в 1907 г. зарегистрировано 78 стационарных больных и было произведено свыше 100 операций. Еще 695 человек лечились амбулаторно. При необходимости деятельность клиники продлевалась. Летом 1910 г. лечебница Кривоносова проработала в течение двух месяцев, начиная с 1 июня, а в связи с удаленностью Шурана от северной части уезда была осуществлена двухнедельная поездка в другое село – Казыли. Здесь со 2 по 16 августа было принято 1423 больных, из которых 80 осталось на стационарное лечение⁷¹.

Спрос на офтальмологическую помощь был настолько высоким, что пациенты приезжали сюда даже издалека, преодолевая расстояния до 40 верст. Так, в 1913 г. из самого Лаишевского уезда были 79 человек, из соседних Чистопольского и Спасского – 61 и 17, еще трое – из Чебоксарского и Мамадышского и 5 представителей из других губерний.

За лечением обращались, в основном, русские. Так, в 1913 г. их насчитывался 81 человек, далее следовали татары – 56 и новокрещены – 26 и лишь 2 чуваша. Это связано не только с преобладанием русского населения в Лаишевском уезде, но и недоверием представителей других народов к русским властям в целом и врачам в частности.

К сожалению, в больницу приходили пациенты, главным образом, с тяжелой степенью заболеваемости, когда требовалось оперативное вмешательство, но полностью излечить уже было невозможно.

Одновременно И.С. Кривоносов был сверхштатным сотрудником Шамовской больницы. Известно, что он был женат на Елене Николаевне Миловской, у них родилось двое сыновей – Юрий

⁷¹ Отчет Лаишевской уездной земской управы о состоянии уездного земского хозяйства и о действиях уездной управы за 1910/11 г. – Казань: Тип. М.Н. Кошкина, 1912. – С. 113.

(1904 г.р.), впоследствии актер одного из ленинградских театров, и Алексей (1906 г.р.). Иван Семенович умер в 1918 г. нелепой смертью – от заражения крови: в Сибири, где он был врачом в отряде красноармейцев, фельдшер неумело вскрыл ему фурункул...

К 1916 г., по всей видимости, клиника в Лаишевском уезде уже прекратила существование. И была открыта в Казани.

Поскольку основная офтальмологическая помощь оказывалась в уездных больницах, доктора стремились повысить уровень знаний по этому направлению. Земский врач Н.Ф. Осипов в ходе трехмесячной научной командировки в Казань обучался у известных офтальмологов – профессора А.Г. Агабабова, доктора И.С. Кривоносова и у В.В. Чирковского. А в глазной клинике при Императорском Казанском университете Осипов, благодаря любезности д-ра Е.В. Адамюка, как он зафиксировал в отчете, получил возможность ознакомиться с различными приемами лечения и даже в качестве практического занятия провести операцию на глазах собак. Больницы в уездах не располагали всем необходимым оборудованием, поэтому врачи в ходе командировок обращали внимание преимущественно на те способы лечения, которые могли быть применимы в земской практике, не требуя специальных знаний и приборов. Осипов писал в отчете управе по итогам своей научной поездки следующее: «Много обращал внимания на лечение трахомы. Я помню, служа во 2-м участке, я был приводим в ужас от количества больных и слепых от трахомы среди населения 2-го участка. Глубокое впечатление произвел на меня доклад о трахоме уважаемого товарища д-ра Кривоносова, прочитанный на съезде земских врачей Казанской губернии. Достаточно сказать, что из доклада д-ра Кривоносова пришлось узнать, что по количеству больных трахомой Казанская губерния занимает чуть не первое место среди всей Европы. Меры же борьбы с трахомой очень слабы...»⁷². Далее в отчете Осипов приводит подробное описание всех приемов лечения трахомы.

В 1913 г. в Лаишевский и другие уезды были отправлены глазные отряды. Жители сопротивлялись. Например, в д. Большие

⁷² Отчет Лаишевской уездной земской управы о состоянии уездного земского хозяйства и о действиях уездной управы за 1912/13 г. – Казань: Тип. М.Н. Кошкина, 1913. – С. 252.

Нырсы Лаишевского уезда от врачей и студентов требовали предъявления каких-то медалей. В Григорьевке⁷³ – категорически воспротивились осмотру, и все убеждения оказались бессильны. Не имели результата даже увещания земского начальника: потребовалось содействие помощника исправника, прибывшего с целым отрядом полиции. Их решительность в этом деле послужила началом некоторого общего движения в Казыльской волости в целях недопущения трахоматозных отрядов в селения. Из татарской деревни Шадков Лаишевского уезда исследователям при первом посещении едва удалось «унести ноги». И осмотр смогли произвести только при повторном посещении в присутствии земского начальника. По причине таких затруднений приходилось иногда не доделывать работу, оставляя селение после осмотра нескольких дворов. Но чаще с грехом пополам удавалось довести дело до конца⁷⁴.

Недружелюбное отношение врачи объясняли ни чем иным, как низким уровнем умственного развития крестьянства. Но были и другие причины. Осмотры отвлекали крестьян от работы в поле. Хотя глазные отряды и старались приезжать в свободное от страды время.

Большую помощь в проведении осмотра могли оказать местные власти. Например, в соседнем Чистопольском уезде известны случаи, когда старосты просто рассылали приказы явиться в определенное место. Но были и прямо противоположные примеры, когда сельское начальство препятствовало осмотрам. Как, например, в Цивильском уезде один из старост уверял жителей, что врачи будут ставить на глазах кресты⁷⁵.

По итогам обследования лидировали по числу зараженных трахомой Чебоксарский и Цивильский уезды, за ними следовали – Чистопольский, Ядринский, Козмодемьянский. Далее следовал Лаишевский уезд⁷⁶.

⁷³ Исчезнувшая деревня Рыбно-Слободского района РТ.

⁷⁴ Распространенность трахомы в Казанской губернии. Издание Казанского губернского земства. – Казань: Губ. Правл., 1914. – С. 10–11, 20.

⁷⁵ Там же. – С. 17.

⁷⁶ Распространенность трахомы в Казанской губернии. Издание Казанского губернского земства. – Казань: Губ. Правл., 1914. – С. 21.

Относительно образа жизни лаишевских крестьян врач В.П. Разумков отмечал в своих записках: «Население, несмотря на сравнительную бедность, живет много опрятнее, нежели в Чистопольском уезде...»⁷⁷.

Тем не менее крестьяне Лаишевского уезда часто заражали своих соседей. Например, в Пестрецах, Кулаеве и Тогашеве трахома появилась из селений Лаишевского уезда, с которыми они граничили. А отсюда она распространилась вглубь участка – в Дертюли, Шихазду, Зайцевку⁷⁸, Шигалеевский Починок⁷⁹, Новое Шигалево и затем уже переносилась далее путем родственных сношений между жителями и посредством Пестречинского базара, куда съезжались крестьяне из разных уголков губернии, заглядывая попутно в пивные, харчевни и т.п.⁸⁰ Так, в Лаишевском уезде отряд работал с 1 июля 1911 по 1 июля 1912 г. Обследовав 81 селение, выявил 731 случай трахомы⁸¹.

Болели семьями. Например, в д. Колкомерка Лаишевского уезда были две семьи крещеных татар Долговых, в одной все пятеро были поражены трахомой, а мать и двое детей были слепые. В другой семье – тоже всего пятеро были трахоматозны: домохозяин, его брат – на оба глаза, жена – на один⁸².

Тем не менее, благодаря многолетним усилиям земства и его врачей, в 1912 г. в Лаишевском уезде был самый низкий процент заболеваемости трахомой по сравнению с общегубернской статистикой – 5,4% против 17%⁸³.

⁷⁷ Там же. – С. 28.

⁷⁸ Исчезнувшая деревня Пестречинского района РТ.

⁷⁹ Совр. поселок Козий Починок Пестречинского района РТ.

⁸⁰ Там же. – С. 33.

⁸¹ Там же. – С. 35.

⁸² Там же. – С. 62–63.

⁸³ Лукьянов И.К. Трахома в Волжско-Камском крае (очерки и материалы). – Чебоксары: Тип. Чув. изд-ва, 1925. – С. 53.

Глава 5 .

Мероприятия городского и земского самоуправления по предотвращению пожаров

§ 1. Пожары в Лаишеве в 1840-х – 1850-х гг.

В дореформенной России система страхования находилась в стадии становления. И первые организации, занимавшиеся страхованием имущества на добровольных началах, не имели распространения в провинциальной глубинке. Но существовала практика материальной поддержки пострадавших от стихийных бедствий. Во время засухи, эпидемий, пожаров государство и общественные организации приходили на помощь потерпевшим. Она заключалась в выдаче безвозвратных пособий, оказании медицинской помощи, выдаче продовольственных и денежных ссуд, открытии бесплатных столовых и приютов. До учреждения земского и городского самоуправления четкой программы помощи не было, и власти опирались на опыт предыдущих лет.

На примере уездного города Лаишев можно проследить действия губернского и городского начальства по поддержке населения в стихийных бедствиях. Наиболее ощутимым для городских жителей были последствия пожаров. Деревянная застройка и несоблюдение элементарных мер предосторожности приводили к частому возгоранию и быстрому распространению огня. Что причиняло колоссальный материальный ущерб и даже вело к человеческим жертвам.

Пожары в уездном городе Лаишев не были редкостью, но наиболее массовые приходятся на середину XIX столетия. 31 мая 1844 г. загорелся дом мещанина Федора Гурскова. При сильном ветре огонь перекинулся на соседние постройки и в результате было истреблено три десятка домов. Городу был причинен серьезный вред – сгорели здания ратуши, архива, общественный дом, казенное питейное заведение. Пострадало имущество Казанского

Федоровского монастыря – дотла выгорели деревянная часовня и 3 лавки. Лишились имущества торговцы, у которых были уничтожены 56 деревянных лавок с товаром и 2 ренсковых погреба. С учетом утраченного и пострадавшего имущества сумма убытка обывателей составила около 50 тысяч рублей серебром.

Примечательно, что жители не остались один на один со своим бедствием. И была организована помощь в зависимости от понесенного ущерба и в целом финансовой обеспеченности пострадавших. Из губернской столицы в Лаишев был направлен чиновник для изучения происшествия и с целью выработки программы оказания поддержки погорельцам. Одной из существенных мер стало безвозвратное пособие наиболее нуждавшимся. Для его выдачи был учрежден особый Комитет из благонадежных чиновников, которому предстояло распределить 3000 рублей серебром, поступившие из губернского правления.

25 человек получили вспомоществование. Размер его определялся индивидуально и оказался различным. Например, потери мещанина Василия Бутылина, составили 2540 рублей – у него сгорели 2 дома, надворные строения, 5 лавок. А выдано было 600 рублей. В то же время компенсация мещанина Константина Бехтерева, лишившегося домов и амбаров примерно на такую же сумму (2785 рублей), составила лишь 125 рублей. Другой горожанин купец Иван Максимов, утратив имущество на 3735 рублей (дома, надворные строения, 4 лавки с товаром), и вовсе получил только 75 рублей.

А почти через год торговцы запросили ссуды с рассрочкой на 15 лет и под залог недвижимости. С подобным ходатайством выступили 10 лаишевских купцов и мещан, которые хотя и воспользовались безвозвратным пособием, так и не смогли оправиться от последствий майского пожара. С большим трудом на полученные деньги были отстроены новые дома, часть средств ушла на страхование. В результате они остались совершенно без капитала и всякой возможности продолжить торговлю в прежнем объеме, а также платить налоги и содержать семью. Расстройство дел подтвердил уездный предводитель дворянства.

Жители, дома которых не пострадали в огне, не могли рассчитывать на возмещение убытка, даже несмотря на значительные потери. Например, у мещанина Никифора Смирнова сгорели 2 лав-

ки и снасти, оцененные в 2785 рублей; у мещанки Аксиньи Копыловой – лавки с товаром на сумму 436 рублей. Состояние этих и других погорельцев было расценено комитетом помощи как довольно хорошее, поэтому никто из них не получил ни копейки. Более того, среди них оказался торговец в чине отставного почтальона Максим Юсупов, который, кроме лавок и снастей, лишился крова. Однако сведений об его попытках восстановить справедливость нам найти не удалось.

Не успели жители оправиться от пожара 1844 г., как спустя всего пару лет город вновь был охвачен огнем. Весной 1846 г. сгорело 44 обывательских дома со строениями и имуществом на сумму 18 тысяч рублей серебром¹. Такой же по сумме ущерба произошел пожар в последний день лета 1848 г. Тогда загорелась баня купца третьей гильдии И.Ф. Максимова. Он уже становился жертвой пожара четыремя годами ранее, однако печальный опыт не послужил уроком – новые строения были возведены плотно друг к другу, что привело к быстрому распространению огня. А сильный порывистый ветер моментально перебросил пламя на соседские строения. Всего выгорело 33 дома, суммарный убыток составил более 19 тысяч рублей, погибли люди.

Согласно предписанию министра внутренних дел от 21 декабря 1848 г., погорельцам выдана компенсация в размере 1/10 части от суммы убытка. Также на этот раз были выданы небольшие пособия в размере 33 рублей семьям, лишившимся кормильцев. Среди них пожилая мещанка Агафья Иванова, у которой погибла взрослая дочь, и осиротевшие дети вдовы Марфы Гребенщиковой.

К сожалению, городские власти не принимали мер по предотвращению массовых пожаров. Градостроительная политика не менялась, и на месте пепелищ возникали новые здания. В 1851 г. вновь пострадал центр города – выгорела ратуша и хранившиеся в ней документы, удалось спасти только делопроизводство последних семи лет. Нормальная деятельность ратуши, исполнение многих дел приостановлено, губернское правление распорядилось возобновить работу².

¹ Журнал Министерства внутренних дел. – Ч. 15. – 1846. – С. 163.

² Казанские губернские ведомости. – 1851. – 8 октября.

Чтобы оценить обстановку в Лаишево лично прибыл губернатор. Он стал свидетелем ужасающей картины: 42 семьи остались без жилищ, кроме административных зданий, пожар уничтожил 44 лавки, «истребив лучшую часть города». Причем убытки понесли те же жители, что и тремя годами ранее. Общий убыток исчислялся 40 тысячами рублей.

Расследование причин пожара и организация помощи погорельцам в Лаишеве была доверена чиновнику особых поручений при казанском губернаторе коллежскому секретарю К.П. Перцову. Он был из дворянской семьи. Наиболее известен его брат Эраст – русский писатель, лично знакомый с А.С. Пушкиным, другой брат, Александр, в начале 1860-х гг. служил вице-губернатором Пензенской, а затем Саратовской губерний, в 1870 был назначен сенатором.

Константин Перцов старался войти в положение каждого погорельца. К примеру, мелкие торговцы и чиновники, утратив собственность на 1321 рубль, могли рассчитывать только десятую часть от этой суммы, поэтому даже безвозвратные пособия не могли поправить их положение. Учитывая крайнюю бедность пострадавших, чиновник ходатайствовал об увеличении разовых выплат. А городничему П.П. Бордзилавскому Перцов через прямое обращение к министру финансов добился компенсации половины ущерба.

Более состоятельным горожанам предоставлено право получения ссуды. Однако не все воспользовались этой возможностью, так как не представили имущество для обеспечения залога. В итоге из 4988 рублей выделенных на кредиты, была выдана только пятая часть – купцу Флегонтову, заложившему дворовое место, оцененное в 1200 рублей, и деревянную лавку с подвалом. Остальные же деньги были удержаны Лаишевским уездным казначейством.

Причинами пожаров в дореволюционное время были неосторожное обращение с огнем, слабая организация пожарной охраны и самое главное – отсутствие огнестойкого строительства. Как правило, возгорание начиналось в частном доме, бане или сарае. Деревянные дома, крытые соломой, быстро вспыхивали, не оставляя шансов на спасение имущества. Так, в 1848 г. в Арске мощный пожар начался с возгорания соломенной кровли сеней. В 1851 г. в Лаишеве возгорание возникло по неосторожности в одном из обывательских домов.

Таким образом, поддержка носила ситуативный характер и размеры помощи определялись масштабами бедствия. Существовал выработанный годами алгоритм действий борьбы с последствиями, но губернский чиновник имел право корректировать эту помощь и ходатайствовать об изменении суммы выплат, стараясь максимально помочь наиболее нуждавшимся. Однако подобная практика не вела к росту сознательности горожан и люди продолжали неосторожно обращаться с огнем, сохраняя верность деревянным домам и по-прежнему плотно застраивая дворы. Но в условиях отсутствия обязательного страхования такие мероприятия позволяли сравнительно быстро оправиться от последствий пожаров. В настоящее время подобная практика применяется при опустошительных природных катаклизмах, что позволяет в короткие сроки восстанавливать целые населенные пункты.

§ 2. Борьба Лаишевского земства с пожарами

Бичом дореволюционной деревни были опустошительные пожары. Этому способствовали деревянная застройка, несовершенство печных систем и отсутствие водоемов поблизости. В результате огонь безжалостно выжигал дома и целые улицы, оставляя на их месте пепелища. До середины XIX в. не существовало развитой системы страхования, которая помогала бы сельским жителям оправиться от последствий пожара. Известен случай создания капитала для выдачи пособия погорельцам из числа бывших крепостных лаишевской помещицы Елизаветы Григорьевны Яковлевой, согласно её духовному завещанию³.

Только с учреждением земства с 1860-х гг. стали заключаться страховые договоры с домовладельцами и собственниками другого имущества в уезде. На новые органы самоуправления также легла обязанность следить за пожарной безопасностью в селениях и уменьшением последствий для жителей.

Одной из таких мер было введение системы взаимного страхования сельской местности. В Лаишевском уезде она была введена в 1867 г. Однако была настолько несовершенной, что сумма

³ ГА РТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 8331. Л. 1 – 2.

вознаграждения в первое время превышала страховые сборы, и земство не могло потянуть подобные расходы. Так, в течение 1867 г. произошло 39 пожаров, истребивших 584 дома, компенсация за которые превысила 34 тысячи рублей, а собрано было по страховому окладу в 1,5 раза меньше⁴.

Чтобы не работать себе в убыток, земство на основании постановления губернского земского собрания от 18 декабря 1888 г. ввело должность страховых агентов. Они проверяли общие страховые ведомости по обязательному страхованию, инспектировали дворы на предмет соблюдения правил пожарной безопасности и составляли акты на нарушителей, регулировали оценку имущества, фиксировали размер пожарных убытков, а также следили за сохранностью пожарных инструментов⁵.

«Высокий сезон» пожаров начинался с установлением теплой погоды в мае и продолжался до сентября включительно, часто вспыхивая в одних и тех же селениях, поскольку причины не устранялись. Так, с 1 июля 1888 по 1 июля 1889 г. неоднократно горели деревни Сорочьи Горы, Новая Ырга, Кугарчино, села Алексеевское, Державино. Тогда по дознаниям о причине было возбуждено 19 дел. В следующем отчетном году вновь четыре раза горело с. Алексеевское, а кроме него, – Татарские Саралы, Мысы, Елагино, Тетево, Шумково, Брехово, Епанчино⁶, Юлсубино⁷.

По свидетельству одного из страховых агентов г. Корякина, в татарских селениях пожары бывали реже и то от самоваров, которые ставились в сенях изб, дымовые же трубы содержались исправно. Тогда как в русских селениях, при небрежном обращении с огнем, пожары происходили часто от неисправности дымовых труб и неправильной их эксплуатации даже в период усиленной

⁴ Отчет Лаишевской уездной земской управы о состоянии уездного земского хозяйства в 1867/1868 г. – Казань: Губ. тип., [б.г.]. – С. 25.

⁵ Отчет Лаишевской уездной земской управы о состоянии уездного земского хозяйства и о действиях уездной управы в 1888/1889 г. – Казань: Типо-лит. А.А. Родионова, 1889. – С. 17.

⁶ Исчезнувшее село в Лаишевском районе РТ.

⁷ Отчет Лаишевской уездной земской управы о состоянии уездного земского хозяйства и о действиях уездной управы в 1889/1890 г. – Лаишев: Тип. Ковалевой, 1890. – С. 18.

топки – зимой. По мнению страхового агента г. Корякина, необходимо в каждом селении завести наемного трубочиста. Однако из ежегодных отчетов управы видно, что проблема неисправных труб так и не была решена. Например, к 1897 г. свыше 37% возгораний начиналось по причине неправильного устройства печных труб. При этом население не прислушивалось, сельское начальство бездействовало или даже нарушало правила пожарной безопасности. Так, в 1897 г. страховым агентом был составлен акт на старосту в Карадулях Василия Захарова, труба на доме которого не была выбелена, одна сторона ее стала обрушаться⁸.

Самые крупные пожары приходятся на неурожайные годы. Так, пожары 1890 г. стали самыми масштабными за последние 8 лет, они свирепствовали на пространстве почти всего уезда и даже в зимние месяцы (в январе – 24, ноябре – 37, декабре – 23), всего зафиксировано 295 пожаров и 1410 потерпевших домохозяев. Сумма страховых выплат составила свыше 145 тысяч рублей.

Масштабы распространения говорят о том, что пожары имели «характер как бы эпидемического поражения огнем нескольких местностей». Так, почти полностью сгорела деревня Пелова⁹ – здесь выгорело 126 домов, сильно пострадали села Саконы и Троицкий Урай¹⁰ – по 103 дома в каждом¹¹.

В 1891 г., когда за неурожаем последовал голод, опять горели деревни одна за другой – Сингели и Сорочьи Горы – 7 раз, Большая Елга и с. Алексеевское – 10 раз.

И хотя в ряде случаев причинами послужили неосторожность или неисправное содержание дымовых труб и печей, однако в большинстве случаев причины не установлены. По отзыву страхового агента г. Корякина, оценка застрахованных им крестьянских домов самая умеренная, что исключало случаи самоподжогов. Од-

⁸ Отчет Лаишевской уездной земской управы о состоянии уездного земского хозяйства и о действиях уездной управы в 1897/1898 г. – Казань: Типо-лит. И.Н. Харитонова, 1898. – С. 21.

⁹ Возможно, совр. с. Пелево Лаишевского района РТ.

¹⁰ Совр. с. Троицкий Урай Рыбно-Слободского района РТ.

¹¹ Отчет Лаишевской уездной земской управы о состоянии уездного земского хозяйства и о действиях уездной управы в 1889/1890 г. – Лаишев: Тип. Ковалевой, 1890. – С. 15.

нако на всякий случай, дабы избежать осознанных поджогов с целью получения компенсаций, страховые агенты произвели переоценку крестьянских построек с уменьшением их стоимости. Но были примеры расправы крестьян с односельчанами с помощью поджогов. Так, под подозрением оказались жители д. Ямашево Урахчинской волости, где трижды пожары начинались у «мужиков хлебных», к которым бедняки неоднократно обращались за ссудой хлебом, но получали отказ¹².

После понижения оценки имущества удалось добиться сокращения числа пожаров. Так, в 1892 г. было 83 пожара (пострадало 514 дворов), в 1893 – 79 (330 дворов), в 1894 – 78 (203 двора). Соответственно снижалась и сумма выплат – с 33918 рублей в 1892 г. до 9578 рублей в 1894 г. Отметим, что на страховых агентов поступали жалобы от жителей на производимую ими переоценку¹³.

А чтобы исключить пожары по неосторожности агенты предложили, кроме кратковременного ареста нерадивых крестьян, лишать виновных вознаграждения за пожарные убытки.

Несмотря на обязательный характер страхования построек, земство ежегодно недополучало в виде сборов от 15 до 20 тысяч, а суммарный долг недоимщиков превышал 100 тысяч рублей. Например, с Мансурово нередко фигурировало в пожарных хрониках местной периодики, и в каждой заметке отмечалось, что после пожаров, уничтожавших десятки и сотни дворов, жители оставались ни с чем¹⁴. Из июльского номера газеты «Камско-Волжская речь» за 1914 г. мы узнаем о грандиозном пожаре в с. Чирпах, уничтожившем до основания 65 крестьянских дворов, со всеми постройками. Сгорело много имущества и домашней птицы. Пожар произошел по неосторожности. И здесь большое количество сгоревших дворов было не застраховано. Многие из погорельцев остались без крова и жилища и лишились самого необходимого¹⁵.

¹² Там же. – С. 18.

¹³ Там же. – С. 19.

¹⁴ Лаишевский уезд. Заживо сгоревшие. Грандиозный пожар // Камско-Волжская речь. – 1914. – №140 (25 июня); Лаишевский уезд. Пожар // Камско-Волжская речь – 1914. – №154 (13 июля).

¹⁵ Лаишевский уезд. Грандиозный пожар // Камско-Волжская речь. – 1914. – №158 (13 июля).

К сожалению, страховые выплаты не распространялись на сгоревший скот, домашнюю птицу, а нередко именно они являлись основным источником пропитания и заработка. Нельзя было застраховать домашнюю утварь. Для защиты определенных видов движимого имущества земство ввело страхование на добровольной основе. Оно распространялось на хлеб, корм для скота и пр. Этим охотно пользовались состоятельные собственники, главным образом, торговцы. Только страховка могла компенсировать ущерб от пожаров на пристанях, торговых рядах и складах с хлебными запасами. К примеру, пожар в августе 1913 г., вспыхнувший на Антоновской пристани в с. Алексеевском, несмотря на оперативные действия пожарной дружины, уничтожил 3 лабаза, в которых сгорело до 500 пуд. ржаной муки и 150 ходов саней. Общий убыток доходил до 4 тысяч рублей. Однако предусмотрительные торговцы все строения застраховали¹⁶.

Приведем другой пример. В результате поджога, совершенного крестьянином К.Е. Константиновым в одной из деревень Державинской волости, были уничтожены 24 дома со всеми надворными постройками. Убыток только по земскому страхованию составил 4458 рублей. В то время как прочее имущество застраховано не было. Разъяренные жители, поймав преступника, едва не устроили самосуд¹⁷. На дворе был 1912 г., пожары уничтожали целые селения из года в год, но существовала возможность застраховать не только недвижимость, тем не менее крестьяне по-прежнему продолжали надеяться на авось.

Поскольку пожары вспыхивали с устрашающей регулярностью, губернское собрание решило всерьез заняться предупреждением возгораний или хотя бы уменьшением их губительности. Прежде всего, уездным управам и волостным правлениям вменялось наблюдать, чтобы на месте сгоревших домов застройка велась по требованиям строительного устава – новые постройки не должны стеснять прежние, не допускалось застраивание площадей, улиц и переулков. В качестве руководства в волостные правления стали поступать из губернской управы новые планы селе-

¹⁶ Алексеевское (Лаишевского уезда). Пожар на пристани // Камско-Волжская речь. – 1913. – №190 (29 авг.).

¹⁷ Лаишев. Поджог // Камско-Волжская речь. – 1912. – №160 (19 июля).

ний, предусматривавших перенос за пределы селений бань, землянок и парников для «гнутья ободьев» и даже новых домов. Перенос усадьбы был предусмотрен для селений, насчитывавших 100 и более дворов.

Однако не все крестьяне сочувствовали данным распоряжениям. И управе приходилось воздействовать на население через уездную полицию. Понимая, что крестьяне будут продолжать застраиваться внутри селений, уездное собрание просило губернское не распространять этот запрет на строения, обложенные камнем и засыпанные землей.

К середине 1880-х гг. практически все селения Лаишевского уезда имели утвержденные губернатором планы, кроме вновь образованных четырех селений, в которых поселились семьи отставных нижних чинов, получивших земельные наделы из казенных земельных угодий¹⁸: Иванаевка¹⁹, Большая Солдатская Слобода, Малая Солдатская Слобода, Княжна²⁰.

Земля под новые строения отводилась согласно «Правил о мерах предосторожности от пожаров вне городских поселений и о возведении сельских построек в Казанской губернии»²¹. За отвод мест по планам отвечал волостной старшина при участии общества. Надо сказать, что каждый владелец усадьбы старался по возможности остаться на прежнем месте, хотя и полагалось пособие от земства для покрытия расходов по переносу дома. Возникла масса претензий, подавались жалобы на неправильность распоряжений по отводу участков, производилось много самоуправных построек. Иногда жители не отказывались от перепланировки, но требовали учесть их пожелания. И управа соглашалась на новые планы уже согласно приговору сельского общества. Так, пересоставлены были планы

¹⁸ Отчет Лаишевской уездной земской управы о состоянии уездного земского хозяйства и действиях уездной управы в 1885/1886 г. – Казань: Тип. Губ. правл., 1886. – С. 22.

¹⁹ Совр. д. Иванаево Рыбно-Слободского района РТ.

²⁰ Исчезнувшие населенные пункты.

²¹ Правила о мерах предосторожности от пожаров вне городских поселений и о возведении сельских построек в Казанской губернии, составленных и утвержденных в порядке указанном ст. 1937, 1938 и 1940 т. II Свода законов, издания 1876 г. [Текст]. – Казань: [б. и., б. г.]. – 44 с.

для селений Новый Арыш, Державино, Шумбут, Куюки, Люткино, Бима. Если дела выходили за рамки компетенции управы, то агент-техник управы или волостной старшина составляли акт для передачи на рассмотрение судебных мировых учреждений.

Такое отношение населения тормозило порядок приведения селений в соответствие с планом. Само общество закрывало глаза на действия своих односельчан, игнорировавших новые планы, поэтому нарушения устранялись только при условии их выявления агентом-техником или волостным старшиной. А если обнаруженная незаконная постройка успевала простоять не менее 6 месяцев, то штраф не налагался. Так, только в период с 1 июля 1884 по 1 июля 1885 г. было возбуждено целых 32 дела за нарушение строительных правил, из них решено 27. По 3 делам обвинение доказано не было, по 22 присудили снести неправильные постройки, по остальным 2 делам владельцы подверглись штрафу без сноса строений²².

Однако даже перепланировка не могла исключить распространение огня по всей деревне. Например, пожар, вспыхнувший в с. Мысы субботним майским днем 1913 г., при очень сильном ветре за час уничтожил 83 двора. Возгорание началось с бани в три часа дня, потом огонь по навозу перешел уже на двор. Многие домохозяева находились на работе, поэтому никому не удалось спасти свое имущество, сгорел даже новорожденный младенец, оставшийся без присмотра. Более того, в тот день стадо было пригнано пастухом с поля пораньше. Испуганные животные сами лезли в огонь. У большинства огонь уничтожил весь хлеб и лён, семена которого хранились дома, так как посев еще не начинали. Оценивая масштабы бедствия, корреспондент, сообщавший об этом в газете, восклицал: «Хватит ли у мысовцев (средств – М.Е.), чтобы поправиться от ужасного бедствия?»²³.

Чтобы препятствовать стремительному распространению огня при сильном ветре земская управа организовала посадку листовых деревьев в селениях. Однако крестьяне отказывались

²² Отчет Лаишевской уездной земской управы о состоянии уездного земского хозяйства и действиях уездной управы в 1884/1885 г. – Казань: Тип. Казан. ун-та, 1885. – С. 21.

²³ Мысы (Лаишевского уезда). Пожар с человеческой жертвой // Камско-Волжская речь. – 1913. – №102 (9 мая).

брать саженцы, считая эту меру «совершенно излишней и праздною лишь затею начальства»²⁴. Некоторые общества не противостояли в открытую посадке деревьев, а находили разные поводы избежать новой повинности. Например, в Казылях жители не посадили деревья, ссылаясь на ранние морозы, а весной – на начавшиеся полевые работы. По этой же причине мансуровское общество приговорило отказаться от получения 9000 саженцев из казенных дач. Вследствие этого управа обратилась к земскому начальнику 2-го участка оказать содействие к приведению в исполнение мансуровцами постановлений губернского земского собрания. Алексеевское же общество отказалось исполнить требование старшины, указывая на то, что ими уже неоднократно были посажены молодые деревца, но те погибали.

А иногда, даже посадив деревья, последние погибали во время пожаров не став естественным ограждением от огня, что в очередной раз демонстрировало крестьянам бесполезность навязываемой меры. Так было, например, во время пожаров в Карадулях Чемерецкой волости и Саконах Алексеевской волости, где сгорели 5-летние саженцы 1883 г. посадки, так и не защитив от распространения пламени. Отказывались от посадки деревцев Шатковское и Кукеевское сельские общества Карабаянской волости²⁵.

Уклонение сельских обществ не заставило уездную управу отказаться от принудительной посадки деревьев. Хотя мера и была безуспешной – либо по причине нежелания крестьян заниматься рассадкой, либо потому, что даже молодые деревца уничтожались животными.

Организация противопожарных мер в Лаишевском уезде включала в себя закупку огнетушительных средств. По прошениюм управы в Лаишевский уезд бесплатно высылались пожарные трубы, огнетушительная жидкость. За сохранностью пожарных инструментов велся контроль. Списки недостающих снарядов, нахо-

²⁴ Отчет Лаишевской уездной земской управы о состоянии уездного земского хозяйства и действиях уездной управы в 1884/1885 г. – Казань: Тип. Казан. ун-та, 1885. – С. 23.

²⁵ Отчет Лаишевской уездной земской управы о состоянии уездного земского хозяйства и о действиях уездной управы в 1889/1890 г. – Лаишев: Тип. Ковалевой, 1890. – С. 22.

дившихся в распоряжении сельских обществ, страховые агенты направляли в полицию с просьбой настоять об их восстановлении, а земская управа с соответствующей просьбой обращалась к земским начальникам.

Земская управа часто отмечала небрежное содержание пожарного обоза и неумелое обращение с ним, из-за чего «это средство почти ничтожно» в борьбе с огнем. А в летнюю пору и вовсе бесполезно, так как во время сенокоса и жнитвы все рабочее население в поле и некому тушить пожар. Возможно, по этой причине земство не всегда охотно снабжало сельских добровольцев пожарными инструментами. Так, в июньском номере газеты «Камско-Волжская речь» за 1912 г. появилась критическая заметка лаишевского земства, не предоставившего необходимых огнетушительных средств пожарной охране, сформированной в с. Мансурове из местной молодежи. «...местный священник о. Яхонтов еще в 1911 г. предложил нескольким молодым крестьянам образовать добровольную пожарную дружину, на что крестьяне охотно согласились. Весной 1911 г. было созвано учредительное собрание, составили протокол, подписали устав, прошение и все это для надлежащего утверждения направили по инстанциям. В июле последовало и разрешение на открытие дружины с распространением ее деятельности на ближайшие соседние селения. Дружинники чувствовали себя отлично: вот дескать мы заводим хорошее, полезное дело... 15 августа на собрании избрали попечителя, старосту и написали прошение в губернскую земскую управу о выдаче пособия в 200 рублей на огнетушительные снаряды, а также и об отпуске бесплатно пожарной трубы. Но прошение опоздало и в сентябре последовал от управы ответ, что ассигновка на противопожарное дело исчерпана и ходатайство может быть удовлетворено только в 1912 г. Учредители не унывали и в октябре подали новое прошение, но на это прошение никакого ответа не получили; весной 1912 г. послали третье прошение и опять не дождались ответа. После такой неудачи дружинники теперь озадачены, рвение их охладело, а односельчане начали над ними подтрунивать. Между тем лето наступило, каждый день ждем пожара, а ответа нет как нет. Написали и послали 4-е прошение и опять ждем. Интересно знать,

сколько нужно прошений для того, чтобы пронять земство? А ведь и дело-то маленькое – все только о пожарной дружине?»²⁶.

Отметим, что, несмотря на описанную в статье угрозу массового пожара и порыв крестьян самостоятельно бороться с огнем, из этого же источника мы узнаем, что мансуровцы пренебрегали правилами пожарной безопасности: «...село построено очень густо, дворы сидят тесно, избы крыты отчасти тесом и железом, отчасти соломой, а дворы представляют непрерывную линию соломенных крыш. Правда, крыши эти раскрываются большей частью, весной на корм скоту, но все-таки постройки эти представляют хорошую пищу красному петуху, поэтому пожары в Мансурове редко ограничиваются 5–20 домами, а большей частью уничтожают по 80–120 домов»²⁷.

И такая картина наблюдалась повсеместно в уезде. С этим лаишевское земство пыталось бороться еще в конце 80-х гг. XIX в., предложив всем обществам воспользоваться пособием на устройство соломенно-ковровых крыш – изобретение Красноуфимского реального училища. Однако тогда жители не охотно подавали прошения на замену крыш, и, к примеру, за 1888/1889 отчетный год в управу поступило лишь 1 заявление крестьянина с. Корноухова, Алексея Вадимова, устроившего такие крыши на житнице и холодных строениях. Однако сама изба осталась перестроенной, и управа отказала ему в премии. Со временем было решено, что идея замены соломенных крыш на соломенно-ковровые без будущего в виду сложности приготовления, сравнительной дороговизны и непрочности. В ряде селений – в Урахчинской и Масловской волостях – получили распространение постройки из дикого камня, известняка, который можно было использовать даже в нетёсаном виде. Но поскольку их крыли соломой, то премий от земства не поступало²⁸. Тем не менее премии от земства и занижение оценки за

²⁶ Мансурово (Лаишевского уезда). Земская волокита // Камско-Волжская речь. – 1912. – №140 (23 июня).

²⁷ Мансурово (Лаишевского уезда). Земская волокита // Камско-Волжская речь. – 1912. – №140 (23 июня).

²⁸ Отчет Лаишевской уездной земской управы о состоянии уездного земского хозяйства и о действиях уездной управы в 1897/1898 г. – Казань: Типо-лит. И.Н. Харитоновна, 1898. – С. 22.

пожароопасные строения побуждали крестьян все чаще подавать прошения на устройство огнеупорных изб и крыш.

Таким образом, игнорирование требований земства о переносе построек на плановые места, готовность земства идти на уступки крестьянам, желавшим остаться в пределах своей усадьбы, мягкие наказания за нарушение предписаний, не позволяли обезопасить селения от распространения огня в случае возгорания. Такие недостатки были обусловлены бедностью и неразвитостью крестьян, но ликвидировать в короткие сроки эти причины земство было не в состоянии. Поэтому пожары продолжали оставаться характерным явлением сельской жизни, хотя их число снижалось благодаря усилиям земцев. Наиболее эффективной мерой земства стало страхование, благодаря которому сельские жители могли восстановиться после бедствия, отстроив заново жилище, обзавестись хозяйственными постройками, получить компенсацию за сгоревшее зерно или фураж.

Глава 6.

Культурно-образовательное пространство

§ 1. Земская учительская интеллигенция

Земские училища стали новым типом учебного заведения в пореформенный период. По объему преподавания они представляли собой одноклассные народные училища с трехгодичным курсом. Лаишевское земство открывало школы с нуля или брало под свое управление уже существовавшие сельские училища. Однако первое время уездные органы самоуправления, занятые организационными вопросами, оставили школьное дело без должного внимания. В итоге некоторые образовательные учреждения, перешедшие в ведение земства, не финансировались и закрылись. И продолжили существование только те школы, которые содержались на частные средства, в них учителя работали на голом энтузиазме, не получая никакого жалованья¹.

В 1866 г. земское пособие было назначено только двум школам, еще 6 перешли на субсидирование через год². Но в целом, лаишевское земство довольно быстро наращивало количество подведомственных учебных заведений. Если в 1869 г. 1 училище приходилось на 245 кв. верст, то спустя десятилетие – на 99 кв. верст³. Денежной поддержки удостаивались наиболее перспективные сельские школы. Так, в 1873 г. на содержание земства перешла приходская школа в с. Мансурове Сараловской волости, дей-

¹ Ивановский В.В. Опыт исследования деятельности органов земского самоуправления в России: уезды – Слободской Вятской губернии и Лаишевской Казанской губернии. – Казань: Унив. тип., 1881. – С. 256.

² Отчет Лаишевской уездной земской управы о состоянии уездного земского хозяйства в 1867/68 г. – Казань: Губ. тип., 1868. – С. 22.

³ Ивановский В.В. Опыт исследования деятельности органов земского самоуправления в России: уезды – Слободской Вятской губернии и Лаишевской Казанской губернии. – Казань: Унив. тип., 1881. – С. 255.

ствовавшая с 1861 г. А в 1876 г. статус земского получило начальное училище с. Шармаши Ключищенской волости, открытое на средства прихожан местным священником еще в 1868 г.⁴

Общее количество земских школ в Лаишевском уезде в 1888 г. составило 48, из них 2 в городе, а в 1907 – 92. Вместе с учреждением школ постепенно росли ряды учительства. На каждое учебное заведение приходилось не более одного преподавателя светских дисциплин, поэтому количество учителей соответствовало числу училищ.

Для трудоустройства в земскую школу достаточно было иметь начальное образование и сдать экзамен на звание сельского учителя. В 1878 г. на их долю приходилось 84,5% земских преподавателей. Однако при найме старались отдавать предпочтение лицам со средним образованием, о чем свидетельствуют следующие статистические сведения. В 1878 г. на их долю приходилось только 15,5%. Среди них имелись выпускники непрофильных учебных заведений. Так, в Державинском училище свыше 10 лет проработал местный житель, фельдшер по образованию. А учитель Рождественского училища окончил курс в военной прогимназии⁵. Но за десятилетие качественный состав педагогов значительно улучшился. В 1888 г. 43,7% учителей являлись выпускниками учительских семинарий и Казанской земской школы, еще по 4% приходилось на окончивших гимназии и духовную семинарию⁶.

Для подготовки кадров каждое земство старалось направлять своих стипендиатов в Казанскую земскую школу, открытую в 1871 г. Однако в ней не успевали готовить учительский персонал, спрос на который увеличивался по всей губернии. В 1888 г. в Лаишевском уезде насчитывалось всего 18 выпускниц данного учебного заведения. И все чаще вакансии в открываемых школах замещали бывшие гимназистки. Этому же способствовали действо-

⁴ Список населенных мест Казанской губернии, с кратким описанием их. Лаишевский уезд / Сост. Износков И.А. – Казань: Тип. Губ. правл., 1893. – С. 31, 679.

⁵ Журнал Министерства народного просвещения. – Т. 188. – 1876. – С. 77.

⁶ Отчет Лаишевской уездной земской управы о состоянии уездного земского хозяйства и о действиях уездной управы в 1888/1889 г. – Казань: Типо-лит. А.А. Родионова, 1889. – С. 29.

вавшие законы. «Положение о женских гимназиях и прогимназиях» 1870 г. предоставляло ученицам прогимназий право получения звания «первоначальных учительниц и учительниц народных училищ»⁷, если они в течение полугода работали помощницами в начальной школе.

Приток воспитанниц гимназий и прогимназий в земскую школу отразился на квалификационном составе учителей. В 1907 г. на их долю приходился 31,5% преподавателей. Такой же процент педагогов имели диплом специально-педагогических учебных заведений. 14% учителей вышли из епархиальных училищ. Но этих специалистов не хватало, и земство продолжало нанимать лиц с начальным образованием, допущенных к должности через экзамен, – это свыше 20% земских учителей. А один человек и вовсе не обладал правом преподавания⁸.

Увеличение числа преподавателей с гимназическим образованием вело к численному преобладанию учительниц в школьном коллективе. Если к середине 1880-х гг. соотношение земских учителей обоих полов было одинаковым, то, по данным 1907 г., доля женщин увеличилась до 70%, причем количество мужчин не изменилось.

Поскольку в школу приходили люди с разным уровнем профессиональной подготовки, то земство уделяло большое внимание повышению квалификации кадров. Одним из направлений этой деятельности стало учреждение учительских библиотек. Учебники и книги для внеклассного чтения закупали со скидкой в книжном магазине А.А. Дубровина в Казани, книги духовного содержания – в Духовном совете при Святейшем синоде. Но при отдельных школах библиотек не существовало, поэтому учителя пользовались передвижной.

Вторым важным способом повышения профессионального мастерства кадров стали образцовые уроки, которые проводили более опытные педагоги или инспектора, выявлявшие недостатки в преподавании земских учителей.

⁷ ПСЗ–2. – Т. 39. – №40457. – С. 1.

⁸ Отчет Лаишевской уездной земской управы о состоянии уездного земского хозяйства и о действиях уездной управы в 1907/1908 г. – Казань: Тип. Д.М. Гран, 1908. – С. 107.

Но самым значительным событием в жизни земской школы стали учительские курсы. Для повышения квалификации учителей начальных школ, половина которых имела только начальное образование, лаишевское земство в 1915 г. предложило организовать педагогические курсы. Получив поддержку этой инициативы от губернских властей, в земство на эти цели поступили из Министерства народного просвещения 3000 рублей. Курсы стали проводиться с лета 1916 г.⁹

Кроме преподавателей светских дисциплин, в штате были законоучители. В основном, ими становились священнослужители местного прихода. По данным на 1885 г., из 46 преподавателей Закона Божьего только один не имел священного сана, остальные 44 являлись священниками и 1 – дьяконом. Приглашение на эту должность человека не духовного звания вызвано нехваткой священнослужителей. Так, в 1890 г. законоучителем в с. Венета стала крестьянка, окончившая Казанскую земскую школу.

Довольно часто законоучители вели занятия бесплатно, поскольку обучение детей прихожан было одной из традиционных обязанностей. Касалось это, главным образом, тех священников, которые преподавали в церковно-приходских школах, позднее ставших земскими. От оплаты труда священника могли отказаться и сами жители. Например, Алексеевское мужское училище обеспечивалось приходом, но после перехода в ведение земство в 1867 г. все хозяйственные расходы легли на сельское общество. Раскольники, входившие в общину, не собирались отдавать своих детей на обучение, поэтому отказались участвовать в содержании школы. И общество не смогло составить приговор, только на основании которого земство могло назначить содержание. По этой причине законоучитель Иаков Воронов работал бесплатно.

⁹ Саматова Ч.Х. Из истории школьного образования в городе Лаишево (XIX – начало XX в.) // История России и Татарстана: Итоги и перспективы энциклопедических исследований: сборник статей итоговой научно-практической конференции научных сотрудников Института Татарской энциклопедии АН РТ (г. Казань, 25–26 июня 2014 г.). – Казань: Фолиант, 2014. – Вып. 6. – 524 с. – С. 291–311 [Электронный ресурс] URL: <https://kzref.org/akademiya-nauk-respubliki-tatarstan.html?page=37> (дата обращения: 28.01.2022).

Среди преподавателей Закона Божьего встречалось немало священнослужителей, имевших богатый педагогический и административный опыт. Так, до прихода в Белкинское земское училище местный священник успел проработать на поприще народного образования почти 40 лет. Тремя десятками лет исчислялся педагогический стаж его коллег, взятых в Алексеевское и Лаишевское мужские училища. В этой связи показателен пример выпускника духовной семинарии, приходского священника с. Шармаши П.П. Соколова. В основанной им школе на протяжении 21 года он безраздельно являлся «и учителем, и законоучителем, и руководителем, и воспитателем»¹⁰. Когда же учебное заведение перешло под управление земства, то отец Павел занял должность второго учителя, а в качестве основного педагога была приглашена учительница со специальным педагогическим образованием, окончившая курс в Казанской учительской женской семинарии. Однако возникшие расхождения в методике преподавания породили конфликты с новым педагогом, что вынудило Соколова подать прошение об оставлении за ним только его основного предмета – Закона Божьего¹¹.

Законоучители, уступившие первенство новому поколению учителей, сохранили за собой роль духовных наставников для школьников и их родителей. И там, где удавалось достичь согласия с прихожанами, совместными усилиями открывали новые школы. К примеру, выпускник духовной семинарии, бывший священник с. Селенгуш Лаишевского уезда Ф.Н. Сосунцов, перейдя в Каймарский приход в Казанском уезде, открыл в с. Хотня школу в собственном доме и бесплатно вел занятия несколько лет. Затем, вернувшись в Селенгушский приход, вновь взялся за народное образование и преподавал Закон Божий в православной школе Братства Св. Гурия в с. Альведино, в селенгушском земском училище и в двух школах Селенгушской волости, которые он основал на деньги прихожан в 1886–1887 гг. Независимо от местности, в которой жил и работал отец Федор, ему удавалось найти общий язык с учителями-коллегами, чему способствовали природная мягкость характера, деликатное отношение к окружающим. По свидетельству совре-

¹⁰ Боголюбов А. Воспоминания по поводу одного юбилея // Известия о Казанской епархии. – 1904. – №21 (1 июня). – С. 678.

¹¹ Там же.

менников, его поведение сформировалось в период близкого общения с хотнинскими помещиками Перцовыми: «В кругу интеллигентного общества молодой о. Федор, вместе с умением держать себя, приобрел знание жизни и людей, охоту к чтению и навык в литературной разговорной речи, свободной от бурсацких выражений...»¹².

Но некоторые священнослужители никогда не преподавали в церковно-приходских школах, и земское училище становилась началом педагогической карьеры. Например, священник Павел Трофимов поступил законоучителем в Анатышское училище в 1892 г., практически сразу по окончании Казанской духовной семинарии. Выпускник Уфимской духовной семинарии всю жизнь проработал только в Лаишевском мужском земском училище, придя сюда в 1875 г.¹³

Каждая школа становилась учебным центром для целой округи. К примеру, начальное земское училище в с. Венета Аркатовской волости посещали дети из окрестных деревень: 3 мальчика и 4 девочки были из соседней Ермоловки, находившейся в 1 версте от школы, такое же расстояние преодолевали 11 мальчиков и 1 девочка из Красногорки, еще по 1 ребенку приходили из Андреевки и Михайловки¹⁴. Всего же при 23 селениях в Аркатовской волости насчитывалось лишь 3 земских училища. Аналогичная ситуация была в Алексеевской, Бетьковской, Державинской волостях. Но были благополучные волости, как например, Астраханская, в которой на 8 селений приходилось 5 земских училищ, а также имелись церковно-приходская, школа грамотности и мектеб.

Недостаток земских учебных заведений приводил к тому, что в одной школе обучалось по полсотни и более детей. В зависимости от численности учащихся могли быть приглашены помощники, как это было, например, в Алексеевском мужском училище, где обучалось больше 120 мальчиков. Здесь в 1887 г. эту должность

¹² Священник Ф.Н. Сосунцов (Некролог). (Продолжение) // Известия Казанской епархии. – 1906. – №43 (15 нояб.). – С. 1366.

¹³ РГИА. Ф. 91. Оп. 3 Д. 415. Л. 14.

¹⁴ Материалы для истории народного образования в Лаишевском уезде. – Казань: Тип. «Казанского Биржевого Листка», 1887. – С. 34.

заняла молодая дворянка Зиновья Пантелеева¹⁵, окончившая курс в чистопольской прогимназии. Но, как правило, педагоги были вынуждены обходиться своими силами. Это касается Шумковско-го, Ошняковского, Верхне-Сердинского, Урахчинского и Казыльского соединенного училища, насчитывавших довольно много детей – по 60–80 человек¹⁶. Поэтому требовался педагог, который мог заниматься хотя бы с младшим отделением. В 1885 г. на весь уезд приходилось всего 10 помощников, но по мере возможности земство расширяло штат, доведя их число до 20 в 1905 г. Круг обязанностей помощников не был строго очерчен, и это порождало конфликты со старшими учителями. Более того, оба педагога вынуждены были вести занятия в одном классном помещении, что, конечно же, снижало эффективность образовательного процесса. Как следствие возникали «путаница и взаимное сваливание педагогических грехов друг на друга»¹⁷.

Большое количество желающих обучаться в бесплатной земской школе вынуждало отказываться в приеме детей, и лишь некоторые учителя на свой страх и риск набирали классы сверх возможностей помещения училища, вводя по две смены. Поскольку учителю приходилось вести занятия практически весь день – с 9 до часу – для первой группы учеников и с часу до 5 – для второй, то это сказывалось на эффективности преподавания. Например, учитель Белкинского (Чертовского) земского училища не справился с возросшей часовой нагрузкой, что привело к снижению успеваемости. Там же, где удавалось найти благотворителей, начальные школы переводили в более просторные дома. Например, из-за тесноты училища в с. Елань несколько ребят пропускали уроки до тех пор, пока не была обустроена новая школа в здании, пожертвованном г-жей Новиковой¹⁸. А закрытая в 1891 г. школа в д. Сокуры че-

¹⁵ РГИА. Ф. 91 Оп. 3 Д. 415. Л. 20.

¹⁶ Отчет Лаишевской уездной земской управы о состоянии уездного земского хозяйства и о действиях уездной управы в 1889/1890 г. – Лаишев: Тип. Ковалевой, 1890. – С. 27.

¹⁷ Там же. – С. 109.

¹⁸ Отчет Лаишевской уездной земской управы о состоянии уездного земского хозяйства и действиях уездной управы в 1885/1886 г. – Казань: Тип. Губ. правл., 1886. – С. 29.

рез год возобновила свою деятельность в отдельном доме, построенном на средства землевладелицы О.А. Лебедевой¹⁹. Другие помещики Лаишевского уезда также участвовали в устройстве школ. В частности, П.И. Берстель предоставил здание под школу в с. Казыли.

Очевидным было, что выбор здания для школ во многом определял успех учебного процесса, влиял на посещаемость занятий, успеваемость детей. По свидетельству Лаишевской земской управы, лучшие в плане санитарно-гигиенической обстановки находились в селениях Смолдеярове, Емельянове, Люткине. Довольно удовлетворительно оценивалось мужское училище в г. Лаишев, но отмечался недостаток вентиляции, из-за чего к концу занятий воздух застаивался и отрицательно сказывался на самочувствии учеников и педагогов. По этой причине врачи требовали строить школы, руководствуясь их указаниями, поскольку даже новый дом мог иметь грубые и непоправимые недостатки. Иллюстрацией может служить Алексеевское мужское училище, которое размещалось в прекрасном здании с высокими потолками, но окна располагались неправильно – свет, проникавший в комнату, бил прямо в глаза, что, по мнению доктора А. Амстердамского, вредно отражалось на зрении и внимании учеников.

Преобладающая часть образовательных учреждений находилась в ветхих избушках, а не в специально выстроенных зданиях, поэтому «достаточным содержанием воздуха... не может похвалиться ни одна из школ»²⁰. А кроме отсутствия вентиляции, имелась масса других проблем. К примеру, Шуранская школа была «сырая, низкая, темная, очень холодная, с задхлым воздухом»²¹, помещение класса тесное, окна – небольшие. Скамей и парт всего

¹⁹ Саматова Ч.Х. Из истории организации и функционирования сельских учебных заведений на территории Лаишевского района Республики Татарстан во второй половине XIX – начале XX в. // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2016. – №05. – С. 42–46.

²⁰ Там же.

²¹ Отчет Лаишевской уездной земской управы о состоянии уездного земского хозяйства и действиях уездной управы в 1890/1891 г. – Казань: Тип. Губ. правл., 1891. – С. 26.

З, и те были устроены кое-как: парты без всякого наклона, расположены так, что ученик загораживал свет. Сельские общества неохотно исполняли свои обязательства, и почти во всех училищах уезда хозяйственная часть школьного обихода велась беспорядочно и случайно. А пребывание в некоторых школах становилось опасным для жизни. К числу аварийных относились здания Пановского, Уреево-Челнинского, Анатышского, Кульгинского – они протекали и могли обрушиться в любой момент, а зимой отапливались неисправно. Но сельские старосты не пытались привести их в надлежащий порядок. В начале XX в. школ, малопригодных для обучения, насчитывалось полтора десятка.

Некоторые земства по собственной инициативе проводили серьезные исследования санитарного состояния в училищах, стараясь с учетом полученных результатов внести улучшения. Например, в Слободском уезде Вятской губернии земство детально изучило гигиеническую обстановку в земских школах с научных позиций. Но на общероссийском уровне нормативно-правовой базы не существовало до начала XX в. Лаишевское земство довольно поверхностно относилось к благоустройству классных комнат, ограничивая проверку осмотром без должного анализа. По итогам ревизий члены управы давали в своих отчетах короткие справки о вентиляции, освещенности, вместимости помещений и температуре в них, при этом не основываясь на современных требованиях школьной гигиены.

В городах материально-техническое обслуживание школы могло быть возложено на учителя. Например, в 1885 г. учительница Лаишевского женского земского училища за дополнительную плату в размере 60 рублей, отапливала помещение. А в сельской местности на учителя могли возложить обязанность следить за отхожими местами и своевременно нанимать крестьян для их очистки²².

Поскольку размер здания и общее его состояние влияли на набор школьников, то лаишевское земство поделило все подведомственные училища на три разряда в соответствии с численностью детей. Эта же классификация отразилась на оплате труда, поскольку учитывала нагрузку педагогов. В 1890 г. размер оклада варьировался от 156 до 240 рублей. К 1 разряду были причислены

²² Журнал Министерства народного просвещения. – Т. 158. – 1871. – С. 176.

13 школ с годичным жалованием преподавателя 240 рублей, помощникам были назначены по 144 рублей, законоучителям – по 60 рублей. В остальных двух разрядах помощников не было, значительно ниже был и оклад. В школах 2 разряда учителя получали по 180 рублей, 3 разряда – 156 рублей. Вознаграждение законоучителей в школах обоих разрядов составляло 40 рублей.

Например, максимальный оклад в 240 рублей получал учитель Казыльского училища, отнесенного к 1 разряду. Здесь к началу 1898/1899 учебного года числилось 60 мальчиков и девочек. А минимальный оклад в 156 рублей получал учитель Балахчинского училища, насчитывавшего к началу занятий 20 детей и входившего в 3 разряд.

Еще три учебных заведения имели особый размер окладов. К ним относились Алексеевское мужское и оба училища в г. Лаишеве. Так, по данным на 1898/1899 учебный год, 300 рублей получал учитель Алексеевского училища, по 180 рублей – 2 помощника и 60 – законоучитель. Годовой оклад преподавателя Лаишевского мужского училища составлял 300 рублей, на двух помощников приходилось по 120 рублей, еще 105 – на законоучителя. А вот учительнице Лаишевского женского училища, вдове чиновника Агнии Николаевне Мордвиновой, работающей в нем с 1871 г., был назначен повышенный оклад в размере 420 рублей. Ее помощница получала 240 рублей, законоучитель – 120. Для сравнения учитель Лаишевского мужского городского училища зарабатывал 675 рублей.

Но, кроме денежного стимулирования, практиковались другие способы поощрений. Например, в 1914 г. в Казанской земской учительской школе была учреждена стипендия имени А.Н. Мордвиновой, проработавшей в Лаишевском женском училище свыше 40 лет.

Положив в основу формирования заработной платы численность школьников, лаишевское земство проигнорировало такой важный фактор, как образование. На деле это приводило к тому, что учитель после начального училища мог получать жалование выше своего коллеги со средним образованием.

Низкие оклады привели к несерьезному отношению к учительским обязанностям. Крестьяне с. Венета были крайне недовольны молодым учителем, нанятым в только что открытую местную школу сразу после окончания уездного училища. По их отзы-

вам, вчерашний студент «мало занимается, приходит в училище поздно; часто отлучается домой, а ученики остаются одни»²³. Зато в последующем многие преподаватели этого училища были отмечены своим трудолюбием. Выдающимися по своему усердию и знанию дела стали Афанасий Сперанский и Григорий Тренин, проработавший в Венетинской школе с 1 ноября 1873 по 1883 г.²⁴ В условиях дефицита учительских кадров земская управа ограничивалась воспитательным воздействием на нерадивых педагогов. Например, учительница Егорьевского училища на время проверки, проводимой инспектором народных училищ, отпросилась в отпуск, а ранее поступали жалобы на неаккуратность в проведении занятий. Поэтому члены училищного совета перевели ее в другую школу с целью осуществления постоянного наблюдения за ее преподаванием.

Со временем земство пришло к пониманию, что ответственных педагогов следует удерживать рублем и ввело надбавки, благодаря чему количество опытных учителей в Лаишевском уезде было значительным. К 1907 г. каждый второй преподаватель имел 5%-ную надбавку за стаж. До 20% земских учителей имели опыт, исчислявшийся 5–10 годами. Еще 13% учителей проработали свыше 10 лет. А больше 15% педагогов преподавали с 80-х гг. XIX столетия. Чтобы поощрить ветеранов педагогического труда, земство не скупилось на подарки и денежные награды. Разовые вознаграждения для учителей со стажем свыше четверти века достигали 150 рублей²⁵. Среди них были Попова-Яковлева, Устинов, Иванов, Бурмакин. В 1908 г. министерство народного просвещения установило минимальный оклад в 360 рублей. Однако лаишевское земство не могло довести до этой планки содержание преподавателей, составлявшее к этому времени 210 рублей, и ограничилось повышением на 30 рублей.

²³ Материалы для истории народного образования в Лаишевском уезде. – Казань: Тип. «Казанского Биржевого Листка», 1887. – С. 34.

²⁴ Отчет Лаишевской уездной земской управы о состоянии уездного земского хозяйства и действиях уездной управы в 1909/1910 г. – Казань: Тип. Д.М. Гран, 1910. – С. 26–27.

²⁵ Отчет Лаишевской уездной земской управы о состоянии уездного земского хозяйства и о действиях уездной управы в 1894/1895 г. – Казань: Тип. А.А. Родионова, 1895. – С. 96.

Квартирные расходы учителей брало на себя земство, выплачивая 60 рублей в деревне и 80 – в городе. Нередко преподаватель проживал в том же здании, где вел уроки. Например, землевладелец Н.И. Мертваго, по просьбе которого в 1875 г. было открыто Карноуховское земское училище, выделил в своем доме не только удобную классную комнату с мебелью и необходимыми учебными принадлежностями, но и обустроил квартиру для учительницы, обеспечив ее всем необходимым, включая питание. Но были и прямо противоположные условия проживания педагогов. Так, крохотная квартирка шуранской учительницы помещалась через дощатую стену в другой половине школьного дома. А расположенное на открытой местности здание продувало со всех сторон. «Нести тяжкий ответственный труд и не иметь порядочной комнаты для отдыха от классной пыли и сутолоки, это надрывает учительские силы раньше времени» – признавали члены управы²⁶.

Но земство старалось обеспечить поддержку учителям и их семьям. О чем свидетельствуют многочисленные примеры. Вдове бывшего учителя Некрасовского училища Комарова выдано пособие на воспитание дочери в Казанской земской женской учительской семинарии – 120 рублей. Семье умершего учителя Ошняковского земского учителя Ананиева, прослужившего около 25 лет, назначено единовременно пособие в 100 рублей, а трое детей помещены на стипендии от земства в различные учебные заведения. Сын учительницы Емельяновского училища Поповой-Яковлевой зачислен на стипендию лаишевского земства в пансионат Казанского общества вспомоществования, также регулярно выдавались средства на содержание ее дочери в пансионате общества попечения о детях учителей и учительниц в Казани. А учителю Мансуровского земского училища Кобызеву, утратившему всё имущество во время пожара, было выдано 100 рублей.

Без преувеличения можно сказать, что учитель был ключевой фигурой, от которого зависел весь учебный процесс. Так, по итогам 1900/1901 учебного года не состоялись выпускные экзамены в Сорочье-Горском училище по случаю продолжительной болезни учителя. Успех преподавания определялся количеством выпускников, и даже были переходы в земскую школу из церковно-

²⁶ Там же.

приходской. Но, кроме профессионального мастерства, были факторы, на которые учителя никак не могли повлиять. Так, в 1901 г. три училища – Каинское, Нижне-Сердинское и Шуранское – выпустили только по три ученика. И всему виной стали многочисленные домашние обстоятельства: привлечение родителями детей к выполнению сельскохозяйственных работ, а также элементарное отсутствие зимней одежды и обуви.

Таким образом, по сравнению с начальным периодом существования земства повышался и образовательный уровень учителей. Если в 1870-х гг. преобладали преподаватели с начальным образованием, то в 1900-х гг. 3/4 всего педагогического состава были выпускниками средних учебных заведений. Также земство повышало квалификацию учителей, организовывая для них библиотеки, образцовые уроки, посылая на курсы.

Но социально-экономическое положение учительства уезда продолжало оставаться на низком уровне. Невысокое жалованье, плохие условия жительство, большую загруженность могли выдерживать лишь люди, чувствовавшие призвание к профессии учителя, или те, кто не имел возможность устроиться в более прибыльной сфере. Причем последних было немало. Небольшая оплата труда и сравнительная легкость трудоустройства часто приводили в эту профессию случайных людей, что вело к недоверию к педагогам, как со стороны крестьян, так и со стороны образованных слоев. Так губернский предводитель дворянства С.С. Толстой-Милославский, настроенный критично по отношению к земцам, считал, что они «настроили скверных школ, напустили туда недоучек-учителей» и оставили их на попечение «третьего элемента»²⁷. Но такой взгляд представляется нам однобоким. В рядах земства были и опытные преподаватели, работавшие на совесть. Их старались поддерживать материально и обеспечивали их семьи даже после смерти учителя. Но всё же следует признать, что профессия сельского учителя требовала кропотливого труда, однако была не слишком престижной и доходной.

²⁷ Мельников Н.А. 19 лет на земской службе: (Автобиографический очерк и воспоминания) // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII – XX вв.: Альманах. – М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2008. – С. 232.

В то же время учительство открыло доступ к профессиональной деятельности. Становление земского образования совпало с началом эмансипации, и преподавание стало сферой общественной жизни, за занятие которой женщины не осуждались. В результате стал формироваться образ женщины не только как хранительницы очага, но и профессионала своего дела.

§ 2. Провинциальные учащиеся

К начальным училищам относились одноклассные и двухклассные училища, состоявшие в ведении министерства народного просвещения, земские, частные и другие школы, находившиеся в ведении училищных советов, школы братства Святого Гурия, церковно-приходские и прочие школы. По данным на 1885 г., в двух народных училищах Лаишева обучались 157 мальчиков и девочек, а в 81 школе уезда – 2982²⁸. В 1907 г. в 5 начальных школах города насчитывалось 423 ребенка, в 138 школах уезда – 7140 детей²⁹.

Мусульманское население предпочитало отдавать детей в свои конфессиональные учебные заведения. Согласно статистическим сведениям за 1907 г., в Лаишевском уезде 4905 учеников земских школ были православными, и только 72 ребенка исповедовали ислам. Аналогично выглядит статистика по национальностям. В указанный год 4378 школьников земских училищ были русскими, 609 – татарами (включая крещенных)³⁰. Всего же в уезде в начале XX в. располагалось 85 татарских училищ, в которых обучались 2423 девочки и 3439 мальчиков. Для сравнения в Тетюшском уезде для татар, составлявших половину населения, работали 105 мектебов и медресе с числом учащихся более 5900 детей, а в Спасском уезде, где на долю татар приходилась треть всех жителей, действовало 58

²⁸ Обзор Казанской губернии за 1885 г. – Казань: тип. Губ. правл., 1886. – С. 95.

²⁹ Обзор Казанской губернии за 1907 г. – Казань: тип. Губ. правл., 1908. – С. 82.

³⁰ ГА РТ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 371. Л. 1, 5, 7.

училищ, и в них числилось 2838 учеников³¹. Школы при мечетях открывались и содержались на средства самих жителей, среди которых нередко находились крупные меценаты. Так, в д. Атабаево на деньги купцов Апанаевых был построен и работал мектеб при построенной в 1859 г. мечети.

Некоторые из татарских училищ Лаишевского уезда функционировали неофициально. К числу таковых относились школы в д. Епанчино Сараловской волости (была открыта в 1879 г.), д. Пелево Державинской волости (существовала с 1820 г.), д. Кукаево Бетьковской волости (дата основания неизвестна), 3 школы д. Кугарчино (были основаны в 1864, 1869 и 1884 гг.), еще 4 учебных заведения в деревнях Верхние Тимерлеки и Нижние Тимерлеки (даты основания – 1890, 1891, 1895 и 1879 гг. соответственно) в Урахчинской волости³².

В мектебах и медресе детей обучали муллы. По свидетельству инспектора народных училищ 1 участка Казанской губернии М.И. Каменицкого, обучение в конфессиональных школах велось неудовлетворительно, русский язык не изучался, а сами муллы – «люди малограмотные и несведующие»³³. Далеко не всегда так было. В родной деревне Большая Елга в 1917 г. преподавал будущий писатель и литературовед Мухаммед Валиевич Гали.

Земская школа являлась самым распространенным типом начального учебного заведения в пореформенной России. Их количество увеличивалось, как следствие, все большее число детей могли получить начальное образование. В 1886/1887 учебном году обучалось 2230 детей, в 1887/1888 – 2402. В начале XX в. темпы роста стали еще заметнее: в 1905 г. в земских начальных училищах Лаишевского уезда обучалось 3455 человек³⁴, а через год – уже 4608

³¹ Медресе Казанской губернии второй трети XIX – начала XX в.: сб-к док-тов и мат-лов / Под общ. ред. Д.И. Ибрагимова. – Казань: Главное архивное управление при Кабинете министров РТ, 2012. – С. 234.

³² Медресе Казанской губернии второй трети XIX – начала XX в.: сб-к док-тов и мат-лов / Под общ. ред. Д.И. Ибрагимова. – Казань: Главное архивное управление при Кабинете министров РТ, 2012. – С. 234.

³³ Там же. – С. 102.

³⁴ Отчет Лаишевской уездной земской управы о состоянии уездного земского хозяйства и действиях уездной управы в 1905/1906 г. – Казань: Типо-лит. Императорского ун-та, 1906. – С. 109.

мальчиков и девочек³⁵. Однако в период Первой мировой войны, школьное строительство в уезде было приостановлено.

Земские школы принимали учащихся обоих полов, и сами крестьяне, по опросам, не делали различий по гендеру: «в местном населении одинаково желание обучать и девочку, и мальчика»³⁶. Однако на практике юношей оказывалось больше, потому что девочек старше 12 лет не брали, более того не все родители хотели отдавать своих дочерей. Так, в середине 90-х гг. XIX в. в Анатышском училище обучались только 3 ученицы, Балахчинском – 6, Аркатовском – 7. Но в некоторых селениях, жители которых стремились дать образование всем детям без исключения, общества открывали большие школы. Так, в с. Алексеевском действовали два училища – мужское и женское, в которых насчитывалось в 1895 г. 123 мальчика и 50 девочек³⁷.

Сословный состав учащихся земских школ был довольно однородным. Так, в 1895 г. все ученики Анатышского, Астраханского, Алексеевского мужского училища были из крестьян. Но редко в земских школах можно было встретить детей из семей, приписанных к другим сословиям. Например, в Алексеевском женском училище 5 девочек были из мещан и 2 ученицы – духовного звания, в Аркатовском училище обучалась дочь мещанина, в Балахчинском – один ребенок из мещан и двое – из семей священнослужителей.

В училищах преподавали следующие предметы: Закон Божий, русский язык, арифметика, отечественная история и география³⁸. Литературой снабжало уездное земство, но многие школы испытывали дефицит учебников, и приходилось заниматься по одной книге вдвоем или даже втроем либо вовсе пользоваться ветхими пособиями с недостающими страницами.

³⁵ Отчет Лаишевской уездной земской управы о состоянии уездного земского хозяйства и о действиях уездной управы в 1907/1908 г. – Казань: Тип. Д.М. Гран, 1908. – С. 107.

³⁶ РГИА. Ф. 91. Оп. 3. Д. 415. Л. 25.

³⁷ Там же. Л. 20.

³⁸ Отчет Лаишевской уездной земской управы о состоянии уездного земского хозяйства и действиях уездной управы в 1905/1906 г. – Казань: Типо-лит. Имп. Ун-та, 1906. – С. 109.

Теснота и многолюдность классов, отсутствие порядочной классной мебели не способствовали овладению чистописанием. К примеру, ученики Шуранской школы сидели на скамье за тремя партами. Чтобы хоть как-то наладить учебный процесс, учителя были вынуждены вводить две смены или вовсе отказываться в приеме в школу. Так, в 1914 г. в Ташкирменском училище в связи с увеличением числа желающих учиться в 1 отделение принимали только детей старше 10 лет, что вызвало бурю негодования родителей и даже послужило поводом к появлению в губернской прессе критики действий местных сельских учителей³⁹.

Значительно успешнее шло обучение арифметике, в частности «умственному счету». Данная методика не требовала учебников или мебели, кроме классной доски. А сами задачи вызывали большой интерес у учащихся: «Дети свободно производят в уме довольно большие выкладки, и самый ход урока оживляется: весь класс работает с увлечением»⁴⁰. Наглядно этот прием был запечатлен в 1895 г. художником Н.П. Богдановым-Бельским на картине «Устный счет. В народной школе С.А. Рачинского». Сергей Александрович был профессором Московского университета, а в начале 70-х гг. XIX в. перешел в сельскую школу, где и разработал метод обучения быстрому счету.

В целом, методика преподавания находилась на стадии становления, и многие учителя, особенно начинающие, испытывали трудности в подаче учебного материала. Например, законоучители чрезмерно увлекались книжностью, не находя время для живой беседы с учениками. «Объяснительное чтение... не везде стояло на должной высоте»⁴¹. Механическое заучивание текстов не позволяло заинтересовать детей. Непросто было сдавать экзамены. Так, председатель экзаменационной комиссии в Бетьках священник из г. Лаишева отец Скворцов задавал вопросы, которые явно не соответствовали уровню начальной школы: почему Палестина так на-

³⁹ Ташкирмень Лаишевского уезда. Новые порядки// Камско-Волжская речь. – 1914. – №227 (12 окт.).

⁴⁰ Отчет Лаишевской уездной земской управы о состоянии уездного земского хозяйства и действиях уездной управы в 1905/1906 г. – Казань: типо-лит. Имп. Ун-та, 1906. – С. 112.

⁴¹ Там же. – С. 111.

зывается и на какие части она делится? Почему Геннисаретское озеро так называется и чем оно замечательно? Некоторые из учеников даже плакали от таких вопросов⁴². Все недостатки в работе учителя выявлял инспектор народных училищ, со временем стало практиковаться проведение педагогических курсов с целью повышения квалификации учащихся.

Одним из главных препятствий для успешного обучения детей являлось отношение взрослых крестьян к образованию. Крестьяне, привыкшие видеть осязаемые результаты своей деятельности, не всегда осознавали необходимость в общеобразовательной школе. Более того, некоторые заставляли своих детей пропускать уроки и просить милостыню. «Нечего и говорить, что бродяжничество по целым неделям... служит сильным противоядием к тем бедным сведениям, которые он [ученик – М.Е.] вынес из школы, и, естественно, рано возвращает добрые стороны ребенка»⁴³.

Земцы отмечали, что «потребности в чтении не проявляется среди местного населения и если читаются книги, то только духовного содержания или божественные»⁴⁴. Поэтому даже умение читать и писать не слишком привлекало деревенских жителей, ведь они сами и их предки прекрасно обходились без этих знаний. Тем более они не понимали значение таких предметов, как история и география. По отзывам, «народ часто не видит от школы видимой практической пользы»⁴⁵. Причем понятие «польза» являлось синонимом слова «выгода». А школа не приносила видимой выгоды. Более того, после обучения некоторые дети стремились в город занять какую-нибудь должность, что лишало крестьянское хозяйство рабочих рук. Например, В.К. Меньшиков, уроженец с. Пановка, после окончания земской школы продолжил обучение во Второй Казанской мужской гимназии, а затем в университете и со

⁴² Бетьки (Лаишевского уезда). Строгий экзаменатор // Камско-Волжская речь. – 1913. – №106 (15 мая).

⁴³ Заметка о грамотности и нравственности крестьян Лаишевского уезда // Казанские губернские ведомости. – 1865. – №47 (19 нояб.). – С. 493.

⁴⁴ РГИА. Ф. 91. Оп. 3. Д. 415. Л. 25.

⁴⁵ Отчет Лаишевской уездной земской управы о состоянии уездного земского хозяйства и действиях уездной управы в 1905/1906 г. – Казань: типо-лит. Имп. Ун-та, 1906. – С. 109.

временем стал известным врачом-педиатром. Хотя для общества он принес больше пользы, чем если бы остался в деревне, но крестьяне думали, прежде всего, о своих нуждах. Поэтому большое количество детей бросало обучение. К примеру, в 1907 г. из 4977 учеников выбыло, не окончив курса, 703 ребенка⁴⁶.

Много пропусков фиксировалось в течение года. Так, к примеру, 17 января 1895 г. из 49 учеников Аркатовского училища на уроках находилось 43 ребенка, в Балахчинском – 36 из 44, в Венетинском – 59 из 66. Плохая посещаемость в холодное время года объяснялась болезнями и элементарно отсутствием у детей теплой одежды и обуви. С наступлением морозов пребывание в школе становилось испытанием: неотапливаемое помещение, сырость подрывали здоровье ребят. В целом, санитарно-гигиеническая обстановка в школах оставляла желать лучшего: вентиляция работала слабо, были проблемы с освещенностью, помещения плохо отапливались, а некоторые здания нуждались в капитальном ремонте. Но сельские общества не обладали материальными возможностями для обустройства школ в соответствии с санитарно-гигиеническими нормами того времени.

Ситуация усугублялась в период эпидемий, которые для деревень не были редкостью. Приведем лишь несколько примеров. В 1887/1888 учебном году вследствие эпидемии кори в Зюзинском училище занятия были приостановлены на 3 месяца, поэтому в конце года ввиду неподготовленности выпускников экзамены пришлось отменить. В 1908 г. была закрыта школа в Чирпах из-за скарлатины.

К тому же не так-то просто было добраться до школы. Даже в деревнях, где жило довольно много детей школьного возраста, учебных заведений не было. К примеру, начальное земское училище в с. Венета Аркатовской волости посещали дети из окрестных деревень, находившихся в радиусе 1–3 км: 7 человек были из соседней Ермоловки, 12 – из Красногорки, еще по 1 ребенку при-

⁴⁶ Отчет Лаишевской уездной земской управы о состоянии уездного земского хозяйства и о действиях уездной управы в 1907/1908 г. – Казань: Тип. Д.М. Гран, 1908. – С. 108.

ходили из Андреевки и Михайловки⁴⁷. Но некоторые дети учились за несколько десятков верст от родительского дома. Поскольку ночлежных приютов (интернатов) не существовало, то можно предположить, что мальчики и девочки из дальних деревень оставались в том же селе, где учились, – у знакомых или за плату.

Несмотря на юный возраст, школьники часто привлекались родителями к работе по дому или в поле. На примере посещаемости Белкинского училища видно, что самыми напряженными являлись осенние и весенние месяцы: из 46 детей в октябре на занятия ходили 44 ребенка, с ноября по март – 46, в апреле – 42. С учетом цикла сельскохозяйственных работ в некоторых училищах были определены сроки начала и окончания учебного года. Так, в Аркатове учеба начиналась 25 сентября, в Балахче у ребят в третьем отделении занятия шли со 2 октября, позже всех начинали учиться в Анатышской школе – с 30 октября. Точно так же учебный период завершался к началу полевых работ. К примеру, в Белкинском училище старшекласники были свободны уже после 29 апреля, а в Аркатовском – с 9 мая.

Ориентируясь на запрос деревенских жителей, которым нужны были помощники в домашнем хозяйстве, земство ввело предметы, носившие прикладной характер. В некоторых школах ученики дополнительно занимались рукоделием и сельским хозяйством. Плату за курсы вносили сельские общества, родители учеников, уездное земство. А например, в Белкинском училище учительница вела рукоделие бесплатно и даже на свои средства покупала материалы. В данном училище этот предмет был включен в учебную программу в 1894 г. и в первое время был непопулярен – в 1895 г. занимались всего две девочки. В 1907 г. рукоделию обучались 417 девочек в 22 училищах: Алексеевском, Аркатовском, Астраханском, Белкинском, Беляевском, Бутлеровском, Венетинском, Екатерининском, Зюзинском, Корноуховском, Карабаянском, Люткинском, Мысовском, Нармонском, Рождественском, Сорочье-Горском, Средне-Девятовском, Тобеевском, Хвостовском, Шумковском, Лаишевском, Рыбно-Слободском. Все девочки посещали уроки охотно.

⁴⁷ Отчет Лаишевской уездной земской управы о состоянии уездного земского хозяйства и о действиях уездной управы в 1907/1908 г. – Казань: Тип. Д.М. Гран, 1908. – С. 108.

После получения земского начального образования выпускники могли поступить в средние и средне-профессиональные учебные заведения. Однако, по данным на 1895 г., ввиду бедности не все пользовались этой возможностью, и лишь единицы продолжали обучение. Так, за десять лет существования Алексеевского мужского училища только двое мальчиков поступили в двухклассное училище⁴⁸.

Для детей, желавших овладеть профессией, были специальные ремесленные училища. В 1907 г. это были Сердинское, Рыбно-Слободское, Некрасовское столярные училища, Нижне-Казыльское переплетное и Казыльское шорное. Отметим, что земские деятели активно выступали в поддержку профессионального образования, считая, что крестьянских детей обязательно нужно обучать навыкам, полезным в быту⁴⁹. В Лаишевском уезде вопросами распространения ремесленных знаний занимался выпускник Казанского реального училища, председатель местной земской управы В.Н. Белькович. Также ремесленные школы открывали в своих имениях некоторые помещики. Например, бывший преподаватель Императорского Казанского университета, Михаил Иванович Мельников открыл в своем имении за собственный счет ремесленное училище для крестьян⁵⁰. А в 1905 г. землевладелец Николай Николаевич Белькович приступает к организации в своём имении художественно-ремесленной учебной мастерской для обучения сельской детворы черчению, рисованию, лепке, живописи с целью применения полученных навыков в кустарном производстве⁵¹.

В нескольких школах с конца XIX в. дети стали заниматься пением – обучение производилось при совершении молитв, иногда без участия педагога. А в Средне-Девятковском, Емельяновском и

⁴⁸ Материалы для истории народного образования в Лаишевском уезде. – Казань: Тип. «Казанского Биржевого Листка», 1887. – С. 34.

⁴⁹ РГИА. Ф. 91. Оп. 3. Д. 415. Л. 18.

⁵⁰ Мельников Н.А. 19 лет на земской службе: (Автобиографический очерк и воспоминания) // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII – XX вв.: Альманах. – М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2008. – С. 418.

⁵¹ ГА РТ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 1810. Л. 3, 6 об., 8 об.

Ташкирменском училищах в разные годы практиковались занятия гимнастикой⁵².

Кроме теоретических и прикладных знаний, земские школы стремились дать ученикам нравственные понятия. В то время нравственность черпалась из религии, поэтому основная часть воспитания лежала на законоучителях. Также элементы морали давались на уроках русской истории и географии. По словам земских деятелей, «школа для крестьян дает влияние на нравственность, отвлекает от грубости, они становятся религиознее и прилежнее к храму Божиему»⁵³. Но, например, юрист М.И. Догель считал, что школьное общее образование лишь портит сельских детей. Не имея прикладного значения, оно способствует развитию самомнения и вредных идей в учениках, подготавливая будущих революционеров. При этом он не имел ничего против профессионального образования.

Для нравственного воспитания учителя сами должны были соответствовать моральным принципам, которые они проповедовали. Между тем это не всегда было так. На страницы губернского издания попали похождения учителя из с. Ташкирмень Николая Белугина. Сообщалось, как 25 мая, по случаю празднования Троицы, совпавшего с окончанием учебного года, он выпивал с местными крестьянами, искал, у кого можно одолжить 10 рублей для продолжения торжества, для чего отправился в соседнее с. Мансурово, и пропал⁵⁴. Но следует отметить, что после он исправился и даже начал вести борьбу с пьянством в деревне⁵⁵. Даже после

⁵² Саматова Ч.Х. Из истории организации и функционирования сельских учебных заведений на территории Лаишевского района Республики Татарстан во второй половине XIX – начале XX в. // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2016. – №05. – С. 42–46.

⁵³ Мельников Н.А. 19 лет на земской службе: (Автобиографический очерк и воспоминания) // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII – XX вв.: Альманах. – М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2008. – С. 224.

⁵⁴ Лаишевский уезд. Пропавший учитель // Камско-Волжская речь. – 1914. – №2142 (16 сент.)

⁵⁵ Лаишевский уезд. Насаждение трезвости. Пожар. Разгул // Камско-Волжская речь. – 1914. – №154 (13 июля).

окончания школы выпускники имели возможность посещать организуемые в зданиях училищ народные чтения с показом туманных картин. Например, в Казылях земский начальник IV участка Сергей Берстель совместно со своей сестрой Марией Петровной стали лекторами в Казыльском уездном училище⁵⁶.

Таким образом, ученики земских школ сталкивались с множеством проблем, мешающих комфортному обучению: слабость материально-технического оснащения, недостаточная подготовка учителей, неблагоприятные бытовые условия, предубеждение против образования и пр. Многие не заканчивали обучения, а часть выпускников покидала родные деревни. Но все же земские школы постепенно повышали образованность крестьян, вырывая их из вековой косности, расширяя кругозор. Татарские школы существовали отдельно от правительственных и земских, зачастую неофициально, поэтому они содержались за счет населения и меценатов.

§ 3. Призрение в провинции: на примере Алексеевского волостного приюта

Забота о незащищенных слоях населения является показателем развития гуманности в обществе. В той или иной степени она есть во все времена, но оформление этой заботы в официальные институты означает выход на новый уровень, когда она встает на постоянную основу. В Лаишеве такой переход произошел в начале 1880-х гг., когда на средства мещанина Н.З. Москательникова была открыта женская богадельня, а город взял на себя часть ежегодных расходов. К началу XX в. в городе в дополнение к женской была открыта и мужская богадельня. В сельской местности роль благотворителей брали на себя землевладельцы. Так, в селах Пановка и Урахча М.П. Евсевьевой и Е.Н. Жадовской были открыты богадельни для крестьян.

С 1900 г. в Лаишеве вело деятельность попечительное общество о Доме трудолюбия, оказывавшее «недолговременную помощь бездомным, выпущенным из больниц и не имеющим еще

⁵⁶ ГА РТ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 371. Л. 1, 5, 7.

заработка, освобожденным из мест заключения по отбытии наказания и всем вообще впавшим в крайнюю бедность, посредством предоставления им труда и приюта до более прочного устройства их судьбы»⁵⁷.

Наиболее полно благотворительность проявляется в заботе о сиротах, как о лицах, не имеющих жизненного опыта и остро нуждающихся в материальной помощи, образовании и воспитании, обеспечивающая полноценное встраивание в социальную структуру.

Широкое распространение сиротских домов в Поволжье приходится на последнее десятилетие XIX столетия, когда голод начала 1890-х гг. привел к высокой смертности среди крестьян и росту количества беспризорных. Чтобы как-то помочь детям, оставшимся без попечения родителей, сельские общества совместно с земствами и частными благотворителями открывали приюты. Наряду с временными пристанищами, призванными обеспечить сирот кровом и хлебом только на период бедствия, учреждались детдома, в которых шло обучение различным видам трудовой деятельности, необходимым во взрослой жизни.

Открытые в 1890-х гг. приюты оказались жизнеспособными и функционировали десятилетиями. К 1916 г. в Казанской губернии насчитывалось 28 заведений для призрения малолетних. 10 из них находились в сельской местности – это Ольгинские детские приюты (в деревнях Лаишевского и Спасского уездов), Кривозерский земский сиротский приют (в с. Кривозерки Чистопольского уезда) и др.⁵⁸. В большинство приютов попадали дети 7–15 лет. Они обучались в земской или любой другой школе, находившейся в селе. Кроме того, воспитанники занимались ремеслом либо сельским хозяйством, огородничеством и садоводством. Но доход от трудовой деятельности расходовался не на повседневные нужды приюта, а откладывался в фонд, откуда выпускники получали средства на дальнейшую жизнь.

⁵⁷ Ермаков В.В. Социальная благотворительность в Прикамье в XIX – начале XX в. // Власть. – 2011. – № 12. – С. 165.

⁵⁸ Сборник статистических сведений о заведениях закрытого призрения детей, в том числе сирот сельского населения / сост. Канцелярией Совета министров (по Романов. ком.). – Пг.: Гос. тип., 1916. – С. 96–102.

Именно тогда, в 90-х гг. XIX столетия, и получили развитие идеи создания приютов, которые обеспечивали бы себя сами. Автором работ на эту тему стал земский начальник Камышинского уезда Саратовской губернии Николай Николаевич Жеденов⁵⁹. Он полагал, что воспитанники должны самостоятельно изыскивать средства на свое содержание, занимаясь кустарными промыслами или земледелием. И хотя детдома, основанные по принципу самообеспечения, встретили жесткое противодействие со стороны целых групп населения, – начиная от рядовых общинников, не желавших платить за содержание сирот, и заканчивая интеллигенцией, обвинявшей в эксплуатации детского труда, такие учреждения появлялись в Казанской, Пермской, Пензенской и других губерниях⁶⁰.

Идеи Жеденова были взяты за основу при открытии сельскохозяйственного приюта в с. Алексеевском Лаишевского уезда⁶¹. Инициатором выступил местный землевладелец и земский начальник Николай Александрович Казем-Бек (1865–1918). По долгу службы он не понаслышке был знаком с преступностью в подростковой среде. Например, в 1894 г. из детей в возрасте 14–19 лет, осужденных волостными судами его участка, 64% составляли беспризорники. Кроме того, безнадзорный образ жизни толкал детей к повторным правонарушениям. Так, Казем-Беку за время судебной практики пришлось осудить 13 подростков, большая часть которых была рецидивистами⁶².

Заметим, что в своем решении открыть приют дворянин мог руководствоваться не только практическими соображениями. Проблему сирот Николай Александрович переживал как личную.

⁵⁹ Жеденов Н.Н. Детские сельскохозяйственно-кустарные приюты самопомощи. История их, устройство и жизнь. С 5-ю рисунками и с 5-ю планами. – СПб.: Кн. маг. Н. Фену и Ко, 1896. – 212 с.; Жеденов Н.Н. Общественное призрение детей на началах самостоятельного их существования в связи с вопросом о сельскохозяйственном и кустарном образовании. – Изд. 2. – Саратов: Тип. Губ. земства, 1894. – 43 с.

⁶⁰ Педагогическая деятельность Н.Н. Жеденова // Гроза врагов русского народа / Сост., предисл., коммент. Д.И. Стогов; отв. ред. О.А. Платонов. – М.: Ин-т русс. цивилизации, 2013. – 704 с.

⁶¹ РГИА. Ф. 395. Оп. 1. Д. 648. Л. 3 об.

⁶² Краткие сведения об Алексеевском волостном приюте. – Казань: Типолит. И.Н. Харитонова, 1897. – С. 4.

Будучи внебрачным сыном, он был отдан родителями на воспитание в чужую семью. И только спустя 10 лет, дети от официального брака признали с ним родство, и он получил право на ношение фамилии Казем-Бек⁶³.

В отличие от саратовского коллеги, Казем-Беку удалось заручиться поддержкой уездного земства. Так, гласный А.П. Горталов высказал мысль, что «...следовало бы прийти на помощь такому учреждению, как школа-приют»⁶⁴. И с разрешения казанского губернатора в 1893 г. в Лаишевском уезде был открыт Алексеевский волостной приют. Первоначально он разместился в небольшой наемной избе. Но уже через полтора года был куплен просторный двухэтажный полукаменный дом с надворными постройками. Поскольку дом приобретался в рассрочку, земством были привлечены пожертвования, и первый платеж осуществлен на средства купца О.Я. Молоткова, выдавшего 500 рублей в качестве беспроцентной ссуды. И в октябре 1895 г. приют отпраздновал новоселье⁶⁵.

С приобретением нового здания финансовые расходы приюта выросли. Получение более вместительного дома позволило увеличить количество призываемых, также, кроме учительницы, был приглашен учитель. А для хозяйственных нужд возведены дополнительные строения. Учитывая финансовые запросы приюта, в 1898 г. земство почти вдвое увеличило ассигнования – с 216 до 450 рублей⁶⁶. И если ранее средства шли на наем персонала, то теперь – на содержание земских стипендиатов. Отметим, что гласные настолько симпатизировали данному приюту, что в уездном собрании звучали предложения об увеличении земского пособия до 900 рублей, но в силу ограниченности средств остановились на сумме

⁶³ Массип М. Истина – дочь времени. Александр Казем-Бек и русская эмиграция на Западе / Предисл. М. Раева; пер. с фр. Н.М. Сперанской. – М.: Языки славянской культуры, 2010. – С. 27.

⁶⁴ Постановление Лаишевского уездного земского собрания, состоявшегося в заседаниях 10 августа и с 3 по 10 октября 1894 г. – Казань: Скоропечатня Л.П. Антонова, 1895. – С. 8.

⁶⁵ Краткие сведения об Алексеевском волостном приюте. – Казань: Типолит. И.Н. Харитонова, 1897. – С. 9.

⁶⁶ Смета расходов на уездные земские потребности Лаишевского уезда на 1898 г. – Казань: Тип. Б.Л. Домбровского, 1898. – С. 33.

в два раза меньше⁶⁷. Помимо денежной помощи, земство обеспечило бесплатный отпуск лекарств из своей аптеки. Из волостного правления ежегодные отчисления составляли 215 рублей⁶⁸.

Тем не менее этих сумм было недостаточно. В первые годы существования приюта администрация нанимала прислугу: работника – для выполнения тяжелого физического труда, стряпуху и помощницу – для стирки белья и выпекания хлеба, нянюку – для ухода за больными⁶⁹. Когда же сироты стали подрастать, то их постепенно приобщали к ведению хозяйства. А со временем часть средств на содержание приюта воспитанники зарабатывали сами.

В 1895 г. Казем-Бек на кредит от Государственного банка купил для приюта конную чесальную машину. Предпринятый опыт оказался удачным, и в первый же год выручка составила 261 рубль. Успех объяснялся высоким спросом на «ческу шерсти», так как все женское население Алексеевской волости занималось прядением. Свою продукцию пряжи сбывали на Ирбитской, Нижегородской, Тюменской и Симбирской ярмарках, получая совокупную прибыль около 65 тысяч рублей в год. В дальнейшем ожидалось увеличить доход приюта за счет приобретения еще одной машины – по переработке шерсти в пряжу. Так, пробная продажа собственной пряжи на Нижегородской ярмарке летом 1896 г. принесла приюту 80 рублей⁷⁰.

Кроме доходного шерстопрядения, дети были заняты ведением самостоятельного крестьянского хозяйства и выполнением повседневных мелких работ по дому. Девочки занимались рукоделием, а также присматривали за младшими сиротами, шили для них одежду; мальчики обучались столярному и сапожному ремеслам, благодаря чему изготавливали различные поделки для домашнего обихода – чинили обувь и мебель (столы, скамейки и т.д.). Из части

⁶⁷ Отчет Лаишевской уездной земской управы о состоянии уездного земского хозяйства и о действиях уездной управы в 1897/1898 г. – Казань: Типо-лит. И.Н. Харитонова, 1898. – С. 11.

⁶⁸ Краткие сведения об Алексеевском волостном приюте. – Казань: Типо-лит. И.Н. Харитонова, 1897. – С. 9.

⁶⁹ Краткие сведения об Алексеевском волостном приюте. – Казань: Типо-лит. И.Н. Харитонова, 1897. – С. 6.

⁷⁰ РГИА. Ф. 395. Оп. 1. Д. 648. Л. 1.

доходов с продажи рукодельных изделий формировался фонд, откуда выпускникам выдавалось приданное и вещи, необходимые в домашнем обиходе, а юношам – подъемные деньги в размере 50–75 рублей для организации собственного крестьянского хозяйства⁷¹.

Летом дети постарше трудились на арендуемой земле. По замечанию Казем-Бека, все работы в поле, а в особенности жнитво, исполнялись воспитанниками с большим рвением. Хотя первые четыре года приходилось прибегать к найму работника, поскольку принятые сироты были младше 10 лет и выполнять какие-либо трудные работы в поле не могли⁷².

До 1897 г. доход с земли не окупал всех затрат на аренду и наем работника, к тому же это были клочки в разных местах, взятые у крестьян по дорогой цене. Со временем приют стал арендовать 70 казенных десятин у местной землевладелицы на довольно выгодных условиях. Это позволило не только засеять часть надела, но также отвести участок под яровой посев будущего года и даже организовать опытное поле под управлением губернского агронома⁷³.

Все эти умения – от ведения домашнего хозяйства до земледелия и ремесел – должны были помочь выпускникам обустроиться в будущей взрослой жизни. В уставе приюта так и прописывалось, что цель учреждения не столько образовательная, сколько воспитательная. Овладевая трудовыми навыками, дети не только приобретали возможность зарабатывать себе на жизнь, но и приучались к бережливости и заботливости, тем самым из них формировались социально ответственные и полезные обществу люди. Но кроме земледелия и ремесел, дети получали общеобразовательные знания: девочки – в Алексеевском женском училище, мальчики – непосредственно в приюте, занимаясь с учителем⁷⁴.

Приют постоянно рос: кроме жилого дома, появились надворные постройки для хозяйственных нужд (птичник, хлев, баня, погреб, 2 хлебных амбара и помещения для конной чесальной машины), арендовалось помещение для столярной мастерской, а в

⁷¹ Краткие сведения об Алексеевском волостном приюте. – Казань: Типолит. И.Н. Харитонова, 1897. – С. 6.

⁷² Там же. – С. 8.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Там же. – С. 13.

1897 г. Алексеевский волостной сход принял приговор об ассигновании беспроцентной ссуды на строительство отдельного помещения для мальчиков старше 10 лет⁷⁵.

Для этих целей Казем-Бек сумел добиться получения из отдела экономии министерства финансов беспроцентной ссуды в размере 600 рублей сроком на три года. Поручителем выступил Алексеевский волостной сход⁷⁶. Надо сказать, что общество с. Алексеевского в это же время при участии Н.А. Казем-Бека совершенно бесплатно отдало помещение для народной библиотеки-читальни, капитал под которую завещал покойный крупнейший русский книгоиздатель Ф.Ф. Павленков⁷⁷.

Также на содержание воспитанников активно привлекались частные пожертвования, составлявшие сравнительно большую сумму. Только за один 1897 г. поступило от благотворителей 1356 рублей. Некоторые сочувствующие делу приюта приносили продовольствие (муку, горох), ситец и пр.⁷⁸

Однако с уходом Казем-Бека с должности земского начальника в 1898 г. приют лишился не только руководителя, но и авторитетного покровителя, способного привлекать финансы. Более того, в начале XX в. землевладелец столкнулся с серьезными денежными трудностями. По его свидетельству, столыпинская реформа стала причиной его банкротства⁷⁹. И дворянин уже не мог заниматься общественной работой. Тем не менее приюту было присвоено имя Казем-Бека в знак признания его личных заслуг. Ведь все знали, что даже личная трагедия, которая случилась с ним уже через год после открытия школы, не заставила бросить начатое

⁷⁵ Отчет по Алексеевскому волостному приюту за 1897 (5 год существования). – Ялта: Тип. Н.Р. Лупандина, 1898. – С. 9.

⁷⁶ Педагогическая деятельность Н.Н. Жеденова // Гроза врагов русского народа / Сост., предисл., коммент. Д.И. Стогов; отв. ред. О.А. Платонов. – М.: Ин-т русс. цивилизации, 2013.

⁷⁷ Отчет Лаишевской уездной земской управы о состоянии земского хозяйства и о действиях управы за 1900/1901 г. – Казань: Тип. П.И. Кидалинского, 1900. – С. 41.

⁷⁸ Краткие сведения об Алексеевском волостном приюте. – Казань: Типо-лит. И.Н. Харитонова, 1897. – С. 9.

⁷⁹ Казем-Бек Н.А. Причина моего разорения. – Казань: Типо-лит. И.Н. Харитонова, 1911. – [2], 40, 7 с.

дело – в 1894 г., на 17-й день после свадьбы, погибла его супруга, утонув на обратном пути из с. Алексеевского, где молодой Николай показывал устроенный им приют.

Оставшись без поддержки поручителя, Алексеевский волостной сход отказался от уплаты ссуды в размере 600 рублей, выданной отделом экономии министерства государственных имуществ. А в 1908 г. приговором от 20 апреля сельские жители и вовсе отказались от уплаты ссуды⁸⁰. Дальнейшее функционирование данного учреждения стало возможным благодаря бесперебойному финансированию со стороны земства, но поиском дополнительных средств для реализации новых проектов по развитию приюта (как, впрочем, и разработкой самих проектов) заниматься стало уже некому. В уездную управу неоднократно поступали заявления администрации приюта о необходимости увеличения материальной помощи. В связи с чем земство ходатайствовало о ежегодном пособии перед Романовским комитетом, созданным в годы Первой мировой войны с целью поддержки сирот «сельского состояния»⁸¹.

Таким образом, Алексеевский волостной приют стал результатом работы сразу нескольких звеньев местного управления – уездного земства, волостного схода, земского начальника. Крестьяне поддержали идею, и какое-то время исправно вносили сборы на содержание приюта. Земство ассигновало довольно большие денежные суммы. А Казем-Бек стал не просто инициатором открытия, но и неравнодушным попечителем. И если в Саратовской губернии противодействие приюту носило открытый характер, то в рассмотренном случае смена руководителя помешала полностью реализовать идею самообеспечения. С 1916 г. упоминания о приюте не встречается.

На примере Алексеевского приюта и других учреждений социальной поддержки мы видим, что инициативу в их организации проявляли частные лица, но с помощью органов самоуправления. Главной проблемой являлось финансирование, так как источники субсидирования были непостоянны и зависели от умения началь-

⁸⁰ РГИА. Ф. 395. Оп. 1. Д. 648. Л. 43.

⁸¹ Отчет Лаишевской уездной земской управы о состоянии уездного земского хозяйства и действиях уездной управы за 1914 г. – Казань: Тип. И.Н. Харитоновна, 1915. – С. 191–192.

ника добывать средства. Но все же на протяжении десятилетий эти учреждения помогали бедным, сиротам и немощным, обеспечивая их средствами к существованию, жильем, обучая и воспитывая.

§ 4. Досуг и развлечения

Культурную жизнь в провинции традиционно связывают с досугом представителей высшего сословия, и Лаишевский уезд в этом отношении не является исключением. По данным всеобщей переписи 1897 г., здесь проживало 269 потомственных дворян. В начале XX в. земельные владения 134 дворян были свыше 100 десятин, еще у 20 – более 1000. Неслучайно загородные усадьбы становились сосредоточием культурной жизни в сельской местности.

В деревне Лаишевского уезда прошли детские годы классика русской литературы Г.Р. Державина. Будущий поэт родился в с. Сокуры в 1743 г. Он вместе с младшим братом находился на воспитании матери. Вспоминая ранние годы жизни, Гаврила Романович писал об особенностях полученного им образования: «За неимением в тогдашнее время в том краю учителей, научен от церковников читать и писать. Мать, однако, имея более времени быть дома... старалась пристрастить к чтению книг духовных, поощряя к тому награждением игрушек и конфеток»⁸². В 1758 г. Державин начал обучение в Казанской первой гимназии, а в 1762 г. был зачислен в Преображенский полк в солдаты. Даже во время военной службы он писал стихи. Своими талантами он достиг высокого положения, став крупным государственным деятелем Российской империи и знаменитым поэтом.

Не менее известен его внучатый племянник Владимир Панаев – будущий поэт и прозаик. Он родился в 1792 г. в г. Тетюши, а с 1806 г. проживал с матерью в родовом имении, расположенном в с. Емельяново Лаишевского уезда. Впервые его стихотворения бы-

⁸² Записки из известных всем происшествий и подлинных дел, заключающие в себе жизнь Гаврилы Романовича Державина [Электронный ресурс] URL: <https://derzhavin.petrso.ru/site/notes-view?id=10> (дата обращения: 26.10.2022).

ли опубликованы в 1817 г. в журналах «Сын Отечества» и «Благонамеренный».

В домах наиболее состоятельных помещиков хозяев и гостей занимали музыкальные ансамбли. Профессор Императорского Казанского университета К.Л. Фукс оставил следующий отзыв о своем посещении поместья полковника Павла Львовича Толстого в с. Мурзиха: «Вечером весьма приятно заняла капелла, состоящая из собственных людей хозяина, в числе 16 человек. Разыгрывались удачным образом увертюры из Фенеллы, Фрейшица, Нормы и т.п., и все это было заключено Русскою пляскою... У хозяина бывают такие концерты каждый вечер, исключая субботу. Я не мог надивиться, что простые крестьяне или дворовые люди в короткое время делают такие быстрые успехи в музыке. Овчар здешнего хозяина – виртуоз на кларнете»⁸³. Сложившиеся десятилетиями традиции Павел Львович перенес в с. Новоспасское, где в 1847 г. приобрел имение у своего племянника, предпочитавшего жизнь за границей.

Но часто дворяне любили музицировать сами. Примером тому может служить проживавший в д. Паново дядя Льва Николаевича Толстого, полковник Владимир Иванович Юшков, – он играл на разных музыкальных инструментах, и даже исполнял на рояле произведения собственного сочинения, некоторые из этих пьес были напечатаны в Москве⁸⁴. А его супруга, Пелагея Ильинична, обожала светские вечера.

В дворянской среде было принято отмечать праздники. Семейными торжествами традиционно являлись дни рождения, именины, Рождество и Новый год. На таких застольях собиралась разномастная публика, причём приглашались и представители средних кругов местного общества. Например, племянница будущего губернского предводителя дворянства С.С. Толстого М.Л. Казем-Бек писала: «Вчера, по случаю дня именин дяди Сережи, мы были в Мурзихе, где набралось довольно много народу. В особенности священников и телеграфистов с их жёнами и детьми. Я ви-

⁸³ Карл Фукс о Казани, Казанском крае: труды, документы, воспоминания, исследования: [науч.-биограф. сб.-к] / Сост. М.А. Усманов, А.В. Гарзавина, И.А. Новицкая. – Казань: Жиен, 2005. – С. 131.

⁸⁴ Там же. – С. 126.

дела, как дядя устал занимать эту компанию, и мне хотелось всех их прогнать вон»⁸⁵.

Нередко молодёжь из дворянской среды ставила домашние спектакли, пела романсы, устраивала танцевальные вечера, совместные чтения. Так, Мария Львовна Казем-Бек, будучи тринадцатилетней девочкой, записала в своем дневнике, как её дядя Пётр Владимирович Панаев читал вслух роман Ф.И. Достоевского «Преступление и наказание», сочинение И.И. Панаева «Как добры люди!» и ряд произведений В.И. Панаева⁸⁶.

Во многом, досуг дворян зависел от положения в обществе, материального благосостояния. К дорогостоящим развлечениям относился спорт. В усадьбах устраивали площадки для игры в лаун-теннис, строили конюшни, где держали верховых лошадей, в псарнях жили охотничьи собаки, а для прогулок по воде покупали катера. Мария Львовна Казем-Бек, вспоминая о приобретении, совершенном её кузеном, писала: «Вчера снова были в Мурзихе и катались по Каме на паровом катере, который недавно купил и выслал из Петербурга Миша Толстой, заплатив за эту игрушку 2000 рублей, да 500 рублей за пересылку!..»

Если досуг в деревне, в основном, представлял собой самодеятельность, то в крупных городах, в столице дворяне посещали профессиональный театр, концерты, балы, смотрели скачки. Кроме того, разновидностью досуга дворян были визиты, которые являлись не только развлечением, но и обязанностью. Посещая тот или иной дом, гости таким образом выражали свое почтение хозяевам.

В уездном центре возможностей имелось больше, чем в деревне, но для людей из крупных городов их явно не хватало. Родившийся в Казани дворянин писатель Евгений Николаевич Чириков в своем произведении «Чужестранцы» целую главу посвятил Лаишеву, в котором в ссылке оказались одни из героев повести – чета Промотовых. Интеллигенты, марксисты, привыкшие к шумной общественной жизни столицы, в этом «медвежьем углу» они чувствуют себя как на каторге. Такое описание не льстит Лаишеву, однако недаром эпиграфом к повести служат некрасовские строки:

⁸⁵ Казем-Бек М.Л. Дневники. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2016. – С. 93.

⁸⁶ Там же. – С. 93.

«В столице шум, гремят витии,
Кипит словесная война...
А там, там, в глубине России,
Там вековая тишина!»

В автобиографии Чирикова отсутствуют сведения о его длительном пребывании в Лаишеве⁸⁷, поэтому можно предположить, что в нем использован собирательный образ захолустья. В пользу этой версии говорит упоминание в «Чужестранцах» клуба в Лаишеве. Такой клуб действительно существовал, однако был образован в 1894 г. В этом же году Чириков уехал в Самару и больше в этих местах не появлялся. Тем не менее Лаишев в качестве такого примера выбран не случайно и представляется интересным изучить, как же на самом деле обстояло с культурным досугом в городе.

Лаишев приобрел статус города в 1781 г., однако долгое время оставался, по существу, селом. Даже в конце XIX столетия из 3743 жителей 2343 (62,6%) принадлежали к крестьянскому сословию⁸⁸. Лаишев служил своего рода передаточным пунктом для торговли уральским железом, здесь его перепродавали и сплавляли далее по Волге. Таким образом, культурное значение города было невысоким, да и потребности горожан вполне соответствовали этому уровню. Однако, как указывает исследователь А.Н. Зорин, отсталыми такие города выглядели только сравнительно с крупными промышленными и университетскими городами. «Из глухих сел и деревень, стоящих на еще более низкой ступени, небольшие города оценивались совершенно иначе»⁸⁹. Действительно, Лаишев все же отличался от других селений уезда.

Фактором, способствовавшим повышению культурного уровня лаишевцев, стало открытие учебных заведений. В 1817 г. были открыты уездное и при нем приходское училища. Этому начина-

⁸⁷ Чириков Е.Н. Автобиографическая справка [Электронный ресурс] URL: http://az.lib.ru/c/chirikow_e_n/text_0030.shtml (дата обращения: 26.10.2022).

⁸⁸ Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / Под ред. [и с предисл.] Н.А. Тройницкого. – Т. 14: Казанская губерния. – СПб.: Изд-е Центр. стат. ком-та МВД, 1904 (обл. 1903). – С. 2.

⁸⁹ Зорин А.Н. Города и посады дореволюционного Поволжья. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001. – С. 3.

нию способствовал экстраординарный профессор Казанского университета Петр Сергеевич Кондырев, но «при отличном благорасположении к сему делу, хотя и малочисленного и небогатого, но усерднейшего купеческого и мещанского Лаишевского градского общества, при благоразумии и деятельности ратуши, примерном попечении некоторых достопочтенных особ и при общем содействии»⁹⁰. В 1861 г. библиотека Лаишевского уездного училища была самой богатой по сравнению с другими уездными училищами Казанской губернии⁹¹. В 1865 г. учреждена женская гимназия. Однако вплоть до последней четверти культурных развлечений для взрослых не существовало.

Молодежь обычно развлекалась на вечеринках, где знакомились парни и девушки, среди среднезажиточного населения были популярны чаепития. И среди всех слоев горожан было распространено увлечение спиртными напитками. Так, уже в первые годы существования Лаишевского училища оттуда был уволен учитель Глейниг «за нерадение к должности, за худое поведение, нетрезвость и буйство»⁹². В 1824 г. причетник Софийского собора Лаишева, даже находясь под наблюдением за пьянство, не удержался и выпил горячего вина⁹³. Чтобы искоренить пьянство требовалось не столько лишить людей водки, сколько дать им более благоприятные развлечения.

Особое место в жизни уездного города занимает народный эпос. Простые обыватели сочиняли стихи, пели песни, рисующие картину быта, а именно супружескую неверность, приворот и другие. Часто народный фольклор высмеивал городских обывателей за их положение – мещан, попов, чиновников, врачей. То есть объектом для иронии становились отдельные социальные группы, обладающие более высоким статусом, но деятельность которых не

⁹⁰ Казанские известия. – 1817. – № 64 (11 авг.).

⁹¹ Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Казанская губерния. – СПб.: Военн. тип., 1861. – С. 525.

⁹² Булич Н.Н. Из первых лет Казанского университета, 1805–1819. Рассказы по архивным документам Н. Булича. – Т. 2. – СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1904. – С. 323.

⁹³ ГА РТ. Ф. 5. Оп. 42. Д. 11. Л. 10 об.

всегда удовлетворяла запросам жителей. В стихках горожане не скупилась на юмор:

«Кто там? – лекарь,
Из-под Каменного моста аптекарь.
– Зачем пришел?
– Головушка болит, –
– Череп спилить,
Мозгу убавить,
Опилков прибавить!
Принимаю на ногах,
Отправляю на дровнях»⁹⁴
Особое отношение прослеживается к учащейся молодежи:
«...синяя говядина
по грошу за пуд,
котору собаки не жрут»⁹⁵.

В Лаишеве некоторое разнообразие общественной жизни начинается с конца XIX в. В 1887 г. городская дума приняла постановление об открытии публичной библиотеки, на учреждение которой было ассигновано 100 рублей сразу и затем по 50 рублей ежегодно⁹⁶. Большую помощь в создании библиотеки оказал местный активист Ф.С. Воронов. Он открыл подписку, объехал с подписным листом уезд; побывал в Казанской библиотеке Михайлова, где ознакомился с ведением библиотечного дела и приобрел там несколько книг; устроил спектакль, к участию в котором пригласил заезжего артиста и местных любителей. Сбор с этого спектакля целиком поступил на основание библиотеки. Некоторые из уездных помещиков внесли пожертвования книгами. К открытию фонд библиотеки насчитывал более 500 экземпляров⁹⁷.

Из трудностей первых лет существования библиотеки следует отметить тесное помещение длиной в 5 шагов и шириной в 3 шага, находившееся при мужском приходском училище. Через несколько

⁹⁴ Хрущов И.П. О материалах для этнографии уличной жизни детей, собранных в городе Лаишеве К.С. Рябинским. – СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1886. – С. 8.

⁹⁵ Там же. – С. 5.

⁹⁶ ГА РТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 7223. Л. 1.

⁹⁷ Волжский вестник. – 1887. – № 161. – 21 июня (3 июля).

лет после открытия, 1894 г., была предоставлена комната в здании женского училища, но она была не намного больше предыдущего помещения. Это обстоятельство не позволяло открыть читальню при библиотеке и книги приходилось только выдавать на дом⁹⁸.

Хотя городская дума и выделяла на содержание библиотеки средства, но их не хватало. За 1893 г. ее доход составил 223 рубля 57 копеек, из которых 114,82 рубля поступило в виде подписной платы, 100 рублей от думы и 8,75 рублей за проданные каталоги прений к периодическим изданиям. А израсходовано было 255 рублей 29 копеек. Главной статьёй расхода является выписка периодических изданий, составившая 118 рублей. Книг было приобретено всего на 16,79 рублей. Нехватка средств отрицательно сказывалась на фондах библиотеки, но с 1894 г. уездное земство стало выделять 120 рублей ежегодно в обмен на право бесплатного абонемена для учителей земских школ⁹⁹.

К 1894 г. в библиотеке было 8 отделов, на которые подразделялись все имеющиеся издания: 1. Религия. Философия. Педагогика. 2. Русская беллетристика. 3. Иностранная беллетристика. 4. Естествознание. Мироведение. 5. История и вспомогательные науки. 6. Общественные науки. 7. Книги разного содержания. 8. Периодические издания и приложения к ним. Наиболее обширным был раздел иностранной беллетристики – в нем было представлено 67 авторов. Лаишевцы могли приобщиться к произведениям У. Шекспира и Ф. Шиллера, Д. Байрона и О. Бальзака, так и насладиться более развлекательными романами Жюль Верна, Вальтера Скотта и Майн Рида. Чуть меньше составляло собрание русских авторов – 60 фамилий. К ним, конечно же, относились сочинения А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, А.С. Грибоедова и Н.В. Гоголя. Были представлены и более современные авторы – Ф.М. Достоевский, А.П. Чехов, Л.Н. Толстой и т.д. Из периодических изданий была возможность ознакомиться с «Вестником Европы», «Нивой», «Русской Мыслью» и другими¹⁰⁰.

К 1909 г. ассортимент изданий сильно расширился. Появились такие разделы, как «Психология. Логика. Педагогика: воспи-

⁹⁸ Там же. – 1894. – № 90. – 8 (20) апреля.

⁹⁹ Волжский вестник. – 1894. – № 90. – 8 (20) апреля.

¹⁰⁰ Каталог книг Лаишевской городской общественной библиотеки. – Казань: Тип. Губ. правл., 1894. – 14 с.

тание и обучение», «Политическая экономия. Социология. Статистика». Сильно вырос отдел русской литературы, теперь в нем было представлено 776 наименований, расширилось и число авторов, как имеющих мировую известность, так и менее знаменитых. Если ранее среди философских сочинений были только «Душа и тело» А. Бэна и «История философии» Д. Льюиса, то теперь появляются такие величины, как Ф. Ницше, А. Шопенгауэр, а из русских – Н.А. Бердяев и В.С. Соловьев¹⁰¹.

Жители города пользовались библиотекой не очень активно. Так, за 1893 г. было 58 абонентов, из них 28 учителей земских школ уезда, которые имели право на бесплатное обслуживание. Больше всего заказывали периодическую печать. Первым по популярности из журналов шла «Русская мысль», затем «Вестник Европы», «Исторический вестник», «Наблюдатель», «Русское богатство» и др. Из еженедельных изданий больше всего заказывали «Будильник», «Стрекозу» и «Неделю». Среди литературы лаишевцы предпочитали Л.Н. Толстого, И.А. Гончарова, А.Ф. Писемского. Пушкин и Лермонтов шли на последних местах, очевидно, потому что эти классики уже имелись в большинстве домов читающей публики.

Большей популярностью пользовалась библиотека у юношества. В 1896/1897 отчетном году за 3–5 копеечную месячную плату 107 подростков взяли 3706 книг. Их особенно привлекал детский отдел библиотеки и детские журналы, например «Детское чтение», «Родник», «Всходы», «Вокруг света» и «Читальня народной школы»¹⁰².

В уездном центре на каждые 350 жителей приходилось по 1 питейному заведению. В конце XIX в. в Лаишеве был создан отдел Казанского общества трезвости. Несмотря на сложившуюся позже репутацию черносотенной организации, общество действительно предлагало людям альтернативу алкогольному досугу. Целью отдела провозглашалось «противодействие употреблению спиртных напитков среди населения г. Лаишева»¹⁰³. Для достижения этой цели предусматривалось открытие чайных, столовых, библиотек,

¹⁰¹ Каталог книг Лаишевской городской общественной библиотеки. – Казань: Скоропечатня И. Я. Исерлис, 1909. – 96 с.

¹⁰² Волжский вестник. – 1897. – 1 (13 октября). – № 242.

¹⁰³ Устав Лаишевского общества трезвости. – [Б. м., б. г.] – С. 1.

читален, лечебниц для алкоголиков, а также организация развлекательных мероприятий без употребления спиртных напитков¹⁰⁴.

Лаишевская дума, чтобы помочь местному отделу общества, в 1896 г. предоставила здание на Средней улице для открытия чайной-читальни. Лаишевский исправник сообщал губернатору, что препятствий не имеется и даже желательно ее появление, поскольку в городе есть только трактиры, посещение которых сопряжено с пьянством, а в чайной можно провести время с пользой и за ничтожную цену выпить чаю¹⁰⁵. Книгами посетители пользовались бесплатно. Быть заведующим читальни изъявил желание священник А.И. Дмитриевский¹⁰⁶.

Помещение, в котором разместилась чайная, прежде занимал трактир. Кроме символического значения, такой выбор оказался удачен и для пользы дела. Сюда по привычке стали захаживать купцы, прежде посещавшие трактир. Они пили чай, обсуждали дела, однако их обычным посиделкам не хватало чтения местных газет «Волжский вестник» и «Казанский телеграф». Председатель Лаишевского отдела общества трезвости возбудил ходатайство перед губернатором о разрешении выдавать эти газеты, так как в списке допущенных к употреблению в читальнях газет и журналов они не числились. К счастью, этот вопрос был довольно скоро решен положительно¹⁰⁷.

Кроме читальни, общество трезвости устраивало показ туманных картин (предок диапроектора) для населения, а по праздничным дням проводило мероприятия для арестантов в тюрьме¹⁰⁸.

22 февраля 1894 г. от местного уездного исправника казанскому губернатору поступило прошение, где указывалось, что «общество состоящее преимущественно из дворян и чиновников в городе Лаишеве, желая доставить себе возможность проводить свободное время от занятий с удобством, приятностью и пользой, предполага-

¹⁰⁴ Там же.

¹⁰⁵ ГА РТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 10424. Л. 12.

¹⁰⁶ ГА РТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 10424. Л. 1.

¹⁰⁷ Там же. Д. 12170. Л. 1–4.

¹⁰⁸ Волжский вестник. – 1897. – 1 (13) октября. – № 242.

ет открыть в городе Лаишеве клуб»¹⁰⁹. Для этой цели предполагалось устраивать для членов Лаишевского общественного собрания, как в итоге стал называться клуб, танцевальные, музыкальные, литературные вечера и драматические представления, выписывать книги, газеты и другие периодические издания, а также устраивать публичные чтения по разным наукам с целью распространения полезных сведений¹¹⁰. Первоначальными членами собрания становились его учредители, а затем прием осуществлялся по рекомендации лиц, уже состоящих в нем, посредством выборов. За членство требовалось уплачивать определенный денежный взнос, если же он не вносился, то членство данного лица приостанавливалось вплоть до уплаты долга. Членами не могли стать женщины и несовершеннолетние, за исключением лиц, имеющих классные чины; воспитанники учебных заведений, нижние воинские чины и юнкера; члены, раз исключенные из собрания на основании устава, а также подвергшиеся ограничению прав по суду¹¹¹. Члены клуба могли приглашать гостей. Такая система отбора допускала в собрание только представителей лаишевского высшего общества. Даже на благотворительные вечера требовалась плата за вход, но вырученные деньги шли на помощь нуждающимся.

Танцевальные, музыкальные, драматические и литературные вечера начинались не ранее семи часов вечера, а заканчивались в три часа ночи. Посетители могли оставаться и позже, но за первые полчаса после этого срока платили штраф 50 копеек, за вторые – рубль, за третьи – 2 рубля, после чего клуб окончательно закрывался. Само помещение открывалось в полдень, чтобы дать возможность приезжим членам пользоваться кухней, читальней. Таким образом, в собрании можно было проводить практически весь день, ограничения в посещении действовали только на Страстной неделе, Пасхе и в Рождество. Кроме культурного досуга, в собра-

¹⁰⁹ ГА РТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 9385. Л. 1.

¹¹⁰ Устав Лаишевского общественного собрания. – Казань: Типо-лит. А.А. Родионова, 1894. – С. 1.

¹¹¹ Там же. – С. 2.

нии допускались карточные и иные игры, за исключением азартных и запрещенных правительством¹¹².

Средства, собиравшиеся с мероприятий, шли на благотворительность или позволяли развивать само общество. Так, деньги, полученные со спектакля «Сорванец» были отданы погорельцам с Мансурово. Средства от другого спектакля пошли в пользу самого клуба¹¹³.

Пресса сообщала, что вечера пользовались популярностью. Так, 31 января в Алексеевском 4-классном городском училище был «литературно-музыкальный вечер», собравший всю «интеллигенцию» села. Программа была разнообразной: ученики декламировали стихи, пели хором, играли на балалайках. После концертного отделения были устроены танцы. Гостям и ученикам был предложен чай. Вход бесплатный. Вечер произвел благоприятное впечатление¹¹⁴. 4 ноября местными любителями драматического искусства и приезжими артистами была поставлена комедия Островского «Свои люди – сочтемся» и водевиль «За 20 минут до звонка». Исполнили сравнительно хорошо. Публики было очень много, даже не хватило билетов, почему предполагается поставить эту комедию второй раз¹¹⁵.

Кроме того, по воскресеньям проводились религиозно-нравственные чтения, но их обычно посещала только женская часть населения¹¹⁶.

Также в конце XIX – начале XX в. стали появляться не только просветительские и развлекательные общества, но и преследующие более утилитарные цели. В 1915 г. был принят устав Лаишевского земского потребительского общества. Оно учреждалось с целью «доставления своим членам, по возможно дешевой цене или по

¹¹² Там же. – С. 12.

¹¹³ Волжский вестник. – 1897. – 11 (23) июля. – № 169.

¹¹⁴ Алексеевское (Лаишевского уезда). Выборы. – Вечер// Камско-Волжская речь. – 1912. – №24 (9 февр.).

¹¹⁵ Алексеевское (Лаишевского у.). Спектакли// Камско-Волжская речь. – 1912. – №257 (17 нояб.).

¹¹⁶ Мурзиха. В годовщину 19 февраля// Камско-Волжская речь. – 1912. – №46 (28 февр.).

умеренным рыночным ценам, различных предметов потребления и домашнего обихода и предоставления своим членам возможности из прибылей от операций общества делать сбережения»²⁷.

Следует отметить, что даже сами корреспонденты из Лаишева, писавшие заметки в газеты, называли свой город захолустьем. До 80-х гг. XIX в. он немногим отличался от села. И даже затем образовавшиеся библиотека и клуб удовлетворяли в культурном плане лишь не очень требовательную публику. Посети Промотовы Лаишев и в начале XX в., он показался бы им не отличающимся от того, что описан в повести. Но не даром интеллигенция стремилась жить в столицах или хотя бы в губернских городах. Уездные центры существовали совершенно в других условиях, они выполняли административные функции для окружающей их сельской местности, служили торговыми пунктами. И для населяющих их жителей тот досуг, который предлагали местные библиотека и клуб, нес просветительскую и культурную функции, развивая не только сам Лаишев, но и округу.

Глава 7. Лаишевский уезд в годы Первой мировой войны

§ 1. Повседневность в тылу

Первая мировая война стала серьезным испытанием для всей страны. Мобилизация мужского населения, эвакуация из западных губерний простых жителей империи, но являвшихся подданными вражеских государств, появление огромного количества иностранных военнопленных, а также беженцев, беспризорных сирот, инвалидов и раненых – вот лишь некоторые из проблем, с которыми пришлось столкнуться в тылу. Соответственно стали возникать категории населения, несвойственные для мирного времени, – беженцы, военнопленные, интернированные. Появились и новые социально незащищенные слои местных жителей, например, родственники мобилизованных на войну. На примере Лаишевского уезда можно изучить процессы их обустройства на местах.

Появление в уезде большого количества людей из разных уголков страны и даже других государств внесло коррективы в деятельность земства, на которое легла нагрузка по транспортировке, распределению и организации быта всех прибывающих. Появление чрезвычайных расходов заставило лаишевское земство перекраивать бюджет, экономя на всем, – на продовольствии заключенных, ремонте зданий училищ, учебных командировках медицинского персонала и т.д.

Однако все равно имевшиеся в распоряжении местного самоуправления капиталы не позволяли принять полномасштабное участие в тыловой поддержке правительства. По этой причине лаишевское собрание отказалось вступать во Всероссийский союз по оказанию помощи больным и раненым воинам, но в рамках уезда такой комитет для сбора пожертвований был создан. В него вошел весь состав управы, для ведения дел было нанято особое лицо с окладом

600 рублей. Уездный комитет оказывал лишь дополнительную помощь больным и раненым воинам и семьям мобилизованных, основную финансовую нагрузку на себя взяло губернское земство. Оно же предоставило уездному комитету кредит.

Первые мобилизационные сборы прошли 18 и 25 июля и 20 сентября 1914 г. Крестьяне предоставляли подводы для доставки мобилизованных в сборный пункт в г. Лаишев за следующую плату – 4 копейки за версту. Оплата задерживалась. А в случае роспуска подвод по домам ввиду изменения расписания вознаграждение за простой не выдавалось. Между тем от аккуратности предоставления подвод зависел успех, с которым проходила мобилизация. Поэтому управа все-таки настояла на выдаче денег за дни ожидания.

Одной из повинностей населения стали поставки лошадей в армию. Несмотря на то, что реквизиция производилась на платной основе, жители относились к этому мероприятию резко негативно, поскольку для некоторых крестьян изъятая лошадь могла быть единственной в хозяйстве. Еще большее возмущение вызывало, когда нетронутыми оставались конезаводы помещиков. Так, крестьяне с. Каипы донесли о том, что А.А. Лебедев, в имении которого насчитывалось до 200 голов лошадей, выбрал и представил самый плохой сорт своих рабочих лошадей – «слепых или хромых». В защиту Лебедева губернский предводитель сообщил, что конезавод насчитывает не 200 голов, а вдвое меньше. Сам же дворянин сослался на то, что он не знал, насколько закон обязывает его к таким поставкам, ведь конезаводчики не подлежали действию военно-конской повинности. И хотя практиковался предварительный осмотр на заводах и хозяйствах с большим конским составом, из обширного поголовья Лебедева было принято только одно животное, поскольку лошади остальных владельцев оказались более пригодными для службы в войсках, и комплект требуемых от уезда лошадей был пополнен¹.

Отметим, что еще задолго до начала войны, в январе 1911 г., земства были освобождены от расходов по призрению семей нижних чинов. А законом от 25 июня 1912 г. эта обязанность возлагалась на специально создаваемые органы – волостные попечитель-

¹ ГА РТ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 5756. Л. 1, 3 – 4.

ства, оказывавшие помощь из средств государственного казначейства, а не земской кассы.

Только в первый год по уезду было призвано 6256 запасных нижних чинов и ратников ополчения. Нельзя сказать, что оставшиеся без кормильца семьи все без исключения получили помощь. На нее могли рассчитывать жена и дети нижних чинов, а также ближайшие родственники (отец, мать, дед, бабка, братья и сестры), доказавшие, что содержались трудом призванного. Им полагалось получение пропитания (мука, крупы, соль, постное масло – все по 1 фунту в месяц) и денежного пособия (2 рублей 48 копеек в месяц). В некоторых деревнях остались осиротевшие малолетние племянники, престарелые дяди, тетки и пр.

С самых первых шагов деятельности волостных попечительств подтвердилась настойчивая нужда в помощи многим оставшимся без работников семьям на обработку и уборку полей. На каждое попечительство для этого было отпущено 250–770 рублей – всего же по уезду 7325 рублей. Причем выяснилось, что многие семьи воспользовались безвозмездной помощью еще до получения волостями средств. Ее оказали свои же однодеревенцы. Поддержка от волостных попечительств подоспела только во второй половине августа, когда эти сельскохозяйственные работы уже подходили к концу. С учетом ошибок 1914 г. уездная управа решила весной следующего года размеры помощи увеличить, так как мужских рук не осталось, лошадей тоже, сократилось поголовье скота, пищевые и кормовые средства истощились.

Кстати, и сами земские служащие подлежали призыву на фронт. С началом войны были мобилизованы 3 участковых и 1 ветеринарный врач, а также 3 фельдшера. Для замещения вакансий приходилось набирать несвойственный мирному времени персонал – женщин, студентов и слушательниц медицинских курсов. Все мобилизованные работники изъявили желание вернуться на земскую службу, поэтому их семьи были обеспечены пособием в размере половины жалованья.

В ноябре 1914 г. председатель совета сельско-хозяйственного общества в с. Рождествено Г. Кузьмин просил уездную управу о предоставлении кредита на приобретение инвентаря для прокатной станции. Чтобы все нуждающиеся родственники фронтовиков

могли беспрепятственно использовать это оборудование для очистки зерна и других хозяйственных нужд.

В первых числах августа стало известно о надвигающейся волне беженцев в Казанскую губернию – до 100 тысяч человек, из которых 8000 направились в Лаишевский уезд. В связи с чем были срочно организованы приемные и питательные пункты. Организация эвакуации была возложена на уездную управу, а санитарный надзор и пищевое довольствие – на волостные попечительства. Регистрация и медосмотр беженцев были устроены в Лаишеве и Рыбной Слободе, этапные пункты для добравшихся сухопутно находились в Нармонке, Шуране, Алексеевском, а для прибывающих по реке – бараки на лаишевской пристани. Медосмотр возложен на земского врача, а при его отсутствии – на городского (то есть уездного). Местное население предоставляло подводы за 5 копеек с версты. Беженцам выдавалось квартирное, суточное и фуражное довольствие – по 12 копеек на человека и по 30 фунтов сена в день за каждую голову скота. За размещение в глубинке уезда – 1 рубль в месяц на человека, каждой семье ежемесячно по 2 рубля 70 копеек – на взрослых и по 1 рублю 35 копеек на детей до 5 лет, а также по 30 копеек на каждое лицо для обустройства на месте. В самом Лаишеве беженцев не размещали.

Местный купец П.Я. Максимов на свои средства арендовал для беженцев бани. А на лаишевской пристани под барак бесплатно предоставил свой амбар П.В. Щетинкин. Эвакуация беженцев в уезд началась 4 сентября, первая партия из 43 семей прибыла в д. Нармонка 5-го числа, все 243 человека были расселены в Астраханской и Сараловской волости.

Затем последовали более многочисленные партии беженцев. Всего в 15 волостях уезда были расселены – 707 семей (3287 человека). Кроме того, беженцы перевезли с собой домашний скарб и 215 голов скота.

Значительная часть беженцев проследовала через Лаишевский уезд транзитом. Только в период с 10 сентября по 12 октября отсюда в Спасский уезд было эвакуировано 2278 человек, в Чистопольский – 3351. Также с ними доставили свыше полутора тысяч голов скота.

Заболевших беженцев задерживали в Лаишеве. В основном, это были дети, зараженные корью, скарлатиной и другими серьез-

ными заболеваниями. Больные помещались в местной земской больнице до выздоровления, а семьи изолировались в особых домах, предоставленных городом. Таких больных за все время эвакуации было зарегистрировано до 20 человек в 15 семьях и 3 летальных исхода.

Размещение и последующее содержание беженцев требовало огромных финансовых затрат. Средства для этих целей уездная управа получала из Казанского губернского комитета Всероссийского земского союза. Всего с 5 сентября по 25 октября было израсходовано 3700 рублей на выдачу квартирного, суточного и фуражного довольствия беженцам, проследовавшим в Чистопольский и Спасский уезды. На перевозку и содержание беженцев, расселенных внутри уезда, ушло свыше 14 тысяч рублей. Прочие расходы, связанные с поставкой дополнительных подвод, оборудование переправ через реки, отправку телефонограмм и пр. – составили более 600 рублей. Приблизительная сумма расходов превысила 18 тысяч рублей.

Все проследовавшие партии беженцев были эвакуированы из Холмской, Люблинской и Гродненской губерний. Многие находились в пути по 3–4 месяца. «Беженцы первых двух губерний наиболее разорены, изнурены и обтрепаны и представляли из себя довольно грустную картину»², более благополучно чувствовали себя гродненцы.

Поскольку беженцы получали только подъемные, то на новом месте жительства неизбежно вставал вопрос о поиске работы с целью обеспечения себя и своих семей. Измученные физически и душевно пережитыми бедствиями, они не сразу смогли сориентироваться в новых условиях и найти подходящую работу. Обосновавшись в сельской местности, особого выбора и не было, поэтому полевые работы стали основным источником заработка, независимо от квалификации и степени приспособленности к данному виду труда. А дети были бесплатно устроены в местные земские училища, а также церковно-приходские школы. Кроме того, во всех

² Постановления Лаишевского Уездного Земского Собрания – экстренных – 25-го февраля и 11-го августа и 50-й очередной сессии – с 6-го по 9-е ноября 1914 г. – Казань: Типо-лит. И.Н. Харитоновна, 1915. – С. 54.

медицинских учреждениях уездного земства было гарантировано бесплатное лечение.

Отметим, что среди беженцев было много сирот и детей, потерявших родителей. Всероссийский земский союз взял на себя устройство таких детей, а также организовал публикацию списков с указанием имени, фамилии, возраста и места нахождения ребенка. Так, по данным на 1916 г., в Лаишевском уезде насчитывалось 8 несовершеннолетних. Из них шестеро пребывали в уездных комитетах в с. Черемышево, с. Масловка и с. Ташкирмень. Еще двое поселились у родных, эвакуированных в с. Чирпы и с. Масловка, – это 10-летняя Юлия Петюк и 14-летняя Саевская Улита.

С августа 1915 г. по поручению Синода стали учреждаться епархиальные комитеты по оказанию помощи беженцам. Они предоставляли бесплатное питание и приюты, а кого-то направляли к родным. Помощь распространялась на учителей церковно-приходских школ, священников и рядовых православных. Практически всех селили по деревням, и только небольшую часть беженцев оставили в Лаишеве, разместив в Троицком женском монастыре. Осенью 1915 г. священник Байтеряковского приходского совета Павел Никольский писал: «Волна беженцев, наконец, дошла до моего прихода. 21 октября мне дали знать, что ведут в мой приход беженцев. Я взял с собой сельских старост и с ними пошел осматривать квартиры, которые предназначались для беженцев; просили хозяев теплые истопить избы, испечь хлебы им, из собранной, нами раньше, муки; исполнив все это, мы стали ждать гостей. Приехали беженцы, мы их поставили на теплые квартиры и стали раздавать им все необходимое... В настоящее время беженцы живут, Слава Богу, хорошо. Всем довольны. Народ им помогает оч. сильно. Жертвы, в приходской совет, текут. Больных среди них мало. Всего в моем приходе семей 23, а количество людей 128»³.

Известны имена некоторых церковнослужителей, прибывших в Лаишевский уезд и поступивших на службу на месте эвакуации. Это – священники Гродненской епархии Иоанн Петровский и Федор Огиевич. Оба приехали с семьями и прислугой. Для исполне-

³ ГА РТ. Ф. 1134. Оп. 1. Д. 1. Л. 66.

ния пастырских обязанностей Петровского командировали в с. Елань, а Огиевича – в с. Мурзиху⁴.

Судя по отчетам священника Байтерьяковского приходского совета Лаишевского уезда, беженцы изо всех сил старались прижиться на новом месте, но испытывали финансовые трудности: «Все беженцы выше всяких похвал, работают не покладая рук, за исключением 2–3 лентяев. Живут очень бедно. Про это все знают, но не все обращают внимание... К этому еще по распоряжению начальства убавили пайки тем, у которых много детей. Многосемейные беженцы взвыли. Местных средств мало и почти нет, пришлось искать источники, чтобы помочь им»⁵. Так, из комитета Гродненско-Софийского братства по оказанию помощи временной русским беженцам из Гродненской губернии поступили 179,74 рублей. Пособие было разовым, но у людей, уже не надеявшихся наладить свою жизнь, вдали от родных мест, в разлуке с близкими, «радости не было конца»⁶.

Кроме того, в период войны в уезд стали направляться военнопленные. Лагерь для их содержания был организован на территории г. Лаишев. Подобные места концентрации солдат находились также в Казани, Тетюшах, Спасске и других городах, но основная часть плененных была размещена близ Свияжска и в Чистополе, где их число превышало 5 тысяч человек⁷.

Больных военнопленных лаишевское земство размещало в своих больницах. Для них были отведены 15 коек, а 25 оставлены для местного гражданского населения. Лечение осуществлялось по таким же расценкам, как и у российских военнослужащих, – с платой по 1 рублю 39 копеек за сутки.

Мобилизация привела к дефициту рабочих рук, поэтому труд пленных оказался востребованным. Уже к середине февраля 1915 г. в лаишевское земство поступили заявки от помещиков на использование в хозяйстве 111 человек. Наибольшее количество рабочих – 24 человека – затребовал князь А.А. Крапоткин для про-

⁴ Там же. Л. 117 об.

⁵ Там же. Л. 226.

⁶ Там же.

⁷ Человек в революции: Казанская губерния. – Т. 2. – Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. – С. 272.

ведения весеннего посева в с. Юнусово. Еще 20 пленных запросил А.А. Лебедев на осенние работы в Каипах. Остальные просили прислать от 4 до 15 человек.

Правила отпуска военнопленных на сельскохозяйственные работы были Высочайше утверждены 28 февраля 1915 г. Первоначально уездное собрание хотело воздержаться от такого посредничества, потому что гласные не видели возможности обеспечить охрану подневольных работников. Однако пришлось включиться в работу, так как губернское собрание поддержало основные пункты правил, а к концу 1915 г. уездные земства стали напрямую отправлять запросы на военнопленных в штаб Казанского военного округа, минуя губернскую управу⁸.

Если среди первых заявителей на военнопленных были крупные землевладельцы, то вскоре мелкие собственники тоже обратили внимание на этот ресурс. Так, жители г. Лаишев, в хозяйствах которых в течение трех лет трудились пленные солдаты, утверждали, что они обходились дешевле местных рабочих⁹.

Широко известны случаи недобросовестного выполнения работ военнопленными. Низкая оплата труда и нежелание работать на противника приводили к снижению эффективности труда военнопленных и даже к намеренному саботажу с их стороны. Например, в начале 1916 г. управляющий в имени Демерт сообщал о том, что австрийские военнопленные портили рабочий инвентарь, грубо обращались с животными, при этом игнорируя его угрозы о суде¹⁰.

А в 1917 г. крестьяне насильно сгоняли пленных с помещичьих полей. Так, 4 мая губернскому комиссару поступило заявление землевладельца Л.А. Казанкина о том, что крестьяне, арендовавшие у него 38 десятин при д. Чемодуровой, не только отказались вносить плату по прежнему договору, но и разогнали с полей пленных рабочих, запретив им пахать землю. 10 мая дво-

⁸ Фортун А.А. Саратовское земство и военнопленные в годы Первой мировой войны // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения. – 2019. – Т. 19, вып. 3. – С. 377.

⁹ Человек в революции: Казанская губерния. – Т. 2. – Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. – С. 289.

¹⁰ Там же. – С. 282.

рянка Н.В. Нератова сообщала, как демобилизованные солдаты в сопровождении двух крестьян сняли в ее имении администрацию, всю прислугу и заявили пленным, что отныне она обязана кормить их, а они не должны работать на нее. Землевладелец П.С. Алексеев, пытаясь оспорить решение Пановского волостного комитета о передаче пашни в аренду, дошел до оскорблений, доказывая, что часть земли уже сдана. За что был заключен под стражу, а пленных не подпустили к работам¹¹. Новые органы исполнительной власти в лице волостных и сельских исполнительных комитетов даже вводили налог на пленных. Например, Урахчинский волостной комитет установил ежемесячную плату в размере 5 рублей, начиная с 1 мая 1917 г.

Особо нужно выделить группу гражданских пленнх, или интернированных. Они проживали на территории Российской империи, но являлись подданными стран, против которых велись военные действия. Из прифронтовых губерний выселяли во внутренние районы страны. Нередко интернированию подлежали только некоторые члены семьи, если остальные имели российское гражданство. Такое разделение поломало судьбы многих людей, вынужденных покинуть дом и переселиться в чужой город или даже деревню. Кроме разлуки с близкими, было множество других трудностей, с которыми им пришлось столкнуться. Статус интернированного означал, что человек не просто подлежал эвакуации, а отныне становился гражданским пленным и должен был жить по правилам ссылки. Назовем лишь некоторые из них – запрещалось покидать место жительства, кратковременные поездки до 7 дней требовали разрешения начальника полиции, регламентировалось даже время выхода на улицу – не позднее 7 часов вечера зимой и не после 8 – летом. Масса ограничений, введенных для иностранцев, вызывала обиду на власть. «Совсем не заслужил на таковое выселение, – писал 55-летний германский подданный Иосиф Гамбич о своем водворении в Лаишеве, – я человек благородный, мирный житель, мастеровой каменщик, в шпионстве не замечен»¹².

¹¹ Крестьянское движение в Казанской губернии накануне Великой Октябрьской социалистической революции. – Т. 1: Сб. док. – Казань: Татаргосиздат, 1950. – С. 191.

¹² ГА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 87. Л. 29.

Но были в числе ссыльных и политически неблагонадежные лица. Так, в Лаишеве был поселен 26-летний поляк А.С. Пиотровский. Живя в Варшаве и не имея определенных занятий, он вел на окраине города картежную игру, вовлекая в нее проходящих в одиночку военных, что не могло не послужить поводом для подозрения¹³.

Первая мировая война стала трудным испытанием для всего населения Лаишевского уезда, как местного, так и пришлого. Органам самоуправления пришлось изыскивать места для приезжих, организовывать им медицинскую, продовольственную и денежную помощь, устраивать их детей в школы. В первую очередь, заботились о российских подданных, но об иностранцах тоже не забывали. В больницах военнопленным отводили количество мест, сопоставимое с таковым для уездных жителей. Поскольку все меры помощи требовали огромных вложений, финансовую помощь оказывало губернское и общероссийское земство и правительство. Помогали и сами лаишевцы. Небогатые крестьяне могли вскладчину оказывать поддержку попавшим в трудную ситуацию односельчанам, а зажиточные купцы предоставляли помещения для беженцев. Была и некоторая выгода от этой трудной ситуации – военнопленных можно было эксплуатировать по низкой цене, чем пользовались как помещики, так и крестьяне. Для всех новых категорий населения это было очень непростое время, но постепенно они обустроивались, налаживали контакты, организовывали быт. Слаженные действия органов управления и обычных жителей позволили этим незащищенным слоям почувствовать некоторое улучшение своего состояния.

§ 2. Солдат из Лаишевского уезда

Первая мировая война всколыхнула спокойную жизнь в провинции. Первые мобилизационные сборы в Лаишевском уезде прошли во второй половине июля и в конце сентября 1914 г. Только в первый год по уезду было призвано 6256 запасных нижних чинов и ратников ополчения.

¹³ ГА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 88. Л. 2.

Ещё 17 июля, накануне объявления всеобщей мобилизации, из кадра 161-го пехотного Александровского полка в Казани началось формирование 305-го Лаишевского полка. Командиром был назначен полковник Василий Иванович Пупырев¹⁴. Полк из 4-х батальонов находился в резерве 77-й дивизии¹⁵. В середине августа эшелоны прибыли в Варшаву для несения караульной службы¹⁶. Отсюда полк периодически выступал в приграничные крепости для несения сторожевой охраны и выполнения различных строительных работ, вступая в перестрелки с неприятелем¹⁷.

Из журналов военных действий, тщательно заполнявшихся полковым писарем, мы узнаем обо всех операциях. Так, несмотря на то, что Лаишевский полк являлся второочередным (запасным), он отличился на Восточном фронте в ряде важных сражений, среди которых была Праснышская операция. Тогда, за период с 27 ноября по 2 декабря 1914 г., потери полка составили 28 человек убитыми, ещё 2 офицера и 193 нижних чина были ранены, а 29 солдат пропали без вести. Полку была объявлена благодарность¹⁸. Но дальнейшее продвижение с 8 по 15 декабря было приостановлено, когда выяснилось, что есть большие брюшным тифом, и полк был закрыт на недельный карантин¹⁹.

В следующем году ожесточенные бои продолжились, о чем свидетельствуют трофейные 16 пулемётов, захваченные к декабрю 1915 г.²⁰ А летом 1916 г. Лаишевский полк принял участие в 1-м и 2-м Ковельских сражениях в рамках знаменитого Брусиловского прорыва²¹. Известно, что полк находился на фронте вплоть до окончания войны в 1918 г.

¹⁴ РГВИА. Ф. 2914. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.

¹⁵ Памяти героев Великой войны 1914/1918 [Электронный ресурс] URL: <https://gwar.mil.ru/army/395/> (дата обращения: 19.04.2021).

¹⁶ РГВИА. Ф. 2914. Оп. 1. Д. 3. Л. 2 – 2 об.

¹⁷ Там же. Л. 3 – 3 об.

¹⁸ Там же. Л. 12 об. – 13.

¹⁹ Там же. Л. 13 об.

²⁰ Олейников А.В. Захвачены в бою. Трофеи русской армии в Первой мировой. – М.: Вече, 2014. – С. 315.

²¹ Памяти героев Великой войны 1914/1918 [Электронный ресурс] URL: <https://gwar.mil.ru/army/395/> (дата обращения: 19.04.2021).

Проявившие себя в сражениях солдаты были представлены к наградам. Например, за проявленную храбрость в ожесточенных боях близ польской деревни Радзаново 3–4 января 1915 г. 50 человек награждены Георгиевскими крестами 4-й и 3-й степеней. Среди отличившихся был уроженец д. Новый Арыш Бетьковской волости Лаишевского уезда, рядовой Карим Халимович Халимов. Несмотря на очевидную опасность, находясь под сильным артиллерийским огнем, он доставил патроны на место боя своей роты²². Однако судьба не была благосклонна к герою. 9 июля, выполняя приказ по занятию позиции между польскими деревнями Якубовка и Шпиколоссы, Карим Халимов получил серьезное ранение и попал в дивизионный лазарет, а затем отправлен домой²³. А солдат из Кобяк-Козинской волости Лаишевского уезда – младший унтер-офицер 301-го пехотного Бобруйского полка Гатаулла Хабибуллин после получения креста перестал присылать родственникам письма и пропал без вести²⁴.

Некоторые участники Лаишевского полка имели по несколько наград. По данным на январь 1916 г., 8 человек стали кавалерами трех Георгиевских крестов, еще один – имел «полный бант». Среди обладателей наград трех степеней были уроженцы Казанской губернии – крестьянин из с. Богоявленская Горка²⁵ Билярской волости Чистопольского уезда, подпрапорщик Александр Гурьянович Фомин, призванный из запаса 17 июля 1914 г.²⁶

Всего же в период с 1914 до 1918 г. было мобилизовано 20 тысяч жителей Лаишевского уезда, что составляло десятую часть на-

²² Список нижним чином, удостоенным награждения Георгиевскими крестами // Приказы по войскам 5-й армии №№ 227–424. – [Б.м., б.г.]. – С. 3–4.

²³ РГВИА. Ф. 16196. Оп. 1. Д. 239763. Л. 176 об. – 177.

²⁴ Габдрафикова Л.Р., Абдуллин Х.М. Татары в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.): монография. – Казань: Ин-т истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2015. – С. 136.

²⁵ Совр. д. Горка Алексеевского района РТ.

²⁶ Битва гвардий [Электронный ресурс] URL: <http://btgv.ru/archive/-305th-infantry-laishevsky-regiment-in-november-1914-october-1915-year/> (дата обращения: 15.11.2021).

селения²⁷. Потери были значительными – 2358 человек пропали без вести, 791 убит в сражениях, 383 оставлены на поле боя, 63 человека скончались от ран, отравления, болезней и т.д., еще 14 человек попали в плен, из которых освобождены были только пятеро. Также много людей было ранено или заражено различными инфекционными заболеваниями – 9833 и 5735 человека соответственно. По некоторым военнослужащим и вовсе нет никаких сведений.

Общая картина по наградам, которые получили выходцы из Лаишевского уезда, следующая: 66 человек – Георгиевский крест IV степени, 23 – Георгиевскую медаль IV степени, 7 – Георгиевский крест III степени, 1 – Георгиевский крест I степени, 1 – Георгиевский крест II степени, 1 – Орден Святого Георгия IV степени.

Призыву подлежали также медицинские работники. Так, по Лаишевскому уезду с началом войны были мобилизованы 3 участковых и 1 ветеринарный врач, а также 3 фельдшера. Все мобилизованные работники изъявили желание вернуться на земскую службу, поэтому их семьи были обеспечены пособием в размере половины жалования. Еще в годы русско-японской войны лаишевский земский доктор, будущий профессор Императорского Казанского университета, Николай Дмитриевич Бушмакин, был призван военным врачом пограничной стражи в Маньчжурии (1903–1905). А во время Первой мировой на фронт отправилась его супруга Мария Петровна. По сведениям казанского историка Е.В. Афонинной, соответствующее заявление в Казанское губернское по воинской повинности присутствие поступило от Бушмакиной 2 сентября 1917 г.²⁸ Биографические сведения о ней крайне скудны. Нам известно, что Мария Петровна родилась в 1880 г., в 1910 г. она окончила Санкт-Петербур-

²⁷ Подсчитано по: Памяти героев Великой войны 1914/1918 [Электронный ресурс] URL: <https://gwar.mil.ru/army/395/> (дата обращения: 19.04.2021).

²⁸ Афонина Е.В. Участие женщин-врачей Казани в Первой мировой войне // Татарский народ и народы Поволжья в годы Первой мировой войны: сб-к мат-лов Всеросс. науч. конф. с междунар. уч., приур. 100-летию начала войны. – Казань: Ин-т истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2014. – С. 156.

ский женский медицинский институт²⁹, некоторое время являлась ассистентом в гинекологической клинике Иркутского университета. В 1899 г. в семье Бушмакиных родился сын Игорь, он в 1918/1919 учебном году учился в Томском университете в Сибири, куда его отца эвакуировали на время Гражданской войны.

Тем временем в тылу органы местного самоуправления занимались решением вопросов, связанных с оказанием помощи семьям призванных на фронт. 2 августа 1914 г. оформился Казанский губернский комитет Всероссийского земского союза. Такие комитеты появляются в уездах. Лаишевский комитет, в силу ограниченности средств, оказывал лишь дополнительную помощь больным и раненым воинам и семьям мобилизованных, основную финансовую нагрузку на себя взяло губернское земство.

Оставшиеся без кормильца семьи могли рассчитывать на помощь. Однако реальность оказалась иной, и родственники не всегда знали, на какую помощь могут претендовать и в какие учреждения обращаться с прошениями. Так, крестьянин с. Алексеевское Лаишевского уезда И.П. Кондалинцев распространял среди жен ратников неверную информацию о полагающихся пособиях. За что постановлением казанского губернатора от 27 декабря 1914 г. был выслан из губернии до окончания войны³⁰.

Для приема больных и увечных силами Всероссийского союза земств открываются лазареты. Так, в Казанской губернии в 1915 г. было устроено 2907 коек. Свыше 2000 кроватей приходилось на Чебоксарский, Цивильский и Ядринский уезды; Казанская земская больница имела 13 мест, казанские городские лазареты – 301, Лаишевская земская больница – 15, Свяжская – 15, Свяжская монастырская больница – 12, лазареты в Чистопольском уезде – 286³¹.

²⁹ Там же. – С. 152.

³⁰ Семенова Ю.Е. Мироззрение городского населения Поволжья в годы Первой мировой войны (1914 – начало 1918 гг.): социальный, экономический, политический аспекты. – Самара: АНО «Издательство СНЦ РАН», 2012. – С. 124.

³¹ Шибаета В.Ф., Бреткина М.А., Ванюшкин Е.А. Военные госпитали и лазареты в годы Первой мировой войны в Чувашском крае // Здравоохранение Чувашии. – 2014. – №3 [Электронный ресурс] URL: <https://zdravch.ru/2020/11/19/voennye-gospitali-i-lazarety-v-gody-pervoj-mirovoj-vojny-v-chuvashskom-krae/> (дата обращения: 26.10.2022).

Лаишевская помещица Ю.Е. Берстель стала попечительницей в одном из казанских госпиталей. Служивший с её мужем в управе дворянин Н.А. Мельников вспоминал: «Ее госпиталь по справедливости можно было назвать самым лучшим. Помимо примерной чистоты, прекрасного питания и самого внимательного ухода, в нем была организована целая школа плетения разных корзин и других вещей. Кажется, среди пленных австрийцев Ю.Е. Берстель разыскала мастера по плетению и, пополняя его практические знания своим умением создать красивую и оригинальную вещь, достигла заметных результатов»³². Кроме того, были открыты лечебницы в имениях помещиков. Так, в имении Нератова в с. Тангачи разместилось 10 раненых. Всего же лазарет мог одновременно вместить до 20 солдат³³.

В с. Ташкирмень по инициативе местного волостного писаря г. Мухина все члены волостного правления и члены попечительства постановили выделить в пользу раненых по 3 рубля 50 копеек с человека. Помещик А.А. Деларю пожертвовал 25 рублей, крестьяне жертвовали деньгами и вещами.

Для поднятия боевого духа мусульман в подразделения назначили духовных лиц. Так, имама Шарафетдина Кеманайдинова, выходца из крестьян Лаишевского уезда, призванного из запаса, назначили военным имамом Юго-западной армии³⁴.

В уезде также шла война, но на невидимом фронте. Крестьянин Лаишевского уезда Ф. Богаткин задержал отставного штаб-капитана И.А. Киндельского, старавшегося получить информацию о располагавшихся неподалёку воинских частях. Оказалось, что тот недавно прибыл из Вены и у него нашли блокнот с зашифро-

³² Мельников Н.А. 19 лет на земской службе: (Автобиографический очерк и воспоминания) // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII – XX вв.: Альманах. – М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2008. – С. 383.

³³ Тангачи Лаишевского уезда. Лазарет в деревне // Камско-Волжская речь. – 1912. – №225.

³⁴ Габдрафикова Л.Р., Абдуллин Х.М. Татары в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.): монография. – Казань: Ин-т истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2015. – С. 112.

ванными записями. По приговору Казанского военно-окружного суда 26 января 1915 г. Киндельский был повешен³⁵.

В то же время иногда шпиономания оказывалась избыточной. Тот же Богаткин, услышав от других крестьян, что на одном из хуторов хозяин живёт, ни с кем не общаясь, и куда яко бы по ночам прилетал какой-то змей, подумал, что это германский дирижабль или самолёт забирал бензин. Богаткин донёс об этом приставу, но сведения не подтвердились³⁶.

Таким образом, Лаишевский уезд дал фронтам Первой Мировой войны немало солдат. Свыше 20 тысяч лаишевцев участвовали в войне, более 3 тысяч так и не вернулись к родному очагу.

Был сформирован полк, названный в честь Лаишева. Конечно, в нем служили не только жители Лаишевского уезда, но он сумел прославить имя города. Полк успел принять участие во многих битвах и просуществовал до самого конца войны.

Жители Лаишевского уезда проявили себя в боях, за что были награждены орденами и медалями.

Правительственные и общественные организации объявили о мерах помощи семьям воевавших, но их было недостаточно. Более того, не все знали, как её получить, отчего стали распространяться слухи.

Местная земская больница была отдана под госпиталь, но с небольшим количеством мест. Дворянство принимало попечение о нуждах раненых.

Обычные жители, даже если не принимали участия в боях на фронте, помогали армии поимкой шпионов.

³⁵ Бойко С.Ф. Казанское губернское жандармское управление в годы Первой мировой войны: о некоторых новых направлениях деятельности // Запад – Восток. Научно-практический ежегодник. – 2014. – С. 27.

³⁶ Семенова Ю.Е. Мировоззрение городского населения Поволжья в годы Первой мировой войны (1914 – начало 1918 гг.): социальный, экономический, политический аспекты. – Самара: АНО «Издательство СНЦ РАН», 2012. – С. 431.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Лаишевский уезд, как по отзывам современников, так и по социально-экономическому состоянию представлял собой глубокую провинцию. Но как раз такие «медвежьи углы» и составляли большинство селений России. Поэтому те процессы, которые проходили здесь, являли собой общероссийское явление. Но при этом каждая глубинка обладала и уникальными чертами, проявлявшимися в экономической специализации, имела свои выдающиеся личности.

В хозяйственной жизни Лаишевского уезда со второй половины XIX в. определяющую роль играли земства. В местном земском собрании главенствовали представители дворянства, что в условиях неграмотности и неразвитости крестьянства было закономерным явлением. Хотя среди земцев были разные люди, но наиболее яркие личности старались поставить свой опыт и силы на службу земледельцам. При нехватке финансирования именно личностные качества были важнейшими в улучшении жизненных условий людей. Особенно сильно это проявлялось в таких отраслях, как образование и медицина. Небольшое жалование, каждодневный тяжелый труд требовали самоотверженности и любви к своему делу. Такие врачи, как И.С. Кривоносов, Р. Понсе-де-Сандон, долгие годы лечили крестьян в тяжелых условиях. Образованию сельского населения способствовали и частные лица, открывавшие школы. Это могли быть как зажиточные землевладельцы, так и лица духовного звания – П.П. Соколов, Ф.Н. Сосунцов.

В сельском хозяйстве деятельность земства была направлена как на решение срочных вопросов – помощь во время стихийных бедствий, так и на перспективу развития крестьянских хозяйств – организацию опытных полей, курсов для земледельцев и т.д. Но если помощь крестьяне охотно принимали, то с введением новаций было труднее. Крестьяне жили в традиционном обществе и

не горели желанием что-то менять. Земцы сталкивались с консервативным сознанием сельских жителей во всех сферах деятельности, и это сильно затрудняло их работу.

Крестьянство представляло отдельный мир и крестьянское самоуправление соответственно сильно отличалось от земского. Сельская администрация часто закрывала глаза на проступки «своих» людей в сфере страхования, не извещала о прививках. На волостном уровне наблюдалась такая же картина. В городской думе большинство гласных также были из низших сословий – крестьянства и мещанства. Но городские крестьяне могли вести торговлю, иметь образование и отличались по менталитету от своих деревенских собратьев. Кроме того, в городском самоуправлении имелось и немало купцов, которые имели опыт предпринимательства и разбирались в местном хозяйстве. Поэтому, хотя думские гласные заботились и о своих торговых интересах, но не забывали и об общественных делах, заботились о просвещении, поддерживали инициативы общества трезвости.

Экономика Лаишевского уезда отличалась слабым развитием торговли и промышленности. Если в первой половине XIX в. существенные обороты имела Караванная ярмарка в Лаишеве, то затем она теряет прежнее значение. В отличие от соседнего Чистополя, Лаишев так и не стал крупным торговым центром, так как не имел такой удобной пристани и обширных плодородных земель поблизости. Промышленность также была представлена слабо, предприятия были приспособлены под переработку местного сельскохозяйственного сырья и не имели больших оборотов. В то же время довольно широкое распространение получило ремесленное производство. Лаишевские кружева достигали даже Америки, но, в основном, промыслы также были направлены на местное потребление, как и экономика в целом.

До конца XIX в. как у сельских, так и у городских жителей было мало возможностей для проведения культурного досуга, увеселительные мероприятия проводились лишь в дворянских усадьбах. Только с появлением общественного самоуправления начинают появляться библиотеки, различные общества для организации досуга своих членов и проведения спектаклей и концертов. Но и они

были сосредоточены в уездном городе, для крестьян же основные развлечения по-прежнему находились в кабаках.

Многие исторические события не миновали и Лаишевский уезд – участники Казанского заговора пытались поднять местных крестьян на борьбу с царским режимом, затронули его и волнения татар, а в грозные революционные годы местные землевладельцы в полной мере ощутили стихийную силу крестьянства.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

I. НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Российский государственный исторический архив

Ф. 395. Отдел сельской экономики и сельскохозяйственной статистики

Ф. 91. Фонд Вольного экономического общества

Ф. 950. Калачаев Николай Васильевич (1819–1885), археограф, управляющий Московским архивом Министерства юстиции, основатель и первый директор Археологического института в Петербурге

Ф. 51. Товарищество Алапаевских горных заводов наследников С.С. Яковлева

Российский государственный военно-исторический архив

Ф. 16196. Главный штаб (1865–1918). Особое делопроизводство по сбору и регистрации сведений о выбывших за смертью или за ранами, а также пропавших без вести воинских чинах, действующих против неприятельских армий // Памяти героев Великой войны 1914/1918 [Электронный ресурс] URL: <https://gwar.mil.ru/army/395/> (дата обращения: 19.04.2021).

Ф. 2914. Пехотные полки. 305-й Лаишевский пехотный полк (1914–1918) // Памяти героев Великой войны 1914/1918 [Электронный ресурс] URL: <https://gwar.mil.ru/army/395/> (дата обращения: 19.04.2021).

Государственный архив Республики Татарстан

Ф. 1. Канцелярия Казанского губернатора

Ф. 4. Казанская духовная консистория

Ф. 5. Лаишевское духовное правление Казанской губернии

Ф. 259. Казанское отделение Дворянского земельного банка

Ф. 419. Канцелярия Казанского губернского по земским и городским делам присутствия

Ф. 424. Шумбутский винокуренный завод Лихачева Л.Я. Лаишевского уезда Казанской губернии

Ф. 893. Лаишевская уездная тюрьма Казанской губернии

Ф. 1183. Молостцова Александра Валериановна – потомственная дворянка, крупная землевладелица Спасского уезда Казанской губернии.

Ф. 1246. Канцелярия казанского губернского комиссара Временного правительства

Ф. Р-983. Казанский губернский совет крестьянских депутатов

II. ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. Воззвание к крестьянам «Долго давили вас, братцы!» (ноябрь, 1862 г.) // Конец крепостничества в России (документы, письма, мемуары, статьи). – М.: Изд-во МГУ, 1994. – С. 421.

2. Краткие сведения об Алексеевском волостном приюте. – Казань: Типо-лит. И.Н. Харитоновна, 1897. – 13 с.

3. Краткие справочные сведения о хозяйствах, разводящих птицу, кроликов и коз / Сост. Н.Л. Жук. – СПб.: Типо-лит. М.П. Фроловой, 1913. – 809 с.

4. Крестьянское движение в 1827–1869 [годов] / Подг. к печ. [и авт. предисл.] Е.А. Мороховец; [Центрархив]. – М.-Л.: Соцэкгиз, 1931. – Вып. 2. – 222 с.

5. Крестьянское движение в Казанской губернии накануне Великой Октябрьской социалистической революции. – Т. 1: Сб. док. – Казань: Татгосиздат, 1950. – 246 с.

6. Кустарные промыслы Казанской губернии / Вып. 1. – Казань: Типо-лит. В. Косолапова, 1901. – 139 с.

7. Лаишевский способ оспопрививания / Сост. Э. Витте. – Казань: Типо-лит. К.А. Тилли, 1873. – 31 с.

8. Материалы для истории народного образования в Лаишевском уезде. – Казань: Тип. Казанского Биржевого Листка, 1887. – 295 с.

9. Материалы для истории революционного движения в России в 60-х гг. – Paris: Societe nouvelle de librairie et d'edition, 1905. – 266 с.

10. Материалы по вопросу о преобразовании тюремной части в России. – СПб.: Тип. МВД, 1865. – 678 с.

11. Материалы по истории образования и просвещения народов Волго-Уралья в рукописных фондах Н.И. Ильминского. Сборник документов и материалов / Авт.-сост.: Р.Р. Исааков, Х.З. Багаутдинова. – Казань: Ин-т истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2015. – 619 с.

12. Материалы по истории Татарии второй половины XIX века. Ч. 1: Аграрный вопрос и крестьянское движение 50–70-х годов XIX в. Волгин В.П. (ред.). – М.: АН СССР, 1936. – 512 с.

13. Обязательные постановления для жителей гор. Лаишева, состоявшиеся согласно 103–106 ст. Гор. Пол., в заседании Лаишевской городской думы 10 апреля 1883 г. – Казань: тип. А.А. Родионова, 1889. – 16 с.

14. Отчет Лаишевской уездной земской управы о состоянии уездного земского хозяйства в 1867/1868 г. – Казань: Губ. тип., 1868. – 52 с.

15. Отчет Лаишевской уездной земской управы о состоянии уездного земского хозяйства в 1884/1885 г. – Казань: Тип. Каз. унта, 1885. – 302 с.

16. Отчет Лаишевской уездной земской управы о состоянии уездного земского хозяйства и действиях уездной управы в 1885/1886 г. – Казань: Тип. Губ. правл., 1886. – 335 с.

17. Отчет Лаишевской уездной земской управы о состоянии уездного земского хозяйства и о действиях уездной управы в 1888/1889 г. – Казань: Типо-лит. А.А. Родионова, 1889. – 406 с.

18. Отчет Лаишевской уездной земской управы о состоянии уездного земского хозяйства и действиях уездной управы в 1889/1890 г. – Казань: Тип. Ковалевой, 1890. – 234, 209 с.

19. Отчет Лаишевской уездной земской управы о состоянии уездного земского хозяйства и действиях уездной управы в 1890/1891 г. – Казань: Типо-лит. А.А. Родионова, 1891. – 248, 173 с.

20. Отчет Лаишевской уездной земской управы о состоянии уездного земского хозяйства и о действиях уездной управы в 1894/1895 г. – Казань: Тип. А.А. Родионова, 1895. – 272, 208 с.

21. Отчет Лаишевской уездной земской управы о состоянии уездного земского хозяйства и о действиях уездной управы в 1896/1897 г. – Казань: Тип. Б.Л. Домбровского, 1897. – 501 с.

22. Отчет Лаишевской уездной земской управы о состоянии уездного земского хозяйства и действиях уездной управы в 1897/1898 г. – Казань: Типо-лит. И.Н. Харитоновна, 1898. – 523 с.

23. Отчет Лаишевской уездной земской управы о состоянии уездного земского хозяйства и действиях уездной управы в 1898/1899 г. – Казань: Тип. П.И. Кидалинского, 1899. – 565 с.

24. Отчет Лаишевской уездной земской управы о состоянии уездного земского хозяйства и о действиях уездной управы в 1899/1900 г. – Казань: Тип. П.И. Кидалинского, 1900. – 666 с.

25. Отчет Лаишевской уездной земской управы о состоянии земского хозяйства и о действиях управы за 1900/1901 г. – Казань: Тип. П.И. Кидалинского, 1900. – 602 с.

26. Отчет Лаишевской уездной управы о состоянии уездного земского хозяйства и о действиях уездной управы в 1902/1903 г. – Казань: Тип. А.М. Петрова, 1903. – 635 с.

27. Отчет Лаишевской уездной земской управы о состоянии уездного земского хозяйства и действиях уездной управы в 1905/1906 г. – Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1906. – 204, 240 с.

28. Отчет Лаишевской уездной земской управы о состоянии уездного земского хозяйства и о действиях уездной управы в 1907/1908 г. – Казань: Тип. Д.М. Гран, 1908. – 218, 149 с.

29. Отчет Лаишевской уездной земской управы о состоянии уездного земского хозяйства и о действиях уездной управы за 1909/1910 г. – Казань: Тип. Д.М. Гран, 1910. – 245 с.

30. Отчет Лаишевской уездной земской управы о состоянии уездного земского хозяйства и о действиях уездной управы за 1910/1911 г. – Казань: Тип. М.Н. Кошкина, 1912. – 374, 351 с.

31. Отчет Лаишевской уездной земской управы о состоянии уездного земского хозяйства и о действиях уездной управы в 1912/1913 г. – Казань: Тип. М.Н. Кошкина, 1913. – 283 с.

32. Отчет Лаишевской уездной земской управы о состоянии уездного земского хозяйства и действиях уездной управы за 1914 г. – Казань: Тип. И.Н. Харитоновна, 1915. – 291 с.

33. Отчет по Алексеевскому волостному приюту за 1897 г. (5 год существования). – Ялта: Тип. Н.Р. Лупандина, 1898. – 24 с.

34. Плодоводство Казанской губернии. – Казань: Типо-лит. И.Н. Харитоновна, 1911. – 199 с.

35. Постановления Лаишевского уездного земского собрания, состоявшегося с 24 по 29 сентября и экстренного Лаишевского уездного земского собрания 29 декабря 1901 г. – Казань: Тип. П.И. Кидалинского, 1902. – 215 с.

36. Постановления Лаишевского уездного земского собрания, состоявшегося 5 марта и 16 марта и со 2 по 8 октября 1912 г. – Казань: Тип. М.К. Кошкина, 1913. – 363 с.

37. Постановления Лаишевского уездного земского собрания, состоявшегося с 22 по 29 сентября 1877 г. – Казань: Губ. тип., 1878. – 187 с.

38. Постановления Лаишевского уездного земского собрания, состоявшегося 10 августа и с 3 по 10 октября 1894 г. – Казань: Ско-ропечатня Л.П. Антонова, 1895. – 156 с.

39. Постановления чрезвычайного Лаишевского уездного земского собрания, состоявшегося 10 июля и с 29 сентября по 3 октября 1902 г. – Казань: Тип. А.М. Петрова, 1903. – 170 с.

40. Постановления экстренного заседания Лаишевского уездного земского собрания 25 января 1887 г. – Казань: Тип. А.А. Родионова, 1888. – 10 с.

41. Правила о мерах предосторожности от пожаров вне городских поселений и о возведении сельских построек в Казанской губернии, составленных и утвержденных в порядке указанном ст. 1937, 1938 и 1940 т. II Свода законов, издания 1876 г. [Текст]. – Казань: [б. и., б. г.]. – 44 с.

42. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. 36. – СПб: Тип. II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1863. – 1057 с.

43. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. 39. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1867. – 973 с.

44. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. 45. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1874. – 896 с.

45. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Т. 12. – СПб.: Гос. тип. – 1353 с.

46. Распространенность трахомы в Казанской губернии / Издание Казанского губернского земства. – Казань: Тип. Губ. правл., 1914. – 113 с.

47. Смета расходов на уездные земские потребности Лаишевского уезда на 1898 г. – Казань: Тип. Б.Л. Домбровского, 1898. – 239 с.

48. Устав Лаишевского общества любителей садоводства и огородничества. – Казань: Типо-лит. М.М. Татарского, 1911. – 11 с.

49. Устав Лаишевского общества трезвости. – [Б. м., б. г.] – 10 с.

50. Устав Лаишевского общественного собрания. – Казань: Типо-лит. А. А. Родионова, 1894. – 16 с.

51. Устав Рождественского сельскохозяйственного общества, Лаишевского уезда. – Казань: [б. и.], 1913. – 10 с.

Статистические издания и материалы справочного характера

1. Адрес-календарь и справочная книжка Казанской губернии на 1915 г. – Казань: Тип. Губ. правл., 1914. – 854 с.

2. Адрес-календарь и справочная книжка Казанской губернии на 1916 г. – Казань: Тип. Губ. правл., 1916. – 1062 с.

3. Ежегодник Главного управления землеустройства и земледелия по Департаменту земледелия и Лесному департаменту [Текст] / Г.У.З. и З. Департамент земледелия. – СПб.: Тип. В.Ф. Киршбаума, 1910. – 873 с.

4. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. – Т. 8: Казанская губерния / Сост. М. Лаптев. – СПб.: Военн. тип., 1861. – 616 с.

5. Каталог книг Лаишевской городской общественной библиотеки. – Казань: Тип. Губ. правл., 1894. – 14 с.

6. Каталог книг Лаишевской городской общественной библиотеки. – Казань: Скоропечатня И. Я. Исерлис, 1909. – 96 с.

7. Крестьянское землевладение Казанской губернии. – Вып. 2. Лаишевский уезд. – Казань: типо-лит. И.В. Ермолаевой, 1907. – 94 с.

8. Медресе Казанской губернии второй трети XIX – начала XX в.: сб-к док-тов и мат-лов / Под общ. ред. Д.И. Ибрагимова. – Казань: Главное архивное управление при Кабинете министров РТ, 2012. – 288 с.

9. Обзор Казанской губернии за 1885 г. – Казань: тип. Губ. правл., 1886. – 101, 92 с.

10. Обзор Казанской губернии за 1896 г. – Казань: тип. Губ. правл., 1897. – 82, 96 с.
11. Обзор Казанской губернии за 1897 г. – Казань: тип. Губ. правл., 1898. – 105, 122 с.
12. Обзор Казанской губернии за 1898 г. – Казань: тип. Губ. правл., 1899. – 112, 142 с.
13. Обзор Казанской губернии за 1899 г. – Казань: тип. Губ. правл., 1900. – 92, 138 с.
14. Обзор Казанской губернии за 1900 г. – Казань: тип. Гу. правл., 1901. – 87, 138 с.
15. Обзор Казанской губернии за 1901 г. – Казань: тип. Губ. правл., 1902. – 101, 141 с.
16. Опись городских поселений Казанской губернии/ Сост. А.П. Орловым. – Вып. 1. – Казань: тип. Губ. правл., 1885. – 185 с.
17. Памятная книга Казанской губернии на 1863 г. – Казань: Казан. губ. тип., 1862. – 514 с.
18. Памятная книга Казанской губернии на 1866/1867 г. – Казань: Казан. губ. тип., [б.г.] – 227, 54 с.
19. Памятная книжка Казанской губернии за 1889/1890 г. – В 2 ч. – Ч. II. Казань: Тип. Губ. правл., 1890. – 64 с.
20. Памятная книжка Казанской губернии за 1889/1890 г. – В 2 ч. – Ч. II. – Казань: Тип. Губ. правл., 1890. – 317 с.
21. Памятная книжка Казанской губернии за 1891/1892 г. / Сост. В. Люстрицкий. – Казань: Тип. Губ. правл., 1892. – 253, 80 с.
22. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г./ Под ред. Н.А. Тройницкого. XIV. Казанская губерния. – СПб.: Изд-е Центр. стат. ком-та МВД, 1904. – 284 с.
23. Сборник статистических сведений о заведениях закрытого призрения детей, в том числе сирот сельского населения / сост. Канцелярией Совета министров (по Романов. ком.). – Пг.: Гос. тип., 1916. – 371 с.
24. Сельскохозяйственный обзор Казанской губернии за 1912 г. – Казань: лито-тип. И.Н. Харитонова, 1913. – 119, 132 с.
25. Сельскохозяйственный обзор Казанской губернии за 1913 г. – Казань: лито-тип. И.Н. Харитонова, 1914. – 137, 154 с.
26. Сельскохозяйственный обзор Казанской губернии за 1914 г. – Казань: лито-тип. И.Н. Харитонова, 1915. – 164, 226 с.

27. Сельскохозяйственный обзор Казанской губернии за 1915 г. – Казань: лито-тип. И.Н. Харитоновна, 1917. – С. 154, 206 с.

28. Список населенных мест Казанской губернии, с кратким описанием их. Лаишевский уезд / Сост. Износков И.А. – Казань: Тип. Губ. правл., 1893. – 115 с.

29. Список нижним чинам, удостоенным награждения Георгиевскими крестами // Приказы по войскам 5-й армии №№ 227–424. – [Б.м., б.г.]. – С. 3–4.

30. Третий созыв Государственной думы: портреты, биографии, автографы. – СПб.: Изд-е Н.Н. Ольшанского, 1910. – 125 с.

31. Указатель фабрик и заводов Европейской России и царства Польского. Изд-е второе / Сост. П.А. Орлов. – СПб.: Тип. Р. Голици, 1887. – 827 с.

32. Фабрично-заводские предприятия Российской империи (исключая Финляндию). – Изд-е второе. – Петроград: Электро-тип. Н.Я. Стойковой, 1914. – № 4286 (д), № 4300 (д), № 4301 (д). – 969 с.

33. Члены Государственной думы: портреты и биографии. Второй созыв, 1907–1912 г./ сост. М.М. Боиович. – М.: Тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1907. – 519 с.

34. Экономическое состояние городских поселений Европейской России в 1861–1862 гг. СПб.: Тип. К. Вульфа, 1863. – Ч. 1. – Казанская губерния. – 923 с.

Периодические издания

1. Волжский вестник. 1887, 1894, 1897.
2. Журнал для нормальной и патологической гистологии и клинической медицины. 1875.
3. Журнал Министерства внутренних дел. 1846.
4. Журнал Министерства народного просвещения. 1871, 1876.
5. Казанские губернские ведомости. 1851, 1861, 1862, 1865, 1875, 1877.
6. Казанские известия. 1817.
7. Камско-Волжская речь. 1873, 1912, 1913, 1914.
8. Прогрессивное садоводство и огородничество. 1909.
9. Русский вестник. 1885.

Источники личного происхождения

1. Боголюбов А. Воспоминания по поводу одного юбилея // Известия о Казанской епархии. – 1904. – №21 (1 июня). – С. 678.

2. Булич Н.Н. Из первых лет Казанского университета, 1805–1819. Рассказы по архивным документам Н. Булича. – Т. 2. – СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1904. – С. 323.

3. Записки из известных всем происшествиев и подлинных дел, заключающие в себе жизнь Гаврилы Романовича Державина [Электронный ресурс] URL: <https://derzhavin.petrstu.ru/site/notes-view?id=10> (дата обращения: 26.10.2022).

4. Записки ходоков крестьян Казанского и Лаишевского уездов Казанской губернии по поездке их в Волынский район для ознакомления с типами хуторских хозяйств того района. – Казань: Губ. землеустр. комис., 1908. – 14 с.

5. Казем-Бек Н.А. Причина моего разорения. – Казань: Типолит. И.Н. Харитонова, 1911. – [2], 40, 7 с.

6. Казем-Бек М.Л. Дневники. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2016. – 560 с.

7. Карл Фукс о Казани, Казанском крае: труды, документы, воспоминания, исследования: [науч.-биогр. сб-к] / Сост. М.А. Усманов, А.В. Гарзавина, И.А. Новицкая. – Казань: Жиен, 2005. – 479 с.

8. Массип М. Истина – дочь времени. Александр Казем-Бек и русская эмиграция на Западе / Предисл. М. Раева; пер. с фр. Н.М. Сперанской. – М.: Языки славянской культуры, 2010. – 743 с.

9. Мельников Н.А. 19 лет на земской службе: (Автобиографический очерк и воспоминания) // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII – XX вв.: Альманах. – М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2008. – С. 198–431 [Электронный ресурс] URL: <http://feb-web.ru/feb/rosarc/rah/rah-198-htm> (дата обращения: 28.01.2022).

10. Мельников Н.А. 19 лет на земской службе: автобиографический очерк и воспоминания. – Йошкар-Ола: [МарНИИЯЛИ], 2008. – 344 с.

11. Понсе-де-Сандон. Изучать ли мне медицину? (Письма к племяннику). – Казань: Унив. тип., 1883. – 60 с.

12. Путевые заметки Н.А. Толмачева о жизни и быте крестьян Казанской губернии в середине XIX в.: сб-к док-тов и мат-лов / Сост., автор предисл., примеч. научно-справочного аппарата Х.З. Багаудинова. – Казань, 2019. – 132 с.

13. Священник Ф.Н. Сосунцов (Некролог). (Продолжение) // Известия Казанской епархии. – 1906. №43 (15 ноября). – С. 1364–1371.

14. Чириков Е.Н. Автобиографическая справка [Электронный ресурс] URL: http://az.lib.ru/c/chirikow_e_n/text_0030.shtml (дата обращения: 26.10.2022).

15. Эллер Н. Из прошлого в будущее // Казань [Электронный ресурс] URL: <http://kazan-journal.ru/news/kazan-i-kazantsyi/iz-proshlogo-v-budushchee> (дата обращения: 25.10.2022).

16. Энгельгардт А.Н. Из деревни. 12 писем: 1872–1887. – М.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1937. – 491 с.

III. ЛИТЕРАТУРА

1. Акшиков А.Г. Земские врачи Марийского края: биографические очерки: (к 140-летию учреждения земств в Марийском крае). – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2006. – 104 с.

2. Алексеев И. «Кадровый вопрос» в Казанском жандармском управлении накануне февральской революции 1917 г. // Русская народная линия [Электронный ресурс] URL: https://ruskline.ru/analitika/2010/12/08/kadrovuj_vopros_v_kazanskom_gubernskom_zhandarmskom_upravlenii_nakanune_fevralskoj_revoljucii_1917_g (дата обращения: 26.10.2022).

3. Андреева Н.Б. Губернский и уездные города Казанской губернии в 1781–1860 гг.: проблемы политической и социально-экономической истории города в полиэтническом регионе // Вестник Чувашского университета. – 2006. – № 4. – С. 23.

4. Афонина Е.В. Участие женщин-врачей Казани в Первой мировой войне // Татарский народ и народы Поволжья в годы Первой мировой войны: сб-к мат-лов Всеросс. науч. конф. с междунар.

уч., приур. 100-летию начала войны. Казань: Ин-т истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2014. – С. 149–157.

5. Белов С.Г. Основные тенденции развития фабрично-заводской промышленности Казанской губернии в пореформенный период // Вестник Томского государственного университета. – 2014. – № 389. – С. 133–138.

6. Битва гвардий [Электронный ресурс] URL: <http://btgv.ru/archive/-305th-infantry-laishevsky-regiment-in-november-1914-october-1915-year/> (дата обращения: 26.10.2022).

7. Бойко С.Ф. Казанское губернское жандармское управление в годы Первой мировой войны: о некоторых новых направлениях деятельности // Запад – Восток. Научно-практический ежегодник. – 2014. – С. 26–35.

8. Букреева О.Г. Культурно-просветительская деятельность попечительства о народной трезвости в России в конце XIX – начале XX в. // Известия Самарского научного центра РАН. Исторические науки. – Т. 1, № 1. – 2019. – С. 22–29.

9. Валеева Н.Г. Чистопольское уездное земство Казанской губернии (1865–1914 гг.): историко-краеведческое исследование. – М.: Перо, 2019. – 471 с.

10. Веселовский Б.Б. История земства за сорок лет. – СПб.: Изд-во О.Н. Поповой, 1909. – Т. 1. – 724 с.

11. Габдрафикова Л.Р., Абдуллин Х.М. Татары в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.): монография. – Казань: Ин-т истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2015. – 396 с.

12. Гумерова А.Т. Традиция православного пения крещеных татар Лаишевского и Мамадышского уездов Казанской губернии: из истории возникновения // PHILHARMONICA. International Music Journal. – 2021. – №3. – С. 82–88. DOI: 10.7256/2453-613X.2021.3.35028 [Электронный ресурс] URL: https://nbpublish.com/e_phil/contents_2021_3.html#35028 (дата обращения: 26.10.2022).

13. Гуревич Ю.В. Первый директор Казанского Учительского института действительный статский советник и кавалер Парамонов Егор Иванович. 1876 – 1896 гг. – Казань: Идел-Пресс, 2007. – 184 с.

14. Деятели революционного движения в России. От декабристов до падения царизма. Т. 1. От предшественников декабри-

стов до конца «Народной воли». – Ч. 2. – М.: изд-е Всесоюзного общества полит. каторжан и ссыльно-поселенцев, 1928. – 496 стб..

15. Долгов А. Көлкәмәр. Колкомерка. – Питрәч: Питрәч район газетасы типографиясендә басылды, 2014. – 73 б.

16. Долгов Е.Б. «...Оное же село Алексеевское, что за Камою, строится вновь» // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 2001. – № 1/2. – С. 187–190.

17. Ермаков В.В. Социальная благотворительность в Прикамье в XIX – начале XX в. // Власть. – 2011. – № 12. – С. 164–167.

18. Ермаков В.В. Торгово-промышленное предпринимательство в Прикамье в XVIII – начале XX вв. Казань: Казан. ун-т, 2011. – 410 с.

19. Жеденов Н.Н. Детские сельскохозяйственно-кустарные приюты самопомощи. История их, устройство и жизнь. С 5-ю рисунками и с 5-ю планами. – СПб.: Кн. маг. Н. Фену и Ко, 1896. – 212 с.

20. Жеденов Н.Н. Общественное призрение детей на началах самостоятельного их существования в связи с вопросом о сельскохозяйственном и кустарном образовании. – Изд-е второе. – Саратов: Тип. Губ. земства, 1894. – 43 с.

21. Заметки о земской медицине в Казанской губернии. Доклад Обществу врачей г. Казани 19 нояб. 1871 г. / А.В. Петров, А.Я. Щербаков. – Казань: Унив. тип., 1872. – 110 с.

22. Знаменитые люди о Казани и Казанском крае / Сост. Гарзавина А.В., Новицкая И.А. – Казань: Жиен, 2005. – 422 с.

23. Зорин А.Н. Города и посады дореволюционного Поволжья. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001. – 703 с.

24. Ивановский В.В. Опыт исследования деятельности органов земского самоуправления в России: уезды – Слободской Вятской губернии и Лаишевской Казанской губернии. – Казань: Унив. тип., 1881. – 344 с.

25. Историко-культурный атлас Алексеевского района Республики Татарстан. – Казань: Оранж Кей, 2018. – 160 с.

26. Историко-культурный атлас Лаишевского района Республики Татарстан. – Казань: Фолиант, 2014. – 100 с.

27. История и культура татар-кряшен (XVI–XX вв.): коллективная монография. – Казань: Ин-т истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2017. – 960 с.

28. История Лаишевского края / Сост. К.М. Низаметдинов, И.Х. Халиуллин; науч. ред. И.Х. Халиуллин. – Чебоксары: [б.и.], 1997. – 260 с.

29. История татар с древнейших времен. – Т. VI. – Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2013. – 1236 с.

30. Исхаков Р.Р. «Они, руководимые подстрекателями, отказались исполнить волю государя императора». К истории «отпаденний» в ислам крещеных татар 1866 г. // Кряшенское историческое обозрение. – 2018. – №2. – С. 154–159.

31. Исхаков Р.Р. Трансформация религиозной культуры и конфессиональной идентичности татар-кряшен во второй половине XIX в. // Кряшенское историческое обозрение. – 2020. – №2. – С. 17–32.

32. Карандашев Г.В. Крестьянская повседневность: потребление алкоголя в российской глубинке в конце XIX – начале XX века // Ярославский педагогический вестник. – 2017. – №1. – С. 369–372.

33. Карташева Е.И. Старообрядцы в Лаишевском уезде в первой половине XIX века // Г.Р. Державин и диалектика культур: мат-лы Междунар. науч. конф. (Казань – Лаишево, 13–15 июля 2012 г.). – Казань, 2012. – С. 264–269.

34. Корбут М.К. Казанский государственный университет им. В.И. Ленина за 125 лет 1804/5 – 1929/30. В 2 т. – Казань: Изд-во Каз. гос. ун-та им. В.И. Ленина, 1930.

35. Кульбака Н.Э. История дворянского рода Донауровых. – М.: Старая Басманная, 2013. – 182 с.

36. Куницын Б. «А Буртасское село – все садовник наголо» // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 2012. – №1/2. – С. 238.

37. Литвин А.А., Митрофанов Т.С. Состояние волостного самоуправления в Казанской губернии в первый год реализации крестьянской реформы // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2020. – Т. 162, кн. 1. – С. 35–43.

38. Лукьянов И.К. Трахома в Волжско-Камском крае (очерки и материалы). – Чебоксары: тип. Чув. изд-ва, 1925. – С. 13.

39. Миронова Е.В. Факторы развития помещичьего хозяйства Лаишевского уезда Казанской губернии в пореформенный период // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. – 2014. – Т. 156, кн. 3. – С. 77.

40. Миронова Е.В. Должностные преступления казанских дворян (середина XIX – начало XX в.) // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 2015. – №1–2. – С. 40–45.

41. Моисеев (Мысев) Степан Филиппович // Книга памяти Республики Татарстан [Электронный ресурс] URL: <https://base.memo.ru/person/show/520284> (дата обращения: 26.10.2022).

42. Морозова Е.В., Созинов А.С. Основные направления развития земского здравоохранения в Казанской губернии в XIX в. // Казанский медицинский журнал. – 2014. – Т. 95. – №1. – С. 124–127.

43. Мухамадеева Л.А. Страницы истории татарского предпринимательства: купеческая династия Сайдашевых (вторая половина XIX – начало XX веков). – Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2020. – 292 с.

44. Низамова М.С. Казанское земство в конце XIX – начале XX вв.: Местное самоуправление и земское общественное движение. – Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2003. – 94 с.

45. Новиков М.А. К вопросу о судьбе помещичьих садов, переходящих в руки крестьян // Прогрессивное садоводство и огородничество. – 1909. – №46 [Электронный ресурс] URL: <http://kajuta.net/node/3043> (дата обращения: 26.10.2022).

46. Новоспаский Алексей Яковлевич // Книга памяти Республики Татарстан [Электронный ресурс] URL: [https://ru.openlist.wiki/Новоспаский_Алексей_Яковлевич_\(1868\)](https://ru.openlist.wiki/Новоспаский_Алексей_Яковлевич_(1868)) (дата обращения: 01.02.2022).

47. Новоспаский Василий Яковлевич // Книга памяти Республики Татарстан [Электронный ресурс] URL: [https://ru.openlist.wiki/Новоспаский_Василий_Яковлевич_\(1885\)](https://ru.openlist.wiki/Новоспаский_Василий_Яковлевич_(1885)) (дата обращения: 01.02.2022).

48. Новоспаский Федор Данилович // Книга памяти Республики Татарстан [Электронный ресурс] URL: [https://ru.openlist.wiki/Новоспаский_Федор_Данилович_\(1860\)](https://ru.openlist.wiki/Новоспаский_Федор_Данилович_(1860)) (дата обращения: 01.02.2022).

49. Олейник В. Из жизни сельской больницы // Татарстан. – 2010. – № 7. – С. 32–35.

50. Олейников А.В. Захвачены в бою. Трофеи русской армии в Первой мировой. – М.: Вече, 2014. – 349 с.

51. Педагогическая деятельность Н.Н. Жеденова // Гроза врагов русского народа / Отв. ред. О.А. Платонов. – М.: Ин-т рус. цивилизации, 2013. – 704 с.

52. Петров-Текин Н.И. Кряш-Серда (история деревни, жизнь народа, архивные документы). 1490-1900 гг. – Ин-т истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2018. – 363 с.

53. Пичугина В.В. Польская интеллигенция в общественно-политической жизни Поволжья и Приуралья, XIX в.: дисс. ... к.и.н. – Казань, 2000. – 187 с.

54. Салимова Э.А. Земская медицина в Казанской губернии в пореформенный период // Вестник ТГГПУ. – 2007. – №1(8). – С. 14–21.

55. Саматова Ч.Х. Из истории организации и функционирования сельских учебных заведений на территории Лаишевского района Республики Татарстан во второй половине XIX – начале XX в. // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2016. – №05. – С. 42–46.

56. Саматова Ч.Х. Из истории школьного образования в городе Лаишево (XIX – начало XX в.) // История России и Татарстана: Итоги и перспективы энциклопедических исследований: сборник статей итоговой научно-практической конференции научных сотрудников Института Татарской энциклопедии АН РТ (г. Казань, 25–26 июня 2014 г.). – Казань: Фолиант, 2014. – Вып. 6. – 524 с. – С. 291–311 [Электронный ресурс] URL: <https://kzref.org/akademiya-nauk-respubliki-tatarstan.html?page=37> (дата обращения: 28.01.2022).

57. Саматова Ч.Х., Ибрагимов Р.Р. Становление и развитие земской медицины в Лаишевском уезде Казанской губернии во

второй половине XIX – начале XX в. // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 2016. – №3/4. – С. 260–269.

58. Сбоев В.А. Исследования об инородцах Казанской губернии. – Казань: Изд-е книгопродавца И.В. Дубровина, 1856. – 188 с.

59. Сбоев В.А. О быте крестьян в Казанской губернии. Казань: тип. Ун-та, 1856. – 36 с.

60. Семенова Ю.Е. Мироззрение городского населения Поволжья в годы Первой мировой войны (1914 – начало 1918 гг.): социальный, экономический, политический аспекты. – Самара: АНО «Издательство СНЦ РАН», 2012. – 888 с.

61. Смирнова Е.М. Вспомогательный медицинский персонал на земской службе // История медицины. – 2014. – № 3. – С. 15–23.

62. Среднее и Нижнее Поволжье и Заволжье. – Репр. изд-е / Под ред. В.П. Семенова. – Ульяновск: Дом печати, 1998. – 599 с.

63. Страницы истории дворянства Лаишевского уезда / Сост. Ф.Г. Муртазина, С.В. Багрянова. [Музей Лаишевского края им. Г.Р. Державина]. – [б.м., б.г.]. – 11 с.

64. Титов Александр Сергеевич // Книга памяти Республики Татарстан [Электронный ресурс] URL: <https://lists.memo.ru/d32/f301.htm> (дата обращения: 01.02.2022).

65. Трофимова М.И. Рыбная слобода. Живые голоса (Популярные очерки об истории и людях Рыбной слободы). – Казань: Идель-Пресс, 2006. – 376 с.

66. Файзрахманов И.З. Развитие мануфактурной промышленности Казанского края во второй половине XVIII в. – Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2013. – 208 с.

67. Филиппов М.А. История и современное состояние карательных учреждений за границей и в России. – СПб.: тип. и лит. А. Траншеля, 1873 г. – 378 с.

68. Фролова С.А. Дворянские усадьбы Казанской губернии (конец XVIII в. – первая половина XIX в.) // Краеведческие среды. Вып. 2. – Казань, 2002. – С. 8–23.

69. Хрущов И.П. О материалах для этнографии уличной жизни детей, собранных в городе Лаишеве К.С. Рябинским. – СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1886. – С. 199–211.

70. Человек в революции: Казанская губерния. Т. 2. 1917 г. – Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. – 432 с.

71. Чириков Е.Н. Очерки и рассказы. – СПб.: Знание, 1900. – 397 с.

72. Шакиров З.Г. К вопросу о городском населении Лаишева во второй половине XVI – XVII вв. // Г.Р. Державин и диалектика культур: мат-лы Междунар. науч. конф. (Казань – Лаишево, 13–15 июля 2012 г.). – Казань, 2012. – С. 261–264.

73. Шевченко И.А. Дело о закрытии питейных заведений села Максимовки Самарской губернии в Государственной думе Российской империи III созыва // Манускрипт. – 2018. – № 11(97). – Ч. 2. – С. 237.

74. Шибаета В.Ф., Бреткина М.А., Ванюшкин Е.А. Военные госпитали и лазареты в годы Первой мировой войны в Чувашском крае // Здоровоохранение Чувашии. – 2014. – №3 [Электронный ресурс] URL: <https://zdravch.ru/2020/11/19/voennye-gospitali-i-lazarety-v-gody-pervoj-mirovoj-voiny-v-chuvashskom-krae/> (дата обращения: 26.10.2022).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН РТ – Академия наук Республики Татарстан

ГА РТ – Государственный архив Республики Татарстан

МВД – Министерство внутренних дел

ПСЗ-2 – Полное собрание законов Российской империи.
Собрание 2-е

ПСЗ-3 – Полное собрание законов Российской империи.
Собрание 3-е

РАН – Российская академия наук

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив

РГИА – Российский государственный исторический архив

Сц. – сельцо

Миронова Елена Валерьевна

**ЛАИШЕВСКИЙ УЕЗД
В СЕРЕДИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА
Монография**

Научное издание

Компьютерная верстка – *Л.М. Зигангареева*
Подписано в печать 15.11.2022 г. Формат 60×84^{1/16}
Усл. печ. л. 14,25 Тираж 100 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии ООО «Фолиант»
г. Казань, ул. Профсоюзная, 17в
E-mail: foliantkazan@mail.ru

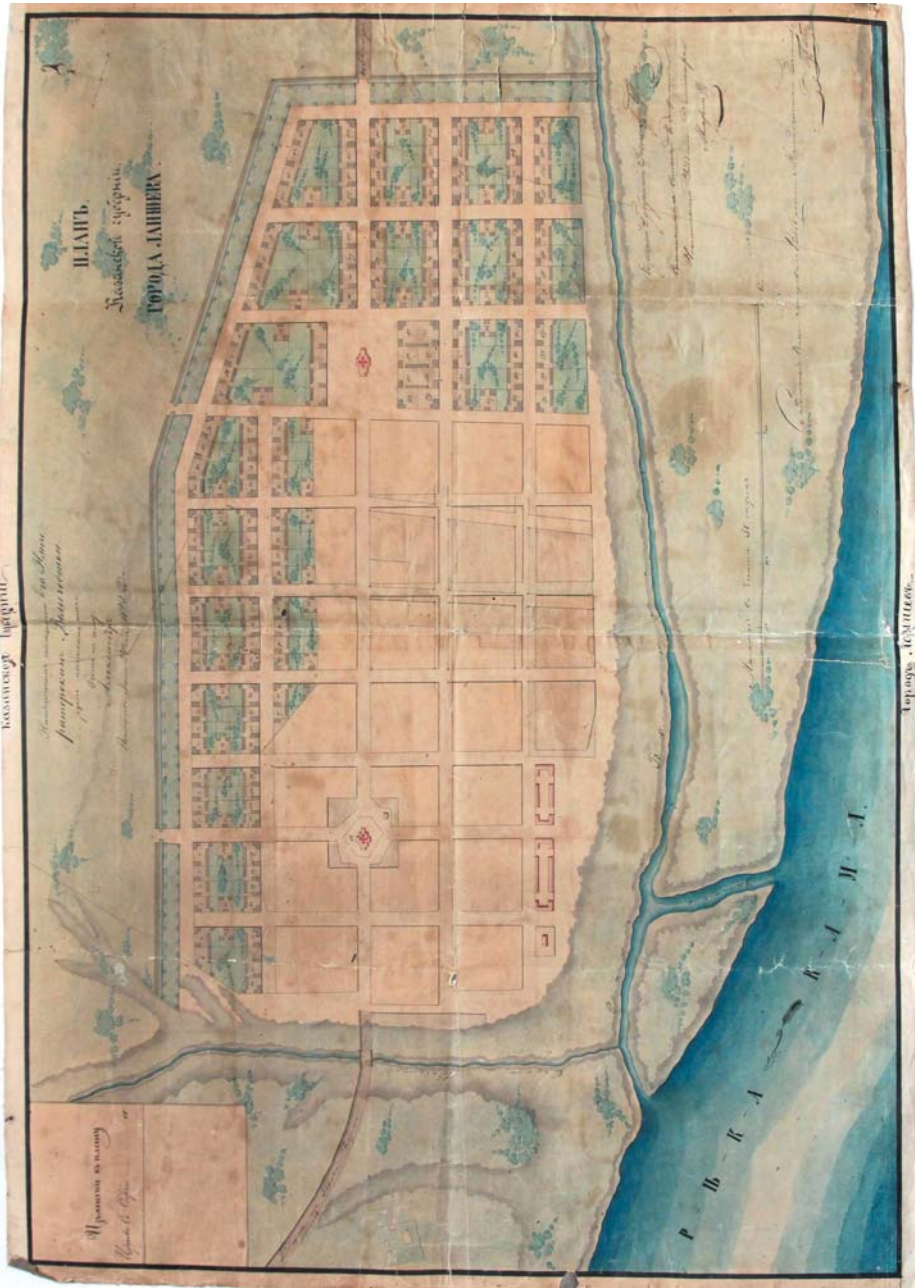
Сайт

Института истории
Академии наук РТ

Татаровед.рф

Карта Лайшевского уезда Казанской губернии 1895 г.
 Источник: <http://map.etomesto.ru/base/16/laishevskiy-uezd-1895.jpg>

План г. Лаишев. 1822 г. Из фондов Национального музея РТ

Горталов Александр
Петрович – лаишевский
уездный предводитель
дворянства
в 1905–1913 гг.
*Из личного архива
Натальи Владими-
ровны Никулиной
(Макаловской) – внучки
воспитанницы Петра
Ивановича Горталова*

Печать Лаишевской земской управы.
Сер. XIX в. *Из фондов Музея Лаишевского
края им. Г.Р. Державина*

Печать «Страховой агентъ
Лаишевскаго уезда Казанской
губернии». Вторая пол. XIX в.
*Из фондов Музея Лаишевского
края им. Г.Р. Державина*

Батуров Михаил Васильевич (род. в 1857 г.) – депутат II Государственной думы. *Источник: Члены Государственной думы: портреты и биографии. Второй созыв, 1907–1912 г. / сост. М.М. Боювич. – М.: Тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1907. – С. 109*

Потомственные связисты г. Лаишев Мария и Павел Федотовы. *Из фондов Музея Лаишевского края им. Г.Р. Державина*

Портрет военкома г. Лаишев в 1918 г. И.М. Антонова. Сер. XX века. *Из фондов Национального музея РТ*

Лаишевское низшее ремесленное училище. 1910 г. *Из фондов Музея Лаишевского края им. Г.Р. Державина*

Учителя г. Лаишев.
Из фондов Музея Лаишевского края им. Г.Р. Державина

Ученицы Лаишевской женской гимназии. 1918 г.
Из фондов Музея Лаишевского края им. Г.Р. Державина

Ваше Высочайшее повеление

Глубокоуважаемый

Михаилъ Николаевичъ!

Имя Ваше не разрывно связано для Лаишевскаго уѣзда съ иѣкоторыми учрежденіями въ городѣ и уѣздѣ. Хотя въ памятный тяжелый 1898 годъ намъ не пришлось лично привѣтствовать Васъ въ нашемъ уѣздѣ, но Вы черезъ Вашихъ помощниковъ проводили на мѣстахъ своихъ мѣропріятій по оказанію трудовой помощи населенію и мѣропріятія эти не заглуши, но оставили глубокой слѣдъ. Въ результатъ ихъ создано въ Лаишевѣ Попечительное о дѣлѣ трудолюбія Общество, которое при Вашемъ просвѣщенномъ содѣйствіи объединило всѣ учрежденія, возникшія въ городѣ и уѣздѣ. Дѣятельность Общества постепенно развивается и расширяется. Самый принципъ трудовой помощи, замѣняющей не безразличную въ моральномъ отношеніи для крестьянъ выдачу продовольственныхъ средствъ, является весьма важнымъ факторомъ въ дѣлѣ общественнаго развитія Россіи и, будучи съ такой энергіей проводимъ Вами, навсегда свяжетъ имя Вашего Высочайшего повеленія съ возникновеніемъ учреждений трудовой помощи. Цѣлый рядъ мастерскихъ (ткацкая въ Емельяновѣ, столярно-слесарная въ Черемухинѣ, башмачно-сапожная въ Бутыряхъ и переплетная въ Лаишевѣ) создаютъ готовыхъ мастеровъ съ обеспеченнымъ заработкомъ; еѣти колодезь и возникшія по Вашей инициативѣ если спасутъ не однихъ десятковъ жителей, обеспечивая населеніе здоровой питьевой водой, а дѣтей питательной пищей.

Своими простыми и обаятельными обращеніемъ Вы привлекли къ себѣ сердца всѣхъ вмѣшавшихъ съ Вами общеніе людей; Вамъ не трудно было привлечь интеллигентныхъ работниковъ къ себѣ на помощь для проведенія своихъ мѣропріятій, а иѣкоторые состоятельные лица съ готовностью откликнулись на Вашъ призывъ помочь Вамъ своими средствами.

Лаишевское Попечительное о дѣлѣ трудолюбія Общество, избравъ Васъ, какъ своего создателя и руководителя, почетнымъ членомъ, возложило на насъ лестную и принятую обязанность лично привѣтствовать Ваше Высочайшее повеленіе съ знаменательнымъ днемъ Вашего полулѣтняго юбилея и пожелать Вамъ продолжать и даже свою высочайшеполезную государственную и общественную дѣятельность, которая, несомнѣнно, будетъ по достоинству оценена Правительствомъ и Обществомъ, для котораго Ваше Высочайшее повеленіе такъ много и плодотворно потрудилось.

10-го февраля 1904 года.

Поздравительный
адрес Михаилу
Николаевичу
Триполитову – в свя-
зи с 50-летним юби-
леем – от Лаишевско-
го Попечительного
о доме трудолюбія
Общества. 1904 г.
Из фондов Нацио-
нального музея РТ

Ученики Смол-
деярвской
школы грамо-
ты. Нач. XX в.
Из фондов
Музея Лаишев-
скаго края им.
Г.Р. Державина

Софийский собор.
1905 г. Из фондов
Музея Лаишевского
края им. Г.Р. Дер-
жавина

Грамота о посвяще-
нии в степень ие-
рархскую дьякона
Рафаила Дмитриев-
ского во храм в селе
Крещеных Янасалах
Лаишевского уезда
от имени архиепи-
скопа Казанского
и Свяжского
Дмитрия.
11 марта 1906 г.

Слева: Парамоновы Дмитрий, Мария Георгиевна и супруга Дмитрия Ольга Николаевна (урожденная Эсмонт). На крыльце: Ольга Георгиевна и Аркадий Тимофеевич Орловы. Справа: Юшковы. С. Астраханка.
Из фондов Музея Лаишевского края им. Г.Р. Державина

Поместье Лебедевых Лаишевского уезда. Фотография 1870–1899 гг.
Из фондов Национального музея РТ

Прошение в Казанскую думу от крестьянина села Каипы Лаишевского уезда, нуждающегося в земле и пастбище. 1915 г. Из фондов Национального музея РТ

Господним Депутатом
в Казанскую Студенческую
Думу

Отъ Христьянина А. А. Лободова
Лаишевского уезда, Деревни
Салва Каипы
Прощение

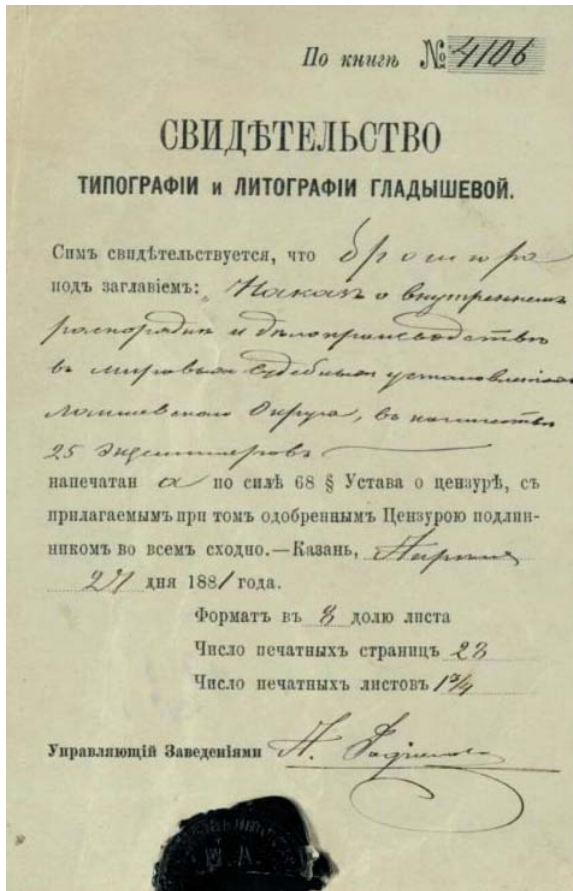
Объявление нашего помещика эрзии
Насъ моя христьяне Салва Каипы по
ел на одной частной на стоа де частности
у насъ стоитъ дома и усадьба и по
мы купились въ землю и въ пастбище
смота но какъ куплюе мто ли мот
деревни дома. Стрѣло мотъ
два болшо землю Кононигеску по
Эрзии мотъ купились въ. Варте. М. А. Лоб
и въ последисе время оны ч насъ е
въ 1915 году вотъ какъ оны Лободова
въ насъ обратила въ прошисе года
мы насъ заглывае эрзии и насъ
не посими требоване по
деревни дома по всему
травли соблаши. А по
поступилъ просилъ Вася
Врашисе мотъ бога
Видите въ помещикъ
Видите въ помещикъ
Видите въ помещикъ

Конный завод П.В. Щетинкина в д. Среднее Девятово.
Из фондов Музея Лаишевского края им. Г.Р. Державина

Печать
А.Я.Сайдашева.
Бронза.
Из фондов
Музея Лаишев-
ского края им.
Г.Р. Державина

Свидетельство типографии и литографии Гладышевой о напечатании брошюры «Наказ о внутреннем распорядке и делопроизводстве в мировом судебном установлении Лаишевского Округа». 1881 г.
Из фондов Национального музея РТ

Первый в России зимний автопробег Казань – Лаишев – Шуран по грунтовым дорогам. 2 января 1914 г.

Из фондов Музея Лаишевского края им. Г.Р. Державина

Строительство Лаишевского тракта (дамбы Казань – Лаишево). Фотография нач. XX в. Из фондов Национального музея РТ

Строительство Лаишевского тракта (дамбы Казань – Лаишево). Фотографии нач. XX в. Из фондов Национального музея РТ

Киселева Анна Тимофеевна 1902 года рождения в costume кряшенки
Костюм крещеных татар с. Ташкирмень. Сер. XIX в. Из фондов Музея Лаишевского края им. Г.Р. Державина

